А.М. Эрдедевский

Компенсация морального вреда в России и за рубежом

Москва 1997

Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. — М.: Издательская группа ФОРУМ—ИНФРА-М, 1997. — 240 с.

В книге комплексно рассматриваются правовые проблемы компенсации морального вреда в России, Англии, США и Германии, освещен широкий круг вопросов: понятие морального вреда, право на компенсацию морального вреда, общие правила определения размера компенсации и их особенности для различных видов правонарушений.

Использованная в книге отечественная и зарубежная судебная практика и ее подробный анализ помогут читателю разобраться в сложных вопросах, связанных с компенсацией морального вреда, в особенности с определением денежного размера компенсации. Разработанные автором формула и таблица для обоснованного определения размера компенсации уже находят применение в судебной практике.

Для практического использования в книге приведена подборка законодательства о компенсации морального вреда, разработаны образцы исковых заявлений о компенсации морального вреда и типовое соглашение о добровольной компенсации морального вреда.

Для практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

Содержание

Введение

Широк круг социальных связей современного человека, велика зависимость его от государства и общества, и, следовательно, высока вероятность претерпевания человеком многочисленных обид на своем жизненном пути. Незаконное увольнение работника; врачебная ошибка, приведшая к потере трудоспособности; сгоревшая в результате неисправности телевизора недавно купленная квартира; туристическая поездка, не состоявшаяся в результате незаконного отказа чиновника в выдаче заграничного паспорта; инвалидность, наступившая вследствие неудачно проведенной операции, — эти и многие другие правонарушения могут быть совершены в отношении каждого человека, причиняя потерпевшему немалое горе.

Общепризнанно, что для правового государства характерно наличие высокого уровня обеспеченности прав и свобод человека, верховенство общечеловеческих ценностей. Ряд основополагающих международно-правовых актов, касающихся прав и свобод человека (Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах и др.), предусматривают необходимость обеспечения основных прав человека. Конституция Российской Федерации ставит право на жизнь, здоровье, честь и достоинство в ранг естественных и неотчуждаемых прав личности, что предполагает их эффективную охрану и защиту. Важнейшей задачей правового государства должно быть обеспечение наиболее справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права и (или) возмещение причиненного вреда. Статья 1 Конституции РФ провозгласила Российскую Федерацию правовым государством. Это означает, что она должна отвечать вышеуказанным критериям.

Одним из видов вреда, который может быть причинен человеку, является так называемый «моральный вред», т. е. страдания, вызванные различными неправомерными действиями. Этот вред подлежит компенсации.

В связи с отсутствием единого подхода в судебной практике к определению размера компенсации морального вреда может возникнуть сомнение, является ли судебное решение в этой части актом применения права, т. е. применения равной меры к разным людям, существует ли такая мера объективно, возможна ли проверка законности и обоснованности судебного решения в отношении правильности определения размера ком-

пенсации морального вреда. Существующая судебная практика по делам, связанным с компенсацией морального вреда (не объединенная общей методологией), зачастую отличается крайней несправедливостью выносимых решений в части размера компенсации, поскольку отсутствие единого, хотя бы и ориентировочного базиса, приводит к присуждению совершенно различных сумм компенсации при сходных обстоятельствах дела. В такой ситуации необходимо концептуальное решение этой проблемы. В настоящей работе впервые предлагается концепция, основанная на научном подходе к вопросу компенсации морального вреда вообще и определению денежного размера компенсации в частности и направленная на установление единого методологического подхода в правоприменительной практике.

В отличие от России, где компенсация морального вреда воспринимается большинством населения как некая правовая «диковинка», государства, именующие себя правовыми, имеют, как правило, весьма продолжительный опыт применения института компенсации морального вреда. Еще в семнадцатом веке выдающийся голландский юрист Гуго Гроций указывал: «...возможно также причинение ущерба чести и доброму имени, например, нанесением ударов, оскорблением, злословием, проклятием, насмешкой и другими подобными способами. При них не в меньшей мере, чем при воровстве и иных преступлениях, необходимо отличать порочность поступка от его последствий... Ибо первой соответствует наказание, последней — возмещение причиненного вреда путем признания своей вины, оказания знаков уважения, удостоверения невиновности и тому подобными способами. Хотя и деньги при желании потерпевшего тоже могут оплатить такого рода причиненный достоинству ущерб, потому что деньги есть общее мерило полезности вещей...»[1]

В правовых государствах компенсация морального вреда довольно эффективно используется для защиты личных неимущественных прав граждан. Здесь можно упомянуть страны англосаксонской правовой системы (богатейший опыт в отношении компенсации морального вреда накоплен в Англии и США); страны континентального права. В настоящей работе проводится анализ законодательства и опыта применения института компенсации морального вреда в Англии, США и Германии, некоторые элементы которого могут быть использованы в процессе развития и совершенствования законодательства и судебной практики России. Право Германии выбрано в целях объекта настоящего исследования с учетом того, что Германия является крупнейшим европейским государством с развитой правовой системой, имеющей некоторые сходные черты с российской.

[1] **Гуго Гроций.** О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. — М.: Ладомир, 1994. С. 425.

Раздел 1. Понятие морального вреда

Моральный вред в российском праве

Приступая к рассмотрению понятия «моральный вред», необходимо отметить, что в гражданском праве под вредом понимаются неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, при этом само благо может быть как имущественным, так и неимущественным.

Перечень охраняемых законом неимущественных благ указан в Конституции РФ и Гражданском кодексе РФ. К ним относятся: жизнь, здоровье, честь, достоинство, доброе имя, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна; причем в Конституции РФ подчеркивается (п.1 ст. 55), что этот перечень не должен толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод личности. В соответствии с п. 2 ст. 150 ГК РФ упомянутые права и блага защищаются в предусмотренных гражданским законодательством случаях и порядке, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК) вытекает из существа нарушенного нематериального блага и характера последствий этого нарушения.

В ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, как и в ст. 151 ГК РФ, моральный вред определяется как «физические или нравственные страдания». Очевидно, что законодатель применяет слово «страдания» как ключевое в определении морального вреда. Это представляется вполне обоснованным. Термин «страдание» предопределяет, что действия причинителя морального вреда обязательно должны проявиться в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию. При этом вредоносные изменения в охраняемых благах выражаются в сознании в форме ощущений (физические страдания) и представлений (нравственные страдания). Наиболее близким к понятию «нравственные страдания» следует считать понятие «переживания». Содержанием переживаний может являться страх, стыд, унижение, иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние. Вполне очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать нравственные страдания той или иной степени. Ст. 53 УПК РСФСР подразделяет вред на «имущественный, физический и моральный». Очевидно, говоря о «физическом и моральном вреде», можно употреблять единое понятие — «неимущественный вред». В § 2 главы 59 ГК

РФ говорится о причинении вреда здоровью, что тождественно физическому вреду в смысле ст. 53 УПК РСФСР. Уточним содержание понятия «здоровье». В качестве международно признанного и наиболее широкого определения примем определение Всемирной организации здравоохранения:

«Здоровье — это состояние полного социального, психического и физического благополучия»[1]. В общем случае, неправомерное действие лишает субъекта, в отношении которого оно совершено, по крайней мере одного из элементов указанного благополучия.

Следует отметить, что понятия «физический вред» и «физические страдания» не совпадают по своему содержанию. Более того, согласно ст. 151 ГК РФ, под физическими страданиями понимается именно моральный вред. В целях достижения терминологической и правовой корректности необходимо ввести понятие «вред **организму»,** или **«органический** вред», исключив из юридической терминологии понятие «физический вред» и понимая под органическим вредом любые негативные изменения в организме человека, препятствующие его нормальному биологическому функционированию.

Установление четкой терминологии представляется очень важным для правильного разграничения отдельных видов вреда и их последующего возмещения. Физический (органический) вред — это вред материальный и вместе с тем неимущественный. Вредоносные изменения происходят в организме (т. е. материальной сфере потерпевшего) под влиянием определенных внешних воздействий. Эти изменения приводят или могут привести к негативным последствиям в состоянии психического благополучия и (или) в имущественной сфере личности. Негативные изменения в состоянии психического благополучия могут выражаться в обоего рода страданиях (моральный вред), а в имущественной сфере — в расходах, связанных с коррекцией или функциональной компенсацией телесных недостатков, и утрате дохода (заработка) (имущественный вред). Таким образом, любой органический вред в целях его возмещения (именно возмещение вреда является целью гражданско-правового регулирования) распадается на моральный вред и имущественный вред. Собственно говоря, к такому же выводу приводит и анализ ст. 12 и 15 ГК РФ. В ст. 12 отсутствует такой способ защиты гражданских прав, как «возмещение вреда», но указан способ «возмещение убытков». Текст ст. 15 позволяет сделать вывод, что термин «убытки» применим как к случаям договорных, так и деликтных обязательств: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)». Такое понимание убытков применимо в целях его возмещения при причинении телесного и имущественного вреда. Например, гражданин лишается ноги в результате до-

[1] **Донцов С.Е., Глянцев В.В.** Возмещение вреда по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1990. С. 160.

рожно-транспортного происшествия. Причиненный ему органический вред выражается в утрате ноги, вызывая физические страдания в момент причинения увечья, в процессе заживления раны и в последующих болевых ощущениях. Одновременно осознание своей ущербности, неполноценности, невозможности вести равноценную прежнюю жизнь, утрата прежней работы заставляют его испытывать переживания, т. е. претерпевать нравственные страдания. В совокупности нравственные и физические страдания составляют моральный вред, который при .наличии других необходимых условий должен быть в соответствии со ст. 151 ГК РФ компенсирован в денежной форме.

Помимо этого, чтобы поддерживать свое существование, иметь возможность передвигаться, вести достойный образ жизни, потерпевший заказывает протез, покупает транспортное средство, т. к. состояние увечья вынуждает его обращаться за такими платными услугами. Пользуясь терминологией ст. 15 ГК РФ, он несет расходы для восстановления своего нарушенного права на полноценную, достойную человека жизнь, составляющие реальный ущерб. Теряя прежнюю работу, он утрачивает прежний доход (упускает выгоду), который не утратил бы, если бы не было нарушено его здоровье. В целом он несет убытки, подлежащие возмещению в полном объеме. Этот пример показывает: органический вред возмещается путем возмещения морального и имущественного вреда, вызванных повреждением организма (опосредованное возмещение вреда).

Неправильное разграничение вреда по его видам может привести к неверным выводам. Проиллюстрируем это выдержкой из работы Беляковой А.М.[1]:

«Автором уже высказывалось суждение о недопустимости компенсации морального вреда, выражающегося в душевных переживаниях, страданиях, физической боли потерпевшего... Как бы ни была велика утрата матери, лишившейся ребенка из-за автокатастрофы, компенсировать ее с помощью денег невозможно. Но моральный вред может проявиться в ограничении возможности лица активно участвовать в жизни: свободно передвигаться из-за ампутации ног, видеть или слышать при потере зрения или слуха и т. д. И если невозможно оценить в деньгах душевные страдания, то допустимо было бы взыскание с причинителя средств с целью облегчения жизни потерпевшего. За счет причинителя вреда можно было бы приобрести телевизор для потерпевшего, лишенного возможности ходить в театр и кино, потерявшего вследствие увечья зрение и т. д. Сторонники возмещения морального вреда как раз и имеют в виду обеспечение потерпевшему обыкновенных жизненных потребностей, удовлетворение которых ограничено в связи с несчастным случаем, повлекшим увечье... Мы разделяем позицию Н.С. Малеина в том, что размер возмещения морального вреда должен определяться не по принципу эквивалентности, а сообразно с особенностями конкретного случая, в рам-

[1] **Белякова А.М.** Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда/теория и практика/: Автореф. Дис. ... докт. юр. наук. М., 1987. С. 51—52.

ках которого может учитываться характер вреда, имущественное положение потерпевшего и причинителя вреда и другие факторы».

Позиция автора процитированных строк в достаточной степени противоречива. Признавая, с одной стороны, неприменимость принципа эквивалентности при возмещении морального вреда, этот автор, с другой стороны, не допускает компенсацию в деньгах переживаний, страданий, физической боли, т.е. не допускает компенсации собственно морального вреда, причем, как это следует из примера со смертью ребенка, именно в связи с невозможностью установления эквивалентности между страданиями по поводу смерти ребенка и размером денежной компенсации. Конечно, денежная компенсация не возместит утраты ребенка, но даже если эта компенсация позволит хотя бы временно сменить обстановку, то неизбежные в данном случае страдания будут несколько сглажены, переживания могут быть частично смягчены, уменьшена продолжительность их претерпевания или сглажена острота. Подмена понятий имеет место в утверждении, что моральный вред «может проявиться в офаничении возможности лица ...свободно передвигаться из-за ампутации ног, видеть или слышать при потере зрения или слуха...». Отмеченные ограничения— это проявления органического вреда. Проявления же морального вреда— это переживания по поводу наличия указанных ограничений. В то же время приведенные автором примеры возмещения вреда (покупка телевизора, проигрывающего устройства и пластинок) — это будущие или уже произведенные расходы, вызванные причинением органического вреда.

Приобретение этих устройств не помогает лучше ходить, видеть или слышать, но дает возможность иметь приблизительный эквивалент утраченных благ и в то же время сгладить, компенсировать переживания по поводу отмеченных неудобств и лишений. Если в ситуации с ампутацией ног лицу были бы установлены высококачественные протезы, позволяющие самостоятельно передвигаться, и приобретен автомобиль (т. е. произведено возмещение органического вреда, опосредованное через возмещение имущественного вреда), то в покупке телевизора в качестве компенсации морального вреда не было бы необходимости. Разумеется, подлежащий компенсации моральный вред и в этом случае имел бы место в виде переживаний лица по поводу неудобств, связанных с пользованием протезами, осознанием ущербности, отличия от других людей, и т. п.

Поскольку опосредованное через возмещение имущественного вреда возмещение органического вреда выражается (как и компенсация морального вреда) в денежной форме, возникает вопрос об их разграничении. На необходимость правильного отграничения компенсации неимущественного вреда от взыскания дополнительных расходов обращали внимание и другие исследователи[1]. Трудность такого разграничения состоит именно в единстве фор-

[1])**Малеина М.Н.** Компенсация за неимущественный вред. Вестник Верховного Суда СССР, 1991, №5. С. 27.

мы компенсации морального вреда и возмещения имущественного вреда, т. к. деньги являются универсальным имущественным эквивалентом, дающим возможность приобрести необходимые конкретному лицу блага.

Принцип разграничения можно сформулировать следующим образом:

опосредованное через возмещение имущественного вреда возмещение органического вреда направлено на устранение или ослабление самих дисфункций организма или их внешних проявлений; компенсация же морального вреда направлена на устранение или сглаживание переживаний, страданий, связанных с причинением вреда организму человека. Поскольку, как было отмечено выше, моральный вред находит выражение в негативных психических реакциях потерпевшего, правильнее было бы использовать понятие **«психический вред».** Таким образом, **«вред» как общее понятие подразделялся бы на «имущественный, органический или психический вред».**

Психический вред в англосаксонском праве

В отличие от России, где институт компенсации морального вреда пребывает пока еще в «детском» возрасте, в зарубежных государствах накоплена богатая практика применения аналогичных правовых институтов. В наибольшей степени это относится к англосаксонской (прецедентной) системе права, применяемой в Англии, США и ряде других государств (в основном — бывших английских колониях). Поскольку Англия являлась крупнейшей колониальной державой, принципы англосаксонской правовой системы господствуют во многих государствах. Понятие «моральный вред» в российском законодательстве соответствует аналогичным правовым институтам в иностранном законодательстве, однако подобная терминология нигде более не применяется. Как упоминалось выше, употребление слова «моральный» в обозначении рассматриваемого правового института достаточно одиозно и с позиций российского гражданского законодательства. Вместе с тем вопрос, касающийся терминологии, нельзя считать окончательно устоявшимся, чему в немалой степени способствует казуистичность прецедентного права. Поэтому далее в этой главе вместо термина «моральный вред» мы будем использовать термин «психический вред» как наиболее распространенный в Англии и США и соответствующий моральному вреду в российском законодательстве.

Вариации определений психического вреда в праве Англии и США многочисленны — «psychological injury» (психический вред), «psychiatric injury» (психиатрический вред), «nervous shock» (нервный шок, нервное потрясение), «ordinary shock» (обыкновенный шок, обыкновенное потрясение). Это обилие применяемой терминологии отражает не только и не столько различные доктринальные подходы к институту компенсации психического вреда, но прежде всего иное, по сравнению с российским законодательством, правовое регулирование обязательств из причинения вреда. Для российского законодательства характерен разный подход в регулировании возмещения убытков, причиненных ответчиком ненадлежащим исполнением своих обязательств по договору, и внедоговорных (деликтных) обязательств, вытекаю-

щих из причинения вреда неправомерным действием, но в рамках обязательств из причинения вреда их правовое регулирование является единым и не зависит от вида вины правонарушителя. Англосаксонское право устанавливает существенно разные основания ответственности в зависимости от причинения вреда в форме умысла или неосторожности. Дифференцируется сама правовая цель возмещения причиненного вреда — она имеет компенсационный характер в случае причинения вреда по неосторожности и штрафной характер в случае умышленного причинения вреда. Российское же законодательство не устанавливает подобных различий в основаниях ответственности за причинение психического вреда, а штрафной характер ответственности проявляется в предписании ст. 151, 1101 ГК РФ учитывать степень вины причинителя вреда при определении размера компенсации.

Нервным шоком именуют психический вред, возникающий в связи с причинением вреда по неосторожности. Хотя подобная терминология считается устаревшей и в нее не вкладывается медицинский смысл, она создает определенные удобства с точки зрения отграничения исков, вытекающих из неосторожного и умышленного причинения вреда, а также из нарушения договора. Для признания психического вреда нервным шоком необходимо, чтобы этот вред выразился в распознаваемом, т. е. поддающемся диагностике, психическом расстройстве, а не в обыкновенном потрясении или негативных эмоциях страха, печали, горя и т. п. Иск, вытекающий из причинения нервного шока, может быть также предъявлен при наличии следующих обстоятельств: истцу бьши причинены телесные повреждения, или он имел разумные основания опасаться таких повреждений; истец перенес страдания оттого, что вред был причинен или бьши разумные основания опасаться причинения вреда другому лицу, с которым истец состоял в особо близких отношениях, и при этом истец являлся очевидцем такой ситуации в момент происшествия или сразу после него, причем восприятие происходящего должно восприниматься органами чувств истца непосредственно, т. е. без использования передающих изображение или звук устройств. Хотя само по себе происшествие должно быть в достаточной степени расстраивающим с позиций человека, обладающего обычной степенью хладнокровия, в исках из причинения шока применяется принцип, согласно которому причинитель вреда должен предполагать наступление последствий, соответствующее состоянию того конкретного потерпевшего, которого он видит или о нем знает или должен был видеть или знать при совершении неправомерного действия.

Нематериальный вред в праве Германии

Аналог российской компенсации морального вреда в законодательстве Германии (§ 847 Германского гражданского уложения — далее ГГУ) носит название «Schmerzensgeld», т. е. «деньги за страдания» или, более точно, «денежная компенсация за страдания», в дальнейшем в настоящей работе именуемая компенсацией за страдания.

Под нематериальным вредом в германском праве понимается умале-

ние неимущественных прав и благ, принадлежащих личности. Компенсация за страдания предусмотрена в § 847 ГГУ — специальной норме, регулирующей отношения, возникающие в связи с причинением вреда. Общей нормой, регулирующей их, является § 823 ГГУ. Объектами правовой защиты путем взыскания компенсации за страдания в § 847 ГГУ названы тело, здоровье и свобода, т. е. эта норма прямо предусматривает возможность компенсации за страдания, если они являются следствием нарушения телесной неприкосновенности, причинения вреда здоровью или незаконного лишения свободы.

В абзаце 2 § 847 ГГУ упоминается также совершение насильственного внебрачного полового акта как основания для компенсации причиненных в связи с этим страданий, но, по мнению большинства германских правоведов, это основание не имеет самостоятельного значения, поскольку даже при отсутствии упоминания об изнасиловании как действии, порождающем обязанность произвести компенсацию за страдания, в таких случаях всегда имеет место нарушение телесной неприкосновенности, а также, в зависимости от конкретной ситуации, могут быть причинены телесные повреждения или иной вред здоровью, что само по себе является основанием возникновения права на компенсацию в соответствии с абзацем 1 § 847 ГГУ. Применение § 847 ГГУ для взыскания денежной компенсации за страдания было по тем же соображениям признано обоснованным, например, в случае, когда нематериальный вред был причинен в результате неудачной, по вине врача, стерилизации женщины, следствием чего стало незапланированное рождение ребенка.

Нарушение телесной неприкосновенности охватывает собой не только причинение вреда целостности тела, но и любое иное вмешательство в телесную неприкосновенность (например, сбривание волос с головы или тела). Под причинением вреда здоровью понимается нарушение физических и психических жизненных процессов в человеческом организме. Косвенным доказательством причинения вреда здоровью является, как правило, необходимость соответствующего лечения. В соответствии с установившимся принципом разрешения споров из причинения вреда «minima non curat praetor» (судья не заботится о мелочах) судебная практика делает изъятие в отношении ответственности за причинение незначительного телесного вреда и отказывает в таких случаях в компенсации за страдания, предполагая их совершенно незначительными при отсутствии особых обстоятельств. Между тем, ввиду отсутствия критерия «незначительности» вреда, это приводит к трудностям при решении вопроса об отграничении незначительного вреда от значительного (например, влечет ли нанесение нескольких пощечин недисциплинированному ученику возникновение у последнего права на компенсацию за страдания).

Под лишением свободы понимается ограничение физической свободы, заключение в тюрьму или надевание наручников. Но и здесь также действует принцип, согласно которому незначительные ограничения сво-

боды не порождают право на компенсацию за причиненный вред (например, содержание под стражей в течение нескольких минут).

В Германском гражданском уложении в § 823 и § 847 не указаны конкретно иные права и блага, нарушение которых порождает право на компенсацию за страдания, однако судебная практика, путем толкования ст. 1,2 Конституции ФРГ, признала наличие иных правовых благ, за нарушение которых предоставляется правовая защита путем компенсации за страдания[1]. Абзац 1 ст. 2 Конституции ФРГ устанавливает: «Каждый имеет право на свободное развитие своей личности, поскольку он не нарушает прав других и не идет против конституционного порядка или нравственного закона»[2]. Отсюда судебная практика делает вывод о наличии так называемого «всеобщего права личности», которое, как заметил Шапп Я.[3], «охватывает сферу личного самосовершенствования и самовыражения, нуждающуюся в правовой защите от вмешательства извне». Всеобщее право личности наполняется конкретным содержанием в многочисленных видах неправомерных деяний, которые судебная практика находит возможным отнести к нарушениям всеобщего права личности, опираясь при этом на содержание § 823 ГГУ[4]:

«I) Кто противоправно, умышленно или неосторожно посягает на чью-либо жизнь, телесную неприкосновенность, здоровье, свободу, право собственности или какое-либо иное право другого лица, тот обязан возместить причиненный этим вред.

2) Равную обязанность несет и тот, кто нарушил закон, направленный на защиту других лиц. Если по содержанию такого закона возможно его невиновное нарушение, то обязанность возмещения причиненного вреда возлагается только при наличии вины».

Поскольку перечень правовых благ в этой норме оставлен открытым, в судебной практике уже определены и продолжают определяться типы нарушений всеобщего права личности, которые порождают право на компенсацию страданий. К их числу следует отнести: нарушение тайны переписки и записей конфиденциального характера (например, дневников);

вмешательство в частную жизнь лица путем несанкционированной фотосъемки; разглашение сведений о частной жизни лица; использование имени лица в рекламных целях без его разрешения. Причиненные подобными действиями страдания могут порождать право требования денежной компенсации. Такая судебная практика была разработана и закреплена путем принятия многочисленных решений, примеры которых будут приведены ниже. Федеральный конституционный суд Германии подтвердил конституционность этой судебной практики.

[1] **Schneider E.** Schmerzensgeld. Herne/Berlin, 1994. S. 17.

[2] Конституции буржуазных государств: Учебн. пособие/Сост. В.В.Маклаков. М.: Юрид.лит., 1982. С. 170-171.

[3] Шапп Я. Основы гражданского права Германии. Учебник. М.: Издательство БЕК, 1996. С. 117.

[4] Там же. С. 272.

Раздел 2. Компенсация морального вреда в зарубежном законодательстве и судебной практике

Глава 1 Компенсация морального (психического) вреда в англосаксонском праве

§ 1. Основания ответственности за причинение психического вреда

Основания ответственности за причинение психического вреда дифференцируются в зависимости от вида вины причинителя вреда. Основаниями ответственности за неосторожное причинение вреда являются:

1) наличие у причинителя вреда обязанности соблюдения необходимой осторожности по отношению к потерпевшему;

2) нарушение причинителем вреда этой обязанности;

3) причинение потерпевшему вреда в результате такого нарушения. Соблюдение необходимой осторожности предполагает обязанность и способность причинителя вреда предвидеть вредоносные последствия своего поступка (предвидимость вреда) в результате нарушения обязанности соблюдать осторожность — другими словами, условием ответственности является вина причинителя вреда в форме неосторожности. Правонарушение должно быть непосредственной причиной наступившего вредного результата, т. е. необходимо наличие причинной связи между неправомерным действием и наступившим вредом. Согласно правовой доктрине, обязанность соблюдать осторожность лежит на причинителе вреда по отношению к своим ближним. При этом под ближними понимаются все те лица, которые настолько прямо и непосредственно могут быть затронуты действиями причинителя вреда, что на нем лежит обязанность разумно предвидеть возможность причинения им вреда. Но если это и так, то обязанность его возмещения не всегда наступает — вред может быть признан «слишком отдаленным». Исходя из этого, английские суды уделяют большое внимание разграничению фактической и правовой причинной связи, применяя следующий принцип: «Правонарушитель не отвечает за вред, который не мог быть предвидим, но это не означает, что он отвечает за любой вред, который разумный человек мог предвидеть». То есть предвидимость является необходимым условием ответственности за при-

чинение вреда, но этого недостаточно для наступления ответственности, если вред был слишком отдаленным. Например, после пролива нефти из танкера от попадания искры в воду сгорела верфь, но владелец танкера не был признан ответственным, поскольку, хотя фактическая причинная связь и имела место, суд не нашел правовой причинной связи из-за отдаленности вредных последствий. При такой концепции критерии необходимой осторожности и отдаленности вреда оказываются трудноразграничимыми, и это нашло отражение в высказывании английского судьи Деннинга: «Чем больше я думаю об этом, тем труднее мне поставить каждый критерий на свое место. Иногда я говорю: "Здесь не было обязанности". В других случаях я говорю: "Вред был слишком отдаленным"»[1].

Вред любого вида, в том числе и психический, не считается слишком отдаленным, если он является прямым последствием происшествия; или предвидимым последствием, если даже он возникает опосредованно. Примером является ситуация со спасателем в дорожно-транспортном происшествии. Хотя психический вред, причиненный лицу, пришедшему на помощь потерпевшему, не является прямым следствием аварии, вероятность появления спасателя признается предвидимым обстоятельством. Интересна позиция английского суда в деле, рассмотренном в 1953 г.[2]:

«Водитель такси, двигаясь задним ходом, наехал на катающегося на трехколесном велосипеде маленького мальчика. Мальчик был травмирован незначительно, но мать мальчика услышала его крик и, выглянув из окна дома, находившегося на расстоянии 70—80 ярдов от места происшествия, увидела велосипед под такси, мальчика она не увидела. Она выбежала на дорогу и увидела бегущего к ней сына. В связи с этим происшествием она перенесла психическое потрясение. Суд счел, что матери, в отличие от ребенка, не было причинено никакого вреда, влекущего правовую ответственность, поскольку «никакой гипотетический разумный наблюдатель» не смог бы предвидеть, что причинит ей физический или психический вред, двигаясь задним ходом без должной осторожности. Поэтому водитель не имел обязанности по отношению к матери и не был ответственен перед ней за допущенную неосторожность. Как указал судья Деннинг, «...шок был в данном случае слишком отдаленным результатом происшествия, ...медленное движение автомобиля задним ходом сильно отличается от скоростного движения грузовика по крутому спуску. — (Здесь судья имеет в виду дело, по которому было вынесено противоположное решение.) — От водителя такси нельзя требовать предвидения того, что движение задним ходом может испугать женщину, находящуюся в 70 ярдах, тогда как водитель грузовика обязан был предвидеть, что съезжающий грузовик может причинить серьезное психическое потрясение матери детей, находившихся в зоне опасности».

[1] **Napier and Wheat.** Recovering Damages for Psychiatric Injury.Blackstone Press limited, 1995. P. 7. [2] Там же.

Такое решение было вынесено в те годы, когда английские суды старались (из соображений публичной политики) по возможности ограничить предъявление исков о возмещении психического вреда.

Необходимым условием ответственности за причинение психического вреда является «близость» потерпевшего к происшествию. В случаях, когда психический вред сопровождает причинение физического вреда, такая близость предполагается и не входит в предмет доказывания при рассмотрении дела в суде. Психический вред при отсутствии физического вреда возникает, например, в случае утраты близкого человека. При неосторожном причинении смерти близкому психический вред не возмещается, если он выражается в «обыкновенном» горе от утраты, поскольку оно рассматривается как обычная человеческая реакция, а не как вред какого-либо рода. Как бы ни было в этом случае велико горе вдовы по поводу утраты мужа, она не получит возмещения только в связи с фактом горя. Даже если у нее возникнет диагностируемое психическое расстройство, она получит компенсацию лишь при доказанности наличия всех необходимых для этого условий, в частности, при наличии требуемой степени ее близости к месту происшествия: она или сама должна была быть участницей события (например, ехала в одной машине с мужем в момент дорожно-транспортного происшествия) либо была очевидицей последствий происшествия после того, как оно произошло, но до чьего-либо вмешательства, устраняющего шокирующие подробности происшедшего. В данном случае под близостью понимается непосредственное восприятие происшествия, но необходима определенная степень близости с первым потерпевшим. Она не ограничивается только тесными интимными, эмоциональными отношениями, но может иметь место и в отношении спасателя к потерпевшему, и в отношениях между сотрудниками.

Следует остановиться на правиле «черепа из яичной скорлупы», применяемом английскими и американскими судами. Оно заключается в следующем: если человеку вследствие наезда машины или еще каким-либо образом неосторожно причинен телесный вред, причинитель вреда не вправе противопоставлять иску потерпевшего возражения, основанные на утверждении, что потерпевший пострадал бы гораздо меньше или вовсе не пострадал, не имей он такой необычно тонкий череп или такое слабое сердце. Это правило применяется в равной мере и к требованиям о компенсации психического вреда: если психический вред предвидим в принципе, то, даже если потерпевший ввиду чрезмерной восприимчивости получил более серьезное психическое заболевание, чем другой, «нормальный» человек, ему должен быть компенсирован весь причиненный психический вред, т. е. условием компенсации психического вреда конкретному лицу является предвидение причинителем возможности возникновения психического вреда вообще в данной ситуации. При этом само действие причинителя вреда должно быть таким, чтобы оно могло вызвать нервное потрясение у человека с нормальной психикой.

Приведем примеры присужденных за причинение психического вреда сумм[1]:

1. «Женщина в возрасте 31 года (на момент слушания дела 33 года) подверглась разнообразному сексуальному насилию, включая изнасилование; оружие не применялось. Полностью оправилась от физических травм в течение месяца, но развилась депрессия, состояние беспокойства, страха, личностные изменения и кожное заболевание, пять раз совершала попытку самоубийства. Хотя состояние существенно улучшилось на дату слушания дела, продолжаются ночные кошмары и она по-прежнему не в состоянии вести нормальную жизнь. Спит с топором под подушкой, боится общества мужчин и боится оставаться в одиночестве. Оценка ее уязвимости возможными в будущем воздействиями на психику показала, что в случае последующих воздействий на психику (не обязательно связанных с мужчинами) у нее возможен нервный срыв. Вряд ли способна к поддержанию нормальных отношений с мужчиной, предполагается расторжение брака с мужем, вероятность вступления в новый брак мала. Кожное заболевание может продолжаться около четырех лет, не исключена вероятность хронической формы. Присуждена компенсация за боль и страдания, утрату жизненных удовольствий в размере 12 тыс. фунт. ст.».

2. «Мужчина среднего возраста претерпел психический вред в результате несчастного случая на работе, выразившегося в ударе цепью по лицу. У него появились симптомы психического заболевания — депрессия, усталость, ослабление социальных связей, потеря аппетита и сна. Он утратил способность к труду; заболевание не поддавалось лечению. Он получил 15 тыс. фунт. ст. в качестве компенсации психического вреда, причем один из судей заметил, что для такого типа вреда сумма кажется удивительно низкой».

3. «У молодой женщины развилась посттравматическая стрессовая реакция после утраты пальцев руки в результате несчастного случая на производстве. У нее была сильная депрессия; ее мучили ночные кошмары; она не могла появиться на публике с изувеченной рукой. Компенсация за боль и страдания (включая физический вред) — 40 тыс. фунт. ст. Кроме того, ей была присуждена сумма на закупку в будущем новых тарелок взамен разбитых».

4. «Трое детей пяти, трех и двух лет оказались очевидцами того, как их отец убил их мать. Компенсация за психический вред соответственно: 20 тыс., 20 тыс., 5 тыс. фунт. ст.».

5. «Женщина, 20 лет на дату слушания дела, подвергалась растлению своим отчимом на протяжении девяти лет, с 4 до 13 лет. Растление выражалось в виде прикосновений к половым органам и ласкания груди и происходило всякий раз, когда она оставалась с отчимом наедине. Первоначальные трудности возникли в возрасте 16 лет в сексуальных отношениях со знакомым юношей. Нервничает в присутствии мужчин старшего возраста. Симптомы психического заболевания отсутствуют. Первоначальный размер компенсации в 1 тыс. фунт. ст. увеличен до 5 тыс.».

6. «У женщины, получившей незначительные повреждения в дорожно-транспортном происшествии, в котором погиб ее муж, произошел выкидыш, и она страдала посттравматическим синдромом около года. Ей присуждено выплатить 10 тыс. фунт. ст.».

7. «Мальчик 3 лет был найден запертым в своей спальне, рядом со спальней, в которой была убита его мать. Было установлено, что, хотя ему не было причинено никаких физических повреждений, он оказался очевидцем отдельных эпизодов убийства. Спустя три года после убийства он все еще страдал ночными кошмарами. Он стал агрессивным, появились трудности с обучением. Прогноз на будущее неопределенный, по заключениям медиков, сохранившееся в памяти насилие оказывает влияние на его мысли и поведение, и долговременность эффекта травмы трудно оценить. Компенсация психического вреда составила 20 тыс. фунт. ст.».

8. «Истцы утверждали, что госпиталь не проявил должного внимания при лечении их 20-летнего сына и не сумел предотвратить совершения им самоубийства. Родители обнаружили своего сына висящим в петле в неиспользуемом помещении госпиталя. Госпиталь признал свою ответственность за происшедшее. У обоих родителей появилась депрессия, выразившаяся в нарушении сна, навязчивых Представлениях, самопроизвольном плаче и ослаблении способности к концентрации мысли. Каждому было присуждено в возмещение психического вреда по 8 тыс. 500 фунт. ст.».

9. «Истец, водитель автобуса, получил хлыстовую травму шейных позвонков и ушибы в результате дорожно-транспортного происшествия. Он страдал посттравматическим синдромом и утратил способность водить транспортное средство. После несчастного случая он больше не работал. Его симптомы включали в себя ночные кошмары, медленную походку, дрожь, мускульное напряжение и страх нападения. Было установлено, что в результате происшествия в нем произошли глубокие личностные изменения. Общая сумма возмещения ущерба составила 150 тыс. фунт. ст., в том числе 30 тыс. за боль, страдания, утрату жизненных удовольствий».

10. «Случай, который попал в заголовки газет из-за того, что общая сумма возмещения превысила 1 млн. фунт. ст. Причинение психического вреда было вызвано тем, что 30 января 1995 г. потерпевший стал очевидцем смерти троих своих детей, когда автомобиль, на котором они ехали, упал в реку. В решении (оно заняло 262 страницы) судья заметил, что ночной кошмар всех родителей превратился в реальность в этом случае. В компенсацию психического вреда истец получил 37 тыс. 500 фунт. ст.». Широкую огласку получило дело, связанное со следующим. 6 марта 1987 г. пассажирский и грузовой паром «Herald of free enterprise» вскоре после отплытия из Зеебрюгге перевернулся, что вызвало хаос и панику. Из 600 пассажиров 193, в том числе и члены экипажа, погибли. Некоторые наблюдали смерть и увечья близких, происходившие в ужасных мучениях. Многие выжившие провели несколько часов в воде, не зная, будут ли они спасены. Пассажиры заключили с пароходством соглашение о компенсации, которое включало в себя арбитражную оговорку

для разрешения могущих возникнуть споров. В ряде случаев стороны не могли согласовать размер компенсации за «нервный шок». Было решено, что выборочные случаи будут рассмотрены в арбитражном порядке группой из трех королевских адвокатов. Десять случаев были отобраны в качестве репрезентативной выборки. Поскольку все требования по компенсации за телесные повреждения и другие материальные утраты были согласованы, основное внимание арбитров сосредоточилось на требованиях о компенсации психического вреда. По соглашению каждый потерпевший должен был получить фиксированную сумму в размере 5 тыс. фунт. ст. за то, что он оказался участником и очевидцем катастрофы. Эта сумма была отвергнута арбитрами после их оценки психического вреда, понесенного после катастрофы. Выжившие и наблюдавшие смерть своих близких должны были в соответствии с соглашением получить по 5 тыс. фунт. ст. за каждого утраченного близкого. Эти суммы тоже были отвергнуты арбитрами после оценки компенсации за патологическое горе. В результате суммы выплаты каждому были увеличены. Приведем выдержку из решения арбитров в отношении одного из пострадавших[1].

«22-летний мужчина путешествовал вместе с товарищем, оба выжили. Он получил работу помощника управляющего в плавательном бассейне и в дальнейшем рассчитывал получить должность управляющего. Он перенес серьезный посттравматический синдром после катастрофы и резко увеличил потребление алкоголя. К ноябрю 1988 г. психическое состояние улучшилось, потребление алкоголя сократилось. Арбитры подходят к этому случаю исходя из того, что в данном случае умеренное расстройство психики продолжалось около 3,5 лет. Он вынужден был бросить любимую работу и сейчас работает шофером по найму. Новая работа не приносит никакого удовлетворения. Арбитры приняли во внимание, что в настоящее время он не испытывает недостатка в заработке или досуге, так как работает такое же количество часов и его заработок даже немного превышает утраченный, но он потерял возможность продвижения, что обеспечило бы ему больший заработок при меньшей продолжительности рабочего дня. Однако арбитры предположили, что, поскольку его психическое состояние восстановилось, он найдет более устраивающую его работу. Телесных повреждений он не получил.

Общий размер компенсации 21 тыс. 728.30 **фунт.** ст. состоит из следующего:

Фиксированный платеж...................................5 тыс. фунт. ст.

Компенсация психического вреда ....4 тыс. фунт. ст.

Утрата возможности увеличения
заработка и досуга.. 2 тыс. фунт. ст.

Действительная утрата заработка .... 7 тыс. 309.84 фунт. ст.

Прочие убытки...................................... 3 тыс. 418.46 фунт. ст.

[1]Там же. P. 134.

Вышеуказанные ограничения (предвидимость, отдаленность вреда и др.) не применяются при умышленном причинении вреда — например, обман, незаконное заключение под стражу, злонамеренное судебное преследование, диффамация, угрозы. Для иллюстрации подхода к рассматриваемому вопросу в судебной практике США, где иски о возмещении психического вреда весьма распространены, можно привести следующее дело, рассматривавшееся по апелляции ответчика в суде штата Калифорния[1]:

«Судья К.

Кэтрин Ш. предъявила иск... Основной иск был предъявлен по поводу клеветы. Жюри вынесло вердикт о возмещении 20 тыс. дол. США основного ущерба и 16 тыс. дол. США штрафных санкций. Основанием иска Кэтрин Ш. о клевете было сообщение Дугласом (ответчиком) ее коллегам ложных и порочащих сведений, давших им (коллегам) повод предполагать, что у Кэтрин имеются отклонения в сексуальной ориентации...

Кэтрин узнала о слухах, распространенных о ней, от нескольких бортпроводниц (своих коллег) и указала, что от 50 до 75 человек, включая пассажиров на борту, обсуждали с ней этот инцидент.

...Суд дал следующие указания по клевете применительно к данному случаю: «Клевета есть ложная и порочащая огласка... которая: вменяет в вину недостаток целомудрия... предполагает распущенность и ненормальное сексуальное поведение... Если Вы сочтете, что ответчик заявлял, подразумевал или давал понять, что истица совершала лесбийский половой акт, то Вам дается следующее указание:

Вменение в вину лесбианства является клеветническим само по себе. Суд вынес решение, что истица может получить возмещение за свои уязвленные чувства, душевные переживания и унижение, не доказывая наличия какого-либо имущественного ущерба...»

Законодательство этого штата устанавливает, что сексуальный контакт любого рода, если он происходит по согласию партнеров, законен. Но мы рассматриваем не законность, а целомудренность. Считать, что понятие «целомудрие» касается только прелюбодеяния, нелепо...Третий Международный словарь Уэбстера, стр. 379, определяет «целомудрие» в п. 2(а) как «воздержание от всех сексуальных связей»,

...Настоящий суд полагает, что, несмотря на сексуальную революцию и свободу действий и выражений, ныне существующую, есть различие, которое необходимо сделать между надлежащим, моральным и законным поведением. Согласно новым взглядам, гомосексуальный или гетеросексуальный акт может быть надлежащим, законным и относительно «моральным». Но каждый вправе воздерживаться от таких актов и наслаждаться незапятнанной репутацией воздержанного человека. Заявить, что кто-либо совершал половой акт один или с лицом своего или противоположного пола, значит приписать ему (ей) «недостаток целомудренности», что в глазах окружения могло и должно было бы подвергнуть его (ее) по-

[1] **Cheng, Upp.** Business and Law.West Publishing Co., 1984. P. 47. 21

зору, осмеянию, причинить ущерб репутации, вызвать предположение о ненадежности. Мы находим, что ложное обвинение в совершении гомосексуального акта является клеветническим само по себе...»

Как видно из решения суда, основным спорным вопросом в рассмотренном деле был вопрос о том, являются ли распространенные сведения порочащими. Положительно ответив на этот вопрос, суд одновременно решил вопрос и о компенсации психического вреда.

Классическим примером причинения психического вреда обманом является дело, в котором ответчик шутки ради сообщил истице, что с ее мужем произошел несчастный случай и он лежит в госпитале со сломанными ногами. В результате этого сообщения истица перенесла психическую травму. Ответственность причинителя основывалась на том, что это было преднамеренное действие, направленное на причинение вреда истице. Следует отметить, что в случае умышленного причинения вреда, в отличие от неосторожного, нет необходимости доказывать связь психического вреда с внезапным воздействием на органы чувств потерпевшего. Также отпадает ограничение, связанное с отдаленностью вреда, — при умышленном причинении вреда оно не применяется, поскольку, если определенный результат мыслился как желаемый, он никогда не может быть сочтен слишком отдаленным. До сих пор не выработано определенного подхода к ситуации, в которой само неправомерное действие совершается умышленно, но отношение к наступившим последствиям при этом неосторожное. Спорным является также вопрос, сохраняется ли при умышленном причинении вреда требование, чтобы психический вред выразился в диагностируемом психическом заболевании. Преобладающий подход к этому вопросу выражается в признании умышленного причинения психического вреда.

Домогательство как вид правонарушения тоже относится к умышленным и допускает компенсацию за обыкновенные переживания. Постоянно растет число исков, предъявляемых в связи с сексуальными домогательствами на рабочем месте. Они предъявляются как иски о компенсации психического вреда, причиненного сексуальной дискриминацией. Важно отметить, что в настоящее время не существует каких-либо ограничений в присуждаемых размерах компенсации за дискриминацию.

Самостоятельными неправомерными умышленными действиями признаются запугивание и принуждение. В случае совершения подобных действий нет необходимости доказывать их умышленный характер (ввиду природы этих действий). Известен случай предъявления иска 16-летней девушкой, которая была привезена из Нигерии в качестве служанки. На протяжении двух с половиной лет с ней плохо обращались, не обеспечивали достаточным пропитанием, одеждой, лишая возможности свободного времяпрепровождения. В качестве компенсации психического вреда, причиненного истице лишением основных жизненных благ, с ответчиков было взыскано 20 тыс. фунт. ст. [1].

[1] **Napier and Wheat.** Recovering Damages for Psychiatric Injury.Blackstone Press limited, 1995. P. 129.

В случае незаконного увольнения работника компенсация за психические страдания присуждается в том случае, если способ увольнения сужает возможности будущего трудоустройства работника; если увольнение вызвало у работника психическое заболевание, приведшее к утрате общей или специальной трудоспособности, психический вред подлежит компенсации.

Отдельно следует остановиться на проблеме компенсации психического вреда, причиненного преступлением, так как в большинстве случаев потерпевший может не предъявлять иск в порядке гражданского судопроизводства, а прибегнуть к схеме, специально предусмотренной законом для компенсации причиненного преступлением вреда. Если преступное действие выражается в причинении телесного повреждения, то компенсация за психический вред выплачивается, как правило, в бесспорном порядке. В Англии для целей рассмотрения подобных требований создана Комиссия по вопросам компенсации вреда, причиненного преступлением. Первоначально схема компенсаций вступила в силу с 1 августа 1964 г. и с тех пор постоянно модифицируется. В настоящее время действует Тарифная схема 1994 г., которая применяется к заявлениям о компенсации, полученным Комиссией после 1 апреля 1994 г. В тарифной схеме подробно описаны условия выплаты компенсации. Претендовать на выплату компенсации по этой схеме вправе заявитель, который претерпел физический или психический вред, **прямо связанный** с насильственным (или угрожающим насилием) преступлением. В перечень таких преступлений входят: поджог и отравление; сексуальные преступления (изнасилование, кровосмесительство, противоестественные половые сношения — мужеложство и лесбианство, непристойное нападение);

причинение вреда животными, если они были натравлены на жертву либо оказались вне контроля вследствие грубой неосторожности владельца. Если заявитель — служащий железнодорожной компании и являлся очевидцем смерти или увечья нарушителя, пересекающего железнодорожный путь, он тоже имеет право на компенсацию причиненного этим зрелищем психического вреда; аналогичное правило действует в отношении заявителя, который обнаружил тело на путях или около путей непосредственно после происшествия. Схема охватывает также заявителей, пострадавших при предотвращении преступления, при задержании или попытке задержания преступника. Потрясения от утраты владения имуществом не охватываются схемой. Отсюда следует, что хотя компенсация психического вреда, причиненного поджогом, предусмотрена схемой, но, если психический вред потерпевшего выразился только в переживаниях по поводу сгоревшего на его глазах дома или иной собственности, компенсации они не подлежат. Однако это не препятствует предъявлению общегражданского иска.

Принципом применения Тарифной схемы является рассмотрение каждого заявления на основе фактических обстоятельств конкретного дела. Причинение вреда личности признается преступным причинением вреда, если оно прямо связано с поведением, образующим состав преступления, что требует доказанности наличия умысла или грубой неосторожности причинителя вреда в отношении причинения смерти или вреда здоровью другого лица.

В этой связи попытка самоубийства не признается насильственным преступлением. Ключевым моментом для квалификации деяния как преступного является его субъективная сторона (умысел или грубая неосторожность), действительный же размер ущерба решающего значения для признания деяния преступным не имеет. Например, в случае, когда женщина получила повреждение головы и связанное с этим психическое потрясение в результате попадания в нее сырой картофелины, брошенной одним работником в другого и промахнувшимся, она была признана жертвой насильственного преступления, совершенного с перенесенным злым умыслом, и необращение женщины в полицию не имело значения для квалификации деяния и решения вопроса о компенсации физического и психического вреда. По той же причине компенсация по Тарифной схеме не выплачивается в связи с дорожно-транспортными происшествиями, за исключением случаев, когда имела место преднамеренная попытка задавить потерпевшего. Интересно, что, хотя, как было отмечено выше, попытка самоубийства не признается насильственным преступлением, в число последствий преступлений, связанных с нарушением безопасности железнодорожного движения, включены случаи причинения нервного шока железнодорожным рабочим, которые присутствовали при самоубийстве или попытке самоубийства, а также машинисту поезда, сбившему самоубийцу.

Если потерпевший подвергается угрозе причинения физического вреда или незаконного заключения под стражу либо испытывает страх за любимого или еще какой-либо страх из-за преступного действия и это влечет причинение психического вреда, потерпевший приобретает право на компенсацию по схеме только в случае, когда психический вред прямо связан с преступлением. Психический вред признается прямо связанным с преступлением, с позиций разумного человека, знающего все обстоятельства, событие, вызвавшее психический вред, является главной, хотя, может быть, и не единственной причиной возникновения психического вреда. Условие прямой связи считается выполненным в отношении любого, кто был свидетелем насильственного причинения увечья или смерти. Надо отметить, что по упомянутой схеме компенсируется не любое психическое неблагополучие, а только **«лишающее жизненной** активности», под чем понимается такое расстройство психики, при котором психические и(или) физические проявления расстройства и утрата жизненной активности продолжаются более шести недель с момента происшествия. Под утратой жизненной активности понимается снижение трудоспособности или способности к обучению, разрыв или значительная утрата социальных связей и сексуальные расстройства.

Нижний предел компенсации составляет 1 тыс. фунт. ст. Размер компенсации определялся ранее на той же основе, что и в гражданском судопроизводстве, но новая Тарифная схема от 1 апреля 1994 г. внесла существенные изменения в порядок определения размера компенсации, критически воспринятые в судебных кругах. Ранее, с 1964 г., размер компенсации определялся составом юристов с применением принципов обычного гражданского процесса. Однако по новой схеме определение размера компенсации от-

несено к компетенции государственных служащих, что влечет игнорирование индивидуальных особенностей каждого дела. Исключены положения о компенсации утраченного заработка и другие финансовые потери. Отдельные виды вреда разбиты на 25 групп, с единым размером компенсации в каждой группе. По мнению правоведов, это является шагом назад, влечет снижение возможного размера компенсации наиболее серьезно пострадавшим от преступления и противоречит Европейской конвенции о компенсациях жертвам насильственных преступлений.

В случаях внутрисемейного насилия, если потерпевший и причинитель вреда в момент совершения насилия проживали совместно и вели общее хозяйство, право на компенсацию за психический и иной вред не возникает, за исключением случая возбуждения уголовного преследования причинителя вреда и окончательного прекращения сторонами совместного проживания. При этом для возникновения права на компенсацию не является обязательным вынесение в отношении причинителя вреда обвинительного приговора. Однако Комиссия может снизить размер компенсации или отказать в ней, если потерпевший не предпринял без промедления все разумно необходимые шаги по информированию полиции и других управомоченных органов о происшедшем для передачи обидчика в руки правосудия. Вместе с тем, если потерпевшими являются дети, принимается во внимание, что они могут быть слишком молоды или напуганы и не могут знать, куда обращаться. В этом случае размер компенсации снижению не подлежит. Требование об окончательном прекращении совместного проживания в этом случае также не применяется, хотя компенсация не выплачивается, если есть основания полагать, что причинитель вреда получит от этой выплаты имущественную выгоду. Срок давности по требованию выплаты компенсации по схеме составляет один год (ранее было три), но в исключительных случаях Комиссия может восстановить пропущенный срок, что часто имеет место в случаях, когда потерпевший — ребенок. Ниже приводятся тарифы[1] за психичес-

Тарифы за психический вред

Степень тяжести психического вреда	Группа	Размер компенсации расстройства
умеренное — продолжающееся от 6 до 16 недель	1	1 тыс. фунт. ст.
серьезное — продолжающееся от 16 до 26 недель	9	4 тыс. фунт. ст.
тяжелое — продолжающееся свыше 26 недель,	12	7 тыс. 500 фунт. ст.
очень тяжелое — постоянная утрата жизненной активности (кроме постоянного проявления исключительно физических симптомов, что	17	20 тыс. фунт. ст.

[1] Там же. Р. 176.

кий вред по Тарифной схеме компенсаций за вред, причиненный преступлением. Как отмечалось выше, психический вред должен выражаться в виде шока, под которым понимаются посттравматический стресс, депрессия и подобные заболевания, проявляющиеся в таких психических симптомах, как беспокойство, напряжение, бессонница, возбуждение, чувство неуверенности, агорафобия, постоянное чувство вины и мысли о самоубийстве, и физических симптомах — облысении, астме, экземе, недержании мочи и псориазе.

§ 2. Особенности компенсации психического вреда при диффамации

Компенсация психического вреда, причиненного диффамацией, т. е. распространением сведений, умаляющих честь и достоинство потерпевшего, имеет некоторые особенности, которые целесообразно проанализировать. Английское право подразделяет действия по распространению таких сведений на два основных вида — libel (квалифицированная клевета, пасквиль) и slander (простая клевета). Под квалифицированной клеветой понимают клевету в письменной, а также иной форме, придающую распространению сведений постоянный характер; простая клевета распространяется в устной или иной форме, придающей сведениям временный (преходящий) характер. Квалифицированной клеветой может быть, в частности, признано определенное расположение материальных объектов, например, помещение изображения лица, в отношении которого обвинение в убийстве не было доказано, рядом с изображениями лиц, признанных судом виновными в убийстве[1]. В качестве другого примера квалифицированной клеветы можно привести иск княгини Юсуповой к киностудии в связи с показом кинофильма, где содержались намеки на то, что истица была изнасилована Распутиным. Суд обосновал свой вывод о признании распространенных сведений квалифицированной клеветой в связи с тем, что утверждение об изнасиловании женщины может заставить ее чувствовать неловкость и избегать общества, даже если она морально невиновна[2].

Квалифицированная клевета является самостоятельным основанием иска и может содержать состав уголовного преступления, в то время как простая клевета может оказаться уголовно наказуемой только в случае, если она сопряжена с оскорблением и не образует самостоятельного основания иска, за исключением следующих случаев:

а) если имеет место утверждение о совершении потерпевшим преступления, за которое он мог бы быть подвергнут наказанию в виде лишения свободы; предполагается, что в этом случае создается угроза резкого отторжения потерпевшего обществом;

б) если имеет место утверждение о наличии у потерпевшего тяжелого

[1] **R.0wen.** Tort.Cavendish Publishing limited, 1994. P.133. [2] Там же.

или «позорного» заразного заболевания (проказа, венерические болезни, чума и т. п.);

в) если имеет место утверждение о прелюбодеянии женщины или нецеломудренности девушки;

г) если содержание утверждения умаляет деловую, профессиональную или коммерческую репутацию потерпевшего.

В 1952 году в Англии был принят Закон о диффамации, направленный на усиление защиты неимущественных прав личности и имеющий целью поддержание баланса между правом личности на хорошую репутацию и свободой слова в обществе. Человек может предъявить иск (вытекающий из распространения порочащих сведений) только в течение своей жизни, по наследству это право не переходит. Удовлетворение иска возможно, если потерпевшим будет доказано наличие следующих обстоятельств:

— сведения были порочащими;

— эти сведения относились к потерпевшему;

— эти сведения были распространены.

Признание сведений порочащими возможно во многих ситуациях. Например, в одном деле[1] истец утверждал, что ответчик унизил его, послав телеграмму следующего содержания: «Эдит снова приступила к работе у нас. Пришлите, пожалуйста, ее вещи и деньги, которые Вы ей должны, а также ее заработную плату...» Истец утверждал, что содержащиеся в телеграмме сведения опорочили его, поскольку в них содержалось, без всяких оснований, утверждение о том, что он, во-первых, одалживал деньги у прислуги и, во-вторых, не заплатил ей за работу. При разрешении дела суд применил тест: «Опорочили бы эти слова истца в глазах здравомыслящих членов общества?» — и отрицательно ответил на этот вопрос, сочтя, что эти сведения не имеют порочащего характера. Это обычный тест, который применяется английскими судами при решении дел о диффамации. Подход судов к понятию «здравомыслящий член общества» наглядно следует из другого дела[2], где истец утверждал, что комитет клуба, в котором он состоял, опорочил его достоинство тем, что разрешил поместить на доске объявлений заметку, содержание которой, по мнению истца, порочило его репутацию. В заметке сообщалось, что истец донес в полицию о незаконном проведении в клубе азартных игр. Суд не счел эти сведения порочащими, мотивировав это тем, что не могут быть признаны здравомыслящими члены общества, считающие позором исполнение человеком своего гражданского долга по пресечению преступной деятельности. Иными были выводы суда в случае, когда потерпевший, известный игрок в гольф, предъявил иск из диффамации в связи с тем, что ответчик, без ведома и согласия истца, использовал в рекламе изображение истца, играющего в гольф с плиткой шоколада в кармане. По мнению истца, это подрывало его репутацию игрока-любителя, поскольку содержание рекламы позволяло предпо-

[1] Там же. P. 136. [2] Там же. P. 133.

дожить, что он согласился участвовать в рекламе шоколада за вознаграждение. Суд согласился с доводами истца[1].

Английское законодательство и судебная практика отграничивают диффамацию от простого оскорбления, которое может унизить достоинство человека, но не причинить вред его репутации. Так, суд счел слова ответчика «мерзавец, подлец, негодяй, вор» сочетанием диффамации и оскорбления. «Мерзавец» и т. д. — это оскорбления, порочащие смысл в сочетании с порочащим словом «вор»[2]. В некоторых случаях вывод о том, являются ли сведения клеветой или оскорблением, зависит от сопутствующих обстоятельств. Так, в деле, где истец был назван бродягой, это слово, которому в обычной ситуации мог бы быть присущ только порочащий характер, с учетом обстоятельств дела было признано оскорблением.

При решении вопроса о порочащем характере сведений во внимание принимается естественное и обычное значение употребляемых слов. Но и кажущееся невинным высказывание может быть признано порочащим, если оно содержит так называемый порочащий намек — innuendo. Истец может доказать, что высказывание носит порочащий характер, основываясь на сопутствующих фактах и обстоятельствах, известных лицам, которым это высказывание становится или может стать известным. Бремя доказывания порочащего характера внешне невинного высказывания лежит на истце, который должен доказать, что высказывание носит именно порочащий смысл. Порочащий намек может вообще содержаться не в словах, а в сопутствующих публикации обстоятельствах. Так, истица предъявила иск к газете в связи с опубликованием в разделе объявлений о помолвках фотографии, на которой был изображен муж истицы вместе с некой девушкой[3]. Ответчики ссылались на то, что они получили фотографию в обычном порядке ведения дел и были уверены в достоверности публикуемых сведений. Истица, проживающая отдельно от своего мужа, утверждала, что распространенные таким образом сведения порочили ее репутацию и порочащий намек заключался в том, что она якобы не состояла в браке со своим мужем. Судья определил, что такие сведения могут опорочить лицо, а присяжные сочли, что заголовок мог произвести негативное впечатление о моральных качествах истицы в глазах здравомыслящих людей, и дело было решено в ее пользу.

Заметим, что по правилам английского судопроизводства при рассмотрении дела судом присяжных в компетенцию судьи входит решение вопросов права. Применительно к искам из диффамации судья решает вопрос о том, могло ли высказывание в принципе иметь порочащий характер. Если судья приходит к отрицательному выводу по этому вопросу, он прекращает дело, в противоположном же случае он передает дело на рассмотрение присяжным, они должны решить вопрос факта — имело ли высказывание в конкретном деле порочащий характер.

[1]Там же. P. 136.

[2] **Там же. P.** 137.

[3]Там же. P. 138.

Однако в подобных делах истцу нет необходимости доказывать, что кто-либо из лиц, получивших соответствующие сведения и осведомленных о сопутствующих обстоятельствах, в действительности восприняли их как позорящие. Понятие «факт диффамации» относится к порочащему значению высказывания, а не к произведенному эффекту в отношении репутации потерпевшего; т. е. не имеет правового значения, доверяют ли распространенным сведениям те, кому они сообщены. Если потерпевший основывает свой иск на обычном значении использованных слов, но они имеют или приобретают отличное от обычного или словарного значение, потерпевший обязан показать все нюансы возможных значений использованных слов при распространении сведений.

Необходимым основанием ответственности за диффамацию является от-носимость порочащих сведений к потерпевшему. Если в сообщении было названо имя потерпевшего, то в таком случае не требуется доказывание намерения причинителя вреда распространить сведения именно о потерпевшем. Известен случай из судебной практики[1], когда издатели газеты опубликовали фельетон о прохождении праздника в Дьеппе. В нем в неприглядном свете выставлен некий Артемус Джонс, церковный сторож из Пекхама. Этот персонаж был вымышлен авторами фельетона. Однако Артемус Джонс существовал в действительности, только не церковный сторож, а адвокат, причем никогда не живший в Пекхаме и не присутствовавший на празднике в Дьеппе. Он предъявил иск в связи с клеветой, и друзья Артемуса Джонса под присягой дали показания, что они действительно поверили в то, что в фельетоне был описан истец. Джонс выиграл дело, при этом отсутствие у ответчиков намерения было признано не имеющим правового значения для наступления ответственности. Как выразился судья, «не важно, в кого целились, важно, в кого попали». Этот принцип получил дальнейшее развитие и применение следующим образом: если сообщение действительно относится к реальному лицу и ошибочно, но в пределах разумного воспринимается как относящееся к другому реальному лицу, то отсутствие небрежности со стороны распространителя сведений значимо только для присяжных для составления мнения о том, действительно ли здравомыслящий человек мог воспринять эти сведения как относящиеся к истцу. Подобный подход был применен в деле по иску Гарольда Ньюстеда в связи с сообщением в газете, что «Гарольд Ньюстед, 30-летний мужчина из Камбервелла, осужден за двоеженство».

Сведения могут быть признаны порочащими истца даже в случае, если не только не указано его имя, но также нет и никаких признаков, позволяющих связать эти сведения с истцом. Так, например, истец предъявил иск в связи с сообщением в газете о девушке, якобы похищенной шайкой сутенеров. В тот период эта девушка жила в квартире истца, и он представил шесть свидетелей, которые утверждали, что поверили в относимость газетного сообщения к истцу[2]. Палата лордов постановила, что имеются

[1] Там же. P. 139.
[2] Там же.

достаточные основания для передачи дела на рассмотрение присяжных. Для установления факта относимости сведений к потерпевшему применяется подход, согласно которому сведения считаются относящимися к лицу, если присяжные сочтут, что некий здравомыслящий читатель, осведомленный об особых обстоятельствах дела, счел бы эти сведения относящимися к истцу. При этом должно приниматься во внимание, что такой читатель не столь критично и вдумчиво отнесется к сенсационной публикации в популярной газете, как адвокат — к исследуемым доказательствам по делу. Для наступления ответственности несущественно, поверило ли лицо, прочитавшее сообщение, в истинность его содержания.

Решая вопрос, может ли лицо предъявить иск в связи с распространением сведений относительно группы лиц, организации или определенной категории лиц, суды руководствуются следующим правилом: в случаях, если сообщение относится к классу, никакое лицо не вправе заявить, что это сообщение сделано о нем; истец обязан доказать, что сообщение указывает лично на него, а это, как правило, невозможно, за исключением случаев, когда круг относящихся к этой категории лиц настолько ограничен, что порочащие сведения относятся к каждому из таких лиц индивидуально.

Под распространением сведений английское право понимает их сообщение по крайней мере одному лицу, не считая потерпевшего. В деле к ответчику был предъявлен иск о диффамации в связи с тем, что он отправил истцу по почте письмо в незапечатанном конверте, оно оказалось прочитано не в меру любопытным дворецким истца. Суд счел, что в данном случае не было распространения сведений, за которое ответчик должен нести ответственность, поскольку в обязанности дворецкого не входило распечатывание конверта и чтение письма; возможно, со стороны истца было неразумно не запечатать конверт, но тем не менее действия дворецкого не являлись прямым последствием посылки письма, т. е. отсутствовала необходимая причинная связь между действиями ответчика и наступившими последствиями. Решение суда было бы иным, если ответчик мог бы разумно предвидеть, что кто-либо другой, кроме истца, вскроет конверт, как это было в другом деле[1], где ответчик послал истице письмо, в котором обвинял ее в магазинных кражах, используя нецензурные выражения. Это письмо ответчик запечатал в коричневый конверт, адресовал его истице и бросил в почтовый ящик. Муж истицы вскрыл конверт, полагая, что там содержалась предвыборная агитация. Истица выиграла дело, и апелляционный суд не смог отменить решение суда, поскольку оно было основано на установлении факта присяжными, а апелляционный суд не вправе опровергать или подвергать сомнению установленные ими факты.

Не признается распространением порочащих сведений о лице их сообщение одним из супругов другому; в то же время сообщение сведений третьим лицом одному из супругов о другом признается распространением сведений.

Каждое повторение порочащих сведений рассматривается как новое

[1]Там же. P. 141.

распространение и создает самостоятельное основание иска. Более того, когда клеветническое сообщение содержится в телевизионной программе или газетной статье, это рассматривается как отдельное сообщение сведений каждому из лиц, которые видели программу или читали статью, хотя на практике достаточно ссылки на объем тиража или диапазон вещания. Английское законодательство и судебная практика разграничивают основания ответственности распространителя тиража и производителя печатной продукции. Обычно распространитель тиража не несет ответственности за распространение порочащих сведений, если докажет, что он не знал и не должен был знать о клеветническом характере сведений и ни сама публикация, ни обстоятельства ее распространения не давали оснований предположить наличие клеветы. Так, например, были признаны ответственными за распространение сведений собственники библиотеки, которые не предприняли никаких мер, чтобы убедиться, не содержат ли распространяемые ими книги клеветнические измышления, и не откликнулись на просьбу издательства вернуть экземпляры одной из книг. В ином положении оказываются лица, непосредственно участвовавшие в создании печатной продукции. Так, собственник, редакция и издательство средства массовой информации несут ответственность независимо от своей вины в распространении порочащих сведений. Воспроизведение порочащих сведений обычно не влечет ответственности их первичного распространителя, поскольку результат признается слишком отдаленным с позиций возможности его предвидения первичным распространителем. Так, в одном деле истец утверждал, что размер взыскиваемой с ответчика компенсации психического вреда должен быть увеличен в связи с тем, что он пригласил обозревателей прессы на просмотр фильма, содержащего клеветнические сведения, после этого они были воспроизведены в прессе. Апелляционный суд постановил, что повторное сообщение сведений являлось разновидностью нового распространения, и вряд ли ответчик мог предвидеть, что они будут воспроизведены. Оставляя решение суда первой инстанции в силе, суд принял во внимание, что факт приглашения обозревателей присяжные сочли неустановленным.

Если потерпевший дает согласие на распространение сведений, которые на первый взгляд не вызывают сомнения в их истинности, распространитель сведений не несет ответственности, в том числе и в случае, если какие-либо лица могли истолковать их в более неблагоприятном для истца смысле, чем это могло следовать из обычного значения использованных в сообщении выражений. Предполагается, что потерпевший должен был обдумать возможность наступления таких последствий, прежде чем давать согласие на распространение сведений.

Как было отмечено выше, в общем случае ответственность за диффамацию наступает независимо от вины распространителя сведений — это принцип общего права Англии. Однако с принятием в 1952 г. Закона о диффамации (Defamation Act 1952) подход к основаниям ответственности за диффамацию оказался несколько смягчен. В ст. 4 этого Закона вве-

дено понятие «невиновная диффамация». Ответственность за невиновную диффамацию не наступает, если причинитель вреда делает потерпевшему предложение об опровержении сведений. Диффамация признается невиновной при одновременном наличии следующих условий:

— отсутствие у причинителя вреда намерения распространить порочащие потерпевшего сведения и неосведомленность об обстоятельствах, в связи с которыми распространенные сведения могут быть восприняты относящимися к истцу;

— неосведомленность распространителя сведений об обстоятельствах, в связи с которыми относительно невинные сведения могут быть истолкованы в порочащем потерпевшего смысле;

— соблюдение причинителем вреда мер разумной предосторожности при распространении сведений.

Предложение об опровержении невиновной диффамации должно быть сделано надлежащим образом, т. е. причинитель вреда должен предложить приемлемую для потерпевшего форму опровержения с извинениями, причем сделать такое предложение он должен **без** необоснованной задержки. Если предложение принято потерпевшим, производство по делу о диффамации прекращается.

В настоящее время среди английских правоведов обсуждается вопрос о внесении изменений в ст. 4 Закона о диффамации. В связи с тем, что издателю обычно невозможно доказать отсутствие злого умысла у автора публикации, предлагается, что для устранения ответственности издателя в этой части достаточно, чтобы издатель получил от автора письменное подтверждение об отсутствии у него злого умысла.

Причинитель вреда освобождается от ответственности за распространение порочащих сведений, если докажет их истинность, в то время как потерпевший не обязан доказывать противоположное. Следует заметить, что избрание причинителем вреда такого способа защиты сопряжено с опасностью подвергнуться взысканию большего размера компенсации, если ему не удастся доказать соответствие распространенных сведений действительности. Ответственность за распространение правдивых сведений не наступает, независимо от того, верил ли сам распространитель в их действительность и желал ли причинить потерпевшему страдания. Сведения признаются соответствующими действительности, если ответчик докажет их истинность в основном. Небольшие неточности при этом не имеют значения. В некоторых случаях порочащее сообщение может содержать несколько утверждений. Статья 5 Закона о диффамации устанавливает, что недоказанность соответствия действительности одного из нескольких взаимосвязанных утверждений сама по себе не влечет ответственности за диффамацию, если, в сочетании с другими утверждениями, это утверждение не наносит существенного ущерба репутации истца. Проблемы, возникающие в связи с применением ст. 5 Закона о диффамации, можно проиллюстрировать на примере следующего дела[1]. От-

I Там же. P. 145.

ветчики сняли об истце фильм, где содержалось несколько в равной степени порочащих его честь и достоинство утверждений. В качестве основания иска было указано два утверждения, их истинность ответчики не смогли доказать, хотя были в состоянии доказать соответствие действительности остальных утверждений. Поскольку иск был предъявлен в связи с определенными утверждениями, попытка ответчиков воспользоваться ст. 5 Закона путем доказывания не увенчалась успехом. Суд счел утверждения невзаимосвязанными, и истинность остальных утверждений являлась бы выходом за пределы действия ст. 5 Закона о диффамации. При этом ответчики могли лишь требовать уменьшения размера компенсации, ссылаясь в целом на плохую репутацию истца.

Но в случаях, когда утверждения взаимосвязаны и имеют единую направленность («общее жало»), ст. 5 применяется. Так, в другом деле[1] истец требовал компенсации в связи с одной порочащей статьей и частями двух других статей. Суд постановил: истец доказал истинность сведений в целом и соответствие действительности утверждений, не указанных в качестве основания иска. В настоящее время предлагается внесение поправки в ст. 5 Закона о диффамации, заключающейся в снятии требования о взаимосвязанности утверждений применительно к одному сообщению. При этом ответчик сможет ссылаться на все сообщения для доказывания соответствия действительности его отдельной части.

Иные подходы к порочащим сообщениям применяет английское право в случае, если содержанием сообщения является выражение мнения (в противоположность утверждению о факте). Не влечет ответственности за диффамацию добросовестный комментарий по вопросу общественной значимости (fair comment on a matter of public interest). Ответчик обязан в этом случае доказать, что в сообщении он выражал свое мнение, но не указывал на наличие порочащего факта. Отграничение мнения от утверждения о факте не всегда представляет собой легкую задачу. Так, четверо актеров предъявили иск к известному импрессарио в связи с тем, что он опубликовал в газете письмо, в котором утверждал, что одновременное расторжение этими актерами контракта (все четыре актера участвовали в пьесе, представляемой в Лондоне) являлось сговором, направленным на срыв представления. Суд, приняв во внимание все обстоятельства дела, счел, что сообщение содержало утверждение о факте, а не изложение мнения, и иск был удовлетворен[2]. В то же время в другом деле, где в связи с данным истцом объявлением о том, что он «специалист по лечению глухоты, болезней уха, носа и горла», ответчик назвал истца «знаток засоренных отверстий», суд палаты лордов счел, что это могло быть выражением мнения.

Добросовестным комментарий признается в случае, если ответчик, сообщая комментарий, считал свое мнение верным и не имел намерения причинить вред. Устанавливая отношение ответчика к выраженному мне-

[1] Там же.
[2] Там же. P. 146.

нию, английские суды руководствуются объективным критерием: «Может ли искренне поверить в правильность такого мнения разумный человек?» Бремя доказывания неискренности и злого умысла ответчика возлагается на истца. Например, газета, опубликовавшая письмо, не утрачивает права ссылаться на добросовестность комментария, даже если она не может доказать отсутствие неискренности автора письма. Необходимо отметить, что искренность мнения не тождественна его сдержанности, и наоборот. Определяя правовые последствия такого сообщения, суд не должен подменять мнение в том виде, как оно было выражено, своей формулировкой, поскольку последствия неискренности мнения или его излишней резкости могут различаться.

Необходимым условием ненаступления ответственности за комментарий является его общественная значимость. Понятию «общественная значимость» применительно к выражению мнения английские суды дают весьма широкое толкование: во всех случаях, когда вопрос может затронуть людей в целом таким образом, что у них может появиться законный интерес или озабоченность по поводу происходящего в связи с тем, что может произойти с ними или с другими людьми, — это вопрос общественной значимости. Такое определение обуславливает несложность доказывания общественной значимости добросовестного комментария в большинстве случаев.

Статья 6 Закона о диффамации устанавливает, что иск в связи с клеветническим сообщением (простым и квалифицированным), содержащим совместно утверждения о фактах и выражение мнения, несоответствие действительности некоторых из утверждений о фактах не влечет наступление ответственности за добросовестное мнение, если оно высказано в связи с теми утверждениями о фактах, которые признаны соответствующими действительности. Вместе с тем малейшая неточность в фактах разрушает предположение о добросовестности комментария. Как отмечалось выше, мнение не всегда легко отграничить от утверждения о факте. Поэтому английские адвокаты в обращенных к суду возражениях по иску используют такую формулировку: «...насколько в сообщении содержатся утверждения о фактах, эти утверждения соответствуют действительности; насколько в сообщении содержится выражение мнения, это добросовестный комментарий по вопросу общественной значимости*[1]. Это так называемое «свернутое» возражение рассматривается как направленное на достижение правовых последствий, связанных с добросовестным комментарием. Соответствие действительности утверждений о фактах в этом случае служит промежуточным доказательством при доказывании добросовестности комментария.

Законодательством Англии определены сообщения, пользующиеся иммунитетом от предъявления исков из диффамации.

К числу сообщений, пользующихся абсолютным иммунитетом, в связи с которыми иск не может быть предъявлен, относятся:

[1] Там же.

1. Сообщения, сделанные в любой из обеих палат Парламента.

2. Отчеты о заседаниях Парламента, опубликованные по распоряжению любой из палат, а также вторичная публикация этих отчетов в полном объеме.

3. Сообщения, связанные с судопроизводством, к числу которых относятся высказывания, сделанные судьями, адвокатами, свидетелями или сторонами в ходе судебных заседаний или со ссылкой на них.

4. Сообщения одного государственного должностного лица другому, сделанное в ходе исполнения служебных обязанностей, при этом под сообщением государственного должностного лица понимается:

— доклад военнослужащего своему начальнику;

— переговоры или переписка между министром и любым должностным лицом;

— доклад Высокого комиссара (представителя одной из стран Британского Содружества в другой стране этого Содружества) премьер-министру.

5. Любые сведения, лично сообщенные одним из супругов другому .

6. Беспристрастные и точные газетные, радио- и телесообщения о судебных процессах на территории Великобритании. Эти сообщения пользуются иммунитетом в том случае, если они сделаны во время судебного процесса и сообщение не содержит богохульства и непристойностей.

Ограниченный иммунитет (т. е. возникающий при соблюдении определенных условий) в отношении распространенных сведений предоставляется при одновременном наличии следующих условий: а) у одной из сторон существует юридическая, нравственная или общественная обязанность сделать сообщение; б) у другой стороны есть соответствующий интерес в получении такого сообщения. Проиллюстрируем этот принцип на примере следующего судебного дела[1]. Истец и ответчик были работниками одной фирмы. Третий работник написал письмо ответчику, содержащее порочащие сведения о нравственных устоях и поведении истца. Ответчик показал это письмо директору фирмы и жене истца. Суд постановил, что сообщение, сделанное директору фирмы, пользуется привилегией, так как здесь имели место взаимные обязанность сделать сообщение и интерес получить его; но сообщение жене истца не пользуется привилегией, поскольку, хотя ее интерес в получении сообщения несомненен, ответчик не обязан был показывать ей это письмо. При соблюдении вышеуказанных условий ограниченным иммунитетом пользуются, в частности, следующие сообщения:

1. Сообщения о парламентских заседаниях, судебных процессах, работе государственных комиссий — эти сообщения пользуются ограниченным иммунитетом, в отличие от сообщений, сделанных в ходе таких заседаний и процессов и пользующихся, как было показано выше, абсолютным иммунитетом. При этом к судебным процессам в целях предоставления ограниченного иммунитета не относятся закрытые судебные слу-

Тамже. P. 151.

шания, внутренние трибуналы (дисциплинарные суды различных категорий работников), а также процессы по делам, предметом рассмотрения которых является богохульство или непристойное поведение.

2. Информация, передаваемая в ходе общения между адвокатом и его клиентом. Основанием предоставления иммунитета в данном случае являются интересы правосудия. Иммунитетом такие сообщения пользуются только в том случае, если адвокат выступает в своем профессиональном качестве, а сами сообщения сделаны в процессе взаимодействия адвоката и клиента по поручению последнего, исполняемому адвокатом на момент сообщения. Этот иммунитет в некоторых судебных процессах рассматривался как абсолютный.

3. Сообщения в защиту себя и своего имущества. Например, в деле[1], где изготовители пива в ответ на адресованную им жалобу владельца паба о плохом качестве пива заявили, что плохое качество пива объясняется тем, что владелец паба разбавляет его водой, и сообщили это третьему лицу. Суд постановил, что такое сообщение пользуется иммунитетом.

Ограниченный иммунитет не предоставляется, если сообщение было сделано со злым умыслом. «Злой умысел» применительно к предоставлению иммунитета означает неверие в собственное утверждение или использование привилегии для ненадлежащих целей. Простая неосторожность или искреннее, хотя и основанное на предубежденности, заблуждение не подпадают под понятие злого умысла.

В качестве способов защиты чести, достоинства и деловой репутации применяются судебный запрет на распространение сведений и компенсация психического вреда. Судебный запрет применяется в случае, если порочащие сведения еще не распространены, но существует непосредственная угроза, что они будут опубликованы. Компенсация морального вреда по искам из диффамации может быть номинальной, «презрительной» и штрафной. Номинальная (или символическая) компенсация присуждается в случае, когда ответчик признается ответственным за распространение порочащих сведений, но истец, по мнению суда, претерпел весьма незначительные страдания. «Презрительная» компенсация (компенсация, выражающая порицание истца) присуждается в случае, когда истец формально выигрывает дело, опираясь на соответствующие нормы права, но суд считает нарушением нравственных принципов само предъявление иска. Например, презрительная компенсация была присуждена в упомянутом выше деле, где истец оспаривал соответствие действительности двух из нескольких порочащих утверждений и закон не позволял ответчику ссылаться на истинность всех остальных утверждений. В остальных случаях взыскивается штрафная компенсация. Если ответчиком является печатное издание, то при определении ее размера принимается во внимание, что он не должен позволить ответчику получить имущественную выгоду в результате возросшего в связи с распространением порочащих сведений читательского интереса к газете.

[1]Там же. P. 152.

Английские правоведы обращают внимание[1], что размер штрафной компенсации, определяемый присяжными по искам из диффамации, оказывается зачастую неразумно высоким, особенно по сравнению с исками о возмещении психического вреда, причиненного повреждением здоровья (аналогичное явление наблюдается в российской судебной практике — это было показано в гл. 3 разд. I). До недавнего времени суд апелляционной инстанции был не вправе пересматривать размер компенсации, за исключением тех случаев, когда судья давал присяжным неправильное напутствие. Ситуация изменилась лишь в 1990 г. в связи с введением ст. 8 в Закон о судах и правовых услугах. Согласно этой норме, апелляционный суд вправе изменить размер компенсации, если сочтет установленный судом первой инстанции размер **чрезмерным** или **неадекватным.** Так, при рассмотрении дела в апелляционной инстанции истице, жене серийного убийцы, в связи с опубликованием в газете сообщения о продаже истицей своих мемуаров была присуждена компенсация в размере 600 тыс. фунт. ст., но суд снизил размер компенсации, сочтя применение штрафной компенсации необоснованным[2]. Новым в подходе английских судов при рассмотрении исков из диффамации является применение ст. 8 Закона о судах и правовых услугах в сочетании со ст. 10 Европейской конвенции по правам человека. Этот подход был применен в 1993 г. при рассмотрении апелляционной инстанцией дела, в котором истцу была присуждена компенсация психического вреда в размере 250 тыс. фунт. ст. Ответчик (газета) утверждал, что такой размер компенсации подавляет его право на свободу слова. Суд апелляционной инстанции указал, что «чрезмерность» компенсации следует рассматривать в соответствии со ст. 10 Конвенции, разрешающей налагать на свободу слова только «необходимые» ограничения, а размер компенсации должен быть адекватен перенесенным страданиям. В результате размер компенсации был снижен до 110 тыс. фунт. ст.[3].

Законодательство о диффамации является объектом интенсивных пра-воведческих дискуссий. В последнее время был предложен ряд изменений к Закону о диффамации, среди которых можно выделить следующие:

— различия между простой и квалифицированной клеветой должны быть устранены, поскольку технические достижения сделали их бесцельными;

— ввести определение диффамации как сообщения третьему лицу таких сведений, что наиболее вероятным последствием этого сообщения, с учетом всех обстоятельств, явится снижение общей оценки лица в глазах здравомыслящих людей;

— присяжные должны определять не конкретный размер компенсации психического вреда, а лишь уровень этого размера: значительный, средний, номинальный или «презрительный»;

— под злым умыслом применительно к иммунитету от исков из диф-

[1] 1ам же.

[2] Там же. P. 153.

[3] Там же.

фамации следует понимать ненадлежащее использование ответчиком преимуществ, предоставляемых иммунитетом;

— предъявление исков из диффамации должно быть возможно и после смерти потерпевшего;

— стороны должны быть обязаны с абсолютной определенностью указывать то значение, которое они приписывают использованным в сообщении словам и выражениям.

§ 3. Особенности компенсации психического вреда при нарушении договора

Компенсация психического вреда, причиненного нарушением договора, имеет некоторые особенности. В целом принцип компенсации ущерба в случае неисполнения договора сводится к тому, чтобы поставить пострадавшую сторону в такое положение, как если бы договор был надлежащим образом выполнен. Возможные последствия нарушения договора, в том числе причинение психического вреда, должны охватываться сознанием сторон. Для компенсации психического вреда необходимо, чтобы его возникновение было естественным и предвидимым. Параграф 353 Свода норм контрактного права США устанавливает:

«Компенсация за эмоциональное беспокойство не допускается, если только нарушение контракта не повлекло телесный вред или если контракт или его нарушение не были такими, что эмоциональное беспокойство являлось наиболее вероятным результатом».

Комментарий к § 353 разъясняет: «Эмоциональное беспокойство. Компенсация за эмоциональное беспокойство обычно не допускается. Если даже такое беспокойство предвидимо, его особенно трудно выявить и измерить. Однако есть два исключительных случая, когда такая компенсация допускается. Первый случай — беспокойство вызвано телесным повреждением. В таких случаях иск почти всегда рассматривается как иск, вытекающий из деликта, хотя большинство юрисдикции не требуют от истца определять природу правонарушения, на котором основывается иск, и присуждают компенсацию, не классифицируя правонарушение... Во втором исключительном случае контракт или его нарушение таковы по своей природе, что серьезное эмоциональное беспокойство является их наиболее вероятным результатом. Обычные примеры — контракты перевозчиков с пассажирами или владельцев гостиниц с постояльцами, контракты по ритуальным услугам, доставке сообщений о смерти. Нарушения таких контрактов определенно вызовут серьезное эмоциональное беспокойство. Нарушения других типов контрактов, приведшие к обеднению или банкротству, могут иногда вызвать даже более сильное эмоциональное беспокойство, но, если контракт не предполагал этого в качестве наиболее вероятного результата, компенсация не допускается»[1].

Заметим, что понятие «эмоциональное беспокойство» (emotional

[1] **Fuller, Eisenberg.** Basic Contract Law.West Publishing Co., 1981. P. 181.

disturbance) и в праве США равнозначно понятию «нравственные страдания» (mental sufferings).

Вопрос о компенсации психического вреда часто возникает при предъявлении исков в связи с ненадлежащим качеством медицинских или юридических услуг. Так, в одном случае истица поручила адвокату начать судебный процесс против мужчины, чтобы воспрепятствовать ему досаждать ей. В результате небрежности адвоката судебное производство оказалось неэффективным. Истица взыскала с адвоката компенсацию за беспокойство, волнение и раздражение. В другом случае истица/взыскала с адвокатов компенсацию в размере 5 тыс. фунт. ст. за психическое расстройство, вызванное тем, что адвокаты в результате допущенной ошибки не обеспечили выдворение ее мужа из бывшего семейного дома и дали ей неправильный финансовый совет. Адвокаты смогли разрешить семейные конфликты, хотя имели письмо от врача клиентки, в котором отмечалось, что она страдает заболеванием в виде депрессии и врач не сомневается, что ее состояние вызвано ситуацией в семье.

Представляет интерес следующий случай, обусловленный небрежностью медицинского учреждения. Истцами были мать и ребенок (дочь). У дочери были жалобы на симптомы кожного заболевания, в ходе лечения мать сообщила, что дочь испытывает боль во время мочеиспускания. У дочери был взят на анализ мазок из вагины; вследствие небрежности госпиталя анализу был подвергнут мазок другой женщины, что повлекло вывод о наличии у девочки беременности. Ребенок был подвергнут очень болезненному внутреннему гинекологическому обследованию и опрошен работниками социальной службы и полицейскими. Четырьмя днями позже ошибка была обнаружена. Мать уже находилась в состоянии болезненного беспокойства и страха, и это известие только обострило ее состояние, но прогноз был хороший. Ребенка же стали мучить ночные кошмары. У нее развился страх по отношению к врачам и полиции. Прогноз был тоже хороший, хотя в будущем у дочери не исключались трудности и волнения при проведении гинекологических процедур. Матери и дочери была присуждена компенсация психического вреда по 5 тыс. фунт. ст. каждой[1].

§ 4. Основные тенденции развития законодательства

Современное состояние института компенсации морального вреда в английском праве является предметом постоянных дискуссий, центр тяжести которых сосредотачивается в основном на двух проблемах: 1) различие в подходах к психическому вреду, (не) связанному с телесным повреждением, и 2) ограничения ответственности правонарушителя в случаях причинения нервного шока, когда психический вред причинен по неосторожности.

[1] Napier and Wheat. Recovering Damages for Psychiatric Injury.Blackstone Press limited, 1995. P. 64.

Первая из упомянутых проблем связана не только с различными доктри-нальными подходами к обязательствам из причинения вреда, сколько с общей настороженностью в обществе по отношению к искам из причинения психического вреда. Она основана на легкости преувеличения или симуляции психического вреда при предъявлении соответствующих требований. В среде правоведов наблюдается тенденция к снижению отмеченной предубежденности. Этому в немалой степени способствует позиция психиатров и психологов, обоснованно склонных рассматривать предположение о том, что симулировать психическое заболевание легче, чем боль от телесного повреждения, как вызов своей науке. Основную роль в нарастании отмеченной тенденции играют новые научные достижения в области медицины, биологии, психологии и других наук, которые позволяют проявлять большее доверие к заключениям экспертов при рассмотрении дел, связанных с причинением психического вреда. Среди новых методов, применяемых экспертами, следует упомянуть основанный на учете частоты сердцебиения, деятельности потовых желез и мускульного напряжения в момент воспоминаний потерпевшего о травмировавшей психику ситуации. Много надежд в рассматриваемом аспекте возлагается на нейрохимический метод, который позволит получить объективную картину отражения связанных с правонарушением негативных психических процессов в мозговых оболочках потерпевшего. Внедрение этого метода в практику позволило бы устранить существующее различие в основаниях ответственности за причинение психического вреда в зависимости от наличия или отсутствия его связи с телесным повреждением.

Как упоминалось выше, в настоящее время при предъявлении иска о компенсации психического вреда в форме нервного шока истец должен доказать, что он перенес его в связи с обоснованным страхом причинения вреда ему самому либо в связи с угрозой или действительным причинением вреда другому. В последнем случае истец должен находиться в специальной связи с потерпевшим и воспринимать происшедшее событие непосредственно или немедленно после происшествия (близость к происшествию). Требование необходимой близости к происшествию подвергается обоснованной критике как приводящее к вынесению произвольных и несправедливых решений. Иллюстрацией этого может служить дело, в котором необходимая степень близости к происшествию была признана судом только вследствие того, что истица, прибывшая в госпиталь, куда были доставлены ее пострадавшие в дорожно-транспортном происшествии муж и уцелевшие дети, увидела их в крови и грязи. Если бы служащие госпиталя успели привести потерпевших в более «пристойный» вид, истице было бы отказано во взыскании компенсации, несмотря на все переживания в связи со зрелищем тяжко травмированных членов ее семьи и известием о смерти одного из детей. Понимая неестественность подобного подхода, в ряде случаев судьи начинают применять принцип, согласно которому наличие пространственного или временного разрыва между вредоносным событием и восприятием его истцом не мешает возникновению ответственности за причинение психического вреда. В частности, такой подход был применен судом в деле по иску о компенсации

психического вреда, причиненного истцу в связи с гибелью его сына в аварии (происшедшей со школьным автобусом)[1]. Несчастный случай произошел в 4 часа дня. Отец мальчика получил сообщение о смерти сына около 6 часов дня, и через час уже присутствовал на опознании сына в морге. Применение условия «непосредственной близости» не позволило бы удовлетворить иск, однако судья отказался от его применения, сославшись на общие принципы справедливости и необходимость совершенствования общего права. В апелляционной инстанции это решение было отменено.

Критике подвергается также применение разных подходов к ответственности за причинение психического вреда в зависимости от того, был этот вред связан с причинением вреда здоровью или имуществу потерпевшего. Эта критика основана на следующей позиции: поскольку способом защиты нарушенного права как в случае причинения вреда здоровью, так и в случае чисто имущественного вреда является денежная компенсация, нелогично применять разные подходы к имущественному вреду в зависимости от того, возникает он как непосредственный или опосредованный результат правонарушения через причинение вреда здоровью. Действительное значение для возникновения ответственности как в том, так и в другом случае имеют возможность разумного предвидения вреда, характер отношений между потерпевшим и причинителем вреда, требования разумности и справедливости.

Тенденции к изменению подхода к требованиям о компенсации психического вреда нашли отражения в рекомендациях, разработанных парламентской комиссией по законодательству. Эти рекомендации, в частности, содержат следующие предложения[2]:

— причинение психического вреда, не связанного с причинением телесных повреждений, по-прежнему должно представлять собой основание для возникновения у потерпевшего права на взыскание денежной компенсации;

— должно быть сохранено применение специальных ограничений к требованию разумного предвидения правонарушителем возможности причинения нравственных страданий очевидцу происшествия;

— в случае разработки примерного перечня лиц, которых следует признавать находящимися в особо близких отношениях, такой перечень, помимо супругов, родителей и детей, должен включать братьев и сестер, а таже лиц, находящихся в фактических брачных отношениях, в том числе и гомосексуального характера;

— в случаях, когда между истцом и первичным потерпевшим имеют место чувства любви и привязанности, условие непосредственной пространственной и временной близости потерпевшего к месту происшествия, а также восприятия происшествия непосредственно органами

[1] **Napier and Wheat.** Recovering Damages for Psychiatric Injury.Blackstone Press limited, 1995. P.163. [2] Там же. P. 169.

чувств истца, не должно применяться в качестве необходимого основания ответственности;

— в случае возникновения психического заболевания у потерпевшего, который против своей воли оказался участником вредоносного события, нет необходимости доказывать возможность предвидения причинителем вреда наступления именно такого последствия;

— в случае наступления психического заболевания компенсация должна допускаться независимо от тяжести такого заболевания;

— если в результате правонарушения причиняется вред имуществу потерпевшего, то основания ответственности причинителя вреда перед очевидцем такого правонарушения не должны быть жестче, чем основания ответственности перед очевидцем причинения вреда здоровью непосредственно потерпевшего;

— ответственность за причинение психического вреда должна распространяться на случаи, когда психическое заболевание работника оказывается предвидимым результатом чрезмерной нагрузки, неосторожно возложенной работником на работодателя (работодатель всегда обязан проявлять необходимую заботу о своем работнике и, в частности, обеспечивать безопасные и здоровые условия труда; внесение такого предложения, очевидно, имеет целью дополнительно напомнить работодателям о возможности наступления ответственности за причинение психического вреда и о необходимости обеспечения работнику надлежащих условий труда — заслуживающий внимания способ воздействия на правосознание участников общественных отношений).

Глава 2 Особенности компенсации психического вреда в США

Общность правовых систем Англии и США обуславливает сходство и в правовом регулировании отношений, возникающих в связи с причинением психического вреда. Основания ответственности за причинение психического вреда в США в основном такие же, как в английском праве, хотя следует отметить, что каждый штат США имеет собственную правовую систему, поэтому подход к компенсации психического вреда может различаться в зависимости от права конкретного штата, а в некоторых случаях — довольно существенно. Тем не менее общими для юрисдикции всех штатов при определении наличия оснований ответственности за причинение психического вреда являются следующие критерии: субъективная сторона правонарушения, причем основное различие в правовых последствиях определяется наличием или отсутствием умысла у причинигеля вреда; являлся ли психический вред результатом обоснованного и своевременного страха или переживаний потерпевшего или другого лица; связано ли причинение потерпевшему психического вреда с телесным повреждением или физическим воздействием на

него; вызвало ли причинение психического вреда диагностируемое телесное или психическое расстройство.

Если психический вред причинен по неосторожности и сопряжен с телесным повреждением, он подлежит компенсации. В то же время, если противоправное неосторожное поведение причиняет потерпевшему **только** психический вред, он, по общему правилу, не подлежит компенсации (хотя следует отметить, что в силу казуистичности рассматриваемой правовой системы из этого общего правила имеется весьма обширный перечень исключений). Отмеченное общее правило установлено судебной практикой по ряду причин: необходимость ограничить возможность предъявления мошеннических исков, это обусловлено легкостью симуляции претерпевания психического вреда; затруднительность доказывания факта претерпевания психического вреда и опровержения утверждений о его наличии, а также трудность оценки размера компенсации; отсутствие предвидения возможности причинения психического вреда; нежелание подвергать неосторожного ответчика потенциальной опасности несения ответственности за пределами его вины. Поэтому суды считают оправданным возложение ответственности на неосторожного причинителя психического вреда в тех случаях, когда на потерпевшего было оказано физическое воздействие или когда эмоциональное беспокойство проявило себя через физическое расстройство (сердечный приступ, повышение кровяного давления, экзема, выкидыш, потеря сна, веса или аппетита и т. п.). В случаях, когда требование о компенсации за эмоциональное беспокойство предъявляет очевидец, наблюдавший причинение вреда третьему лицу, суды обычно присуждают компенсацию при наличии одного из следующих условий: а) очевидец сам находился в «зоне опасности»; б) очевидец находился в особых отношениях с непосредственным потерпевшим (например, как родственник или член его семьи); в) причинитель вреда имел договорную обязанность по отношению к очевидцу и непосредственному потерпевшему (это условие применимо при наличии специального субъекта ответственности, например, организации, являющейся общественным перевозчиком).

Анализ судебной практики в США позволяет выявить явную тенденцию к расширению числа исключений из вышеуказанного общего правила с тем, чтобы правонарушитель не избежал ответственности, когда он действовал умышленно или с грубой неосторожностью и причинил серьезную психическую травму потерпевшему (при отсутствии неосторожности со стороны потерпевшего). С этой целью суды расширяют понятие физического воздействия на потерпевшего, включая сюда и объекты, не входящие в телесную сферу потерпевшего: одежду потерпевшего; предмет в его руке; машину, в которой он сидел; дом, в котором спал. Под физическим воздействием понимают также воздействие пыли, дыма, взрыва газа, электрического разряда. Любое телесное повреждение или физическое воздействие может оказаться достаточным основанием для возникновения права на денежную компенсацию за эмоциональное беспокойство. Тем же целям служит расширение понятия травмы от увечья и раны до

шока или невроза, вызванного телесным повреждением. В некоторых случаях к физическому воздействию на организм суды приравнивают потребление содержащей загрязнение пищи, присуждая компенсацию за причиненный в связи с этим психический вред.

В некоторых случаях, когда компенсации за психический вред требует очевидец причинения телесных повреждений третьему лицу, суды не требуют доказывания ни физического воздействия на очевидца, ни нахождения его в «зоне опасности», ограничиваясь лишь критерием способности и обязанности предвидения, при соблюдении разумной предусмотрительности, и возможности причинения психического вреда очевидцу происшествия. Психический вред признается предвидимым и подлежащим компенсации, когда очевидец находился вблизи от места происшествия, непосредственно наблюдал несчастный случай, находясь в близких отношениях с непосредственным потерпевшим, и имеет органические проявления последствий перенесенного нервного потрясения. В некоторых штатах снимается требование физических проявлений психического вреда для непосредственного потерпевшего (а иногда — и для очевидца происшествия). Если потерпевший претерпевает психический вред ввиду своей **особой** впечатлительности, компенсация обычно допускается лишь при наличии умысла или грубой неосторожности в действиях правонарушителя. Суды уделяют внимание осведомленности нарушителя о наличии таких особенностей, за исключением случая, когда психический вред сопряжен с причинением физического вреда, — здесь суды применяют презумпцию осведомленности правонарушителя об особенностях потерпевшего (правонарушитель воспринимает потерпевшего таким, каков он есть). В целом американское право содержит достаточно много препятствий истцу, пытающемуся взыскать с ответчика компенсацию психического вреда, причиненного по простой неосторожности.

Иная ситуация складывается в отношении компенсации психического вреда, причиненного умышленно или вследствие грубой неосторожности. В случаях, когда имеет место нарушение абсолютного права, потерпевший, помимо требования о защите нарушенного права, может требовать компенсации за эмоциональное беспокойство, вызванное правонарушением. Примерами таких правонарушений являются: заведомо незаконное наложение ареста на имущество; нарушение владения; клевета и другие умышленные правонарушения. В этих случаях истец встречает гораздо меньше препятствий на пути взыскания компенсации за эмоциональное беспокойство. Покажем это на примерах отдельных видов правонарушений:

1. **Нарушение неприкосновенности частной жизни** — компенсация присуждается даже в том случае, если единственным последствием правонарушения было эмоциональное беспокойство.

2. **Клевета** — в случаях, когда опубликованные сведения оскорбительны сами по себе, компенсация может быть присуждена, если единственным последствием правонарушения явились нравственные страдания.

3. **Присвоение имущества и нарушение владения** — возможна компенса

ция за нервный шок или психическое расстройство в связи с нарушением вещного права.

4. Нападение — для компенсации психического вреда не требуется доказывания физического контакта (нанесения побоев).

5. Дискриминация и незаконные действия государственных служащих — для компенсации психического вреда достаточно доказанности факта дискриминации по мотивам пола, возраста, расы, семейного положения либо незаконных действий полиции или иных государственных служб.

6. Оскорбительное поведение (преднамеренное нарушение эмоционального равновесия) — в большинстве штатов нервное потрясение, вызванное оскорбительным поведением, может являться самостоятельным и единственным основанием для взыскания компенсации. Ответственность может наступить даже при отсутствии намерения причинить вред, если само поведение было осознанным и выражающим пренебрежение к потерпевшему либо грубо неосторожным при высокой вероятности причинения таким поведением нравственных страданий. Для наступления ответственности необходимо, чтобы оскорбительное поведение явно выходило за допустимые пределы, причем оно должно усугубляться наличием особых отношений между причинителем вреда и потерпевшим, например, в связи с инвалидностью потерпевшего, его неравным положением или зависимым от оскорбителя состоянием (арендодатель и арендатор, должник и кредитор, работодатель и работник).

Очевидец часто может получить компенсацию за умышленное причинение эмоционального беспокойства третьему лицу. При этом применяются те же правила, что и при неосторожном причинении психического вреда. Так, во многих штатах родитель ребенка, подвергшегося изнасилованию или растлению, может получить компенсацию за причиненные переживания только в случае, если он являлся очевидцем изнасилования или растления. Компенсация возможна и в случае, если родитель не являлся очевидцем подобных незаконных действий в отношении ребенка, но оказался свидетелем его переживаний и страданий через короткий промежуток времени после полового посягательства.

При наличии договорных отношений между сторонами психический вред, причиненный ненадлежащим выполнением договорных обязательств, не подлежит компенсации, если причинение вреда не было преднамеренным либо отсутствовали обстоятельства, указывающие, что нравственные страдания явятся естественным и вероятным последствием ненадлежащего исполнения договора. Компенсация допускается в случаях, когда договор направлен на оказание личных услуг или условия договорного обязательства прямо связаны с личным благополучием одной из сторон и его нарушение порождает нравственные страдания. К некоторым случаям не применяются ограничения во взыскании компенсации, вытекающие из состава оснований ответственности за неосторожное причинение вреда. Это касается ненадлежащего обращения с трупами сотруд-

никами похоронных бюро, ошибочных извещений о смерти, неправильного соединения при осуществлении телефонной и телеграфной связи, задержек доставки пассажиров транспортными организациями.

Вот судебное решение, связанное с анализируемым вопросом.

Дело рассматривалось по апелляционной жалобе ответчика Верховным Судом штата Массачусетс в 1973 г.[1]:

В пользу истицы с ответчика-хирурга было взыскано 13 тыс. 500 дол. США за ненадлежащее выполнение косметической операции по поводу исправления формы носа истицы. Истица утверждала, что она как пациент заключила договор с ответчиком-хирургом и он обязался выполнить пластическую операцию ее носа с тем, чтобы улучшить наружность и повысить привлекательность истицы; он выполнил операцию, но не смог достигнуть обещанного результата; напротив, в результате операции ее нос был обезображен, она перенесла нравственные и физические страдания. Истица обвиняла ответчика в недобросовестной практике, выразившейся в небрежном выполнении операции. Ответчик иск не признал.

Упомянем некоторые факты, установленные присяжными. Истица была профессиональной актрисой, и это было известно ответчику, она имела прямой, но длинный и выдающийся нос. Ответчик обязался путем проведения двух операций сделать нос несколько короче, чтобы лицо стало более миловидным. В действительности же истице пришлось подвергнуться трем операциям, и внешность ее ухудшилась. Теперь от переносицы до средней точки линия носа вогнутая, а от середины нос становится клубнеобразным; если смотреть спереди, то от переносицы до средней точки нос стал более плоским и широким, а крылья носа утратили симметрию. Очевидно, что это состояние не может быть исправлено дальнейшим хирургическим вмешательством. Истица не указывает, что изменение внешности повлекло потерю работы.

Судья указал присяжным, что истица вправе получить компенсацию за вред, который является прямым, естественным, ближайшим и предвидимым последствием ненадлежащего исполнения обязательства ответчиком. Это относится и к вреду, причиненному обезображиванием носа истицы, включая ее страдания от осознания этого, причем следует принять во внимание профессию истицы. Судья также отметил, что компенсации подлежат боль и страдания, перенесенные во время третьей операции, но не первых двух, так как именно совершение третьей операции являлось нарушением договора. Каких-либо потерь в заработке истица не понесла.

Ответчик обжалует судебное решение, утверждая, что истица не имела права на компенсацию за боль и страдания, перенесенные во время третьей операции, а также за ухудшение ее внешности и связанные с этим нравственные страдания.

Истица, в свою очередь, обжалует отказ суда возместить ей разницу между ценой носа в том виде, каким он должен быть согласно условиям

[1] **Fuller, Eisenberg.** Basic Contract Law.West Publishing Co.,1981. P. 175-177.

договора, и его ценой в существующем виде. Однако, если жалоба ответчика не будет удовлетворена, она согласна отозвать свою жалобу.

Мы считаем, что жалоба ответчика не подлежит удовлетворению. Согласно преобладающей доктрине, договор между пациентом и врачом, по которому врач обязуется выполнить определенное лечение или достичь заранее заданного результата, следует признавать не обладающим исковой силой. Хотя имеется много положительных судебных решений по искам, связанным с ненадлежащим исполнением врачами своих обязательств по договору с пациентом, нетрудно увидеть, что суды воспринимают требования истцов как вытекающие из неосторожного причинения вреда, а не из нарушения договора...

Понятен скептицизм судов относительно применения договорной теории. Учитывая неточность медицины и различия в физическом и психическом состоянии отдельных пациентов, врачи лишь в редких случаях могут добросовестно обещать определенный результат. Другое дело, когда выражение врачом своего мнения носит оптимистический оттенок — это само по себе может иметь положительный лечебный результат. Но пациентам свойственно трансформировать в собственном сознании такое выражение мнения в твердое обещание. Если бы суды поддерживали иски, основанные на ненадлежащем исполнении договорных обязательств, врачи не решались бы использовать многие методы лечения. С другой стороны, если полностью исключить возможность предъявления таких исков, оставив в качестве единственного возможного основания недобросовестную врачебную практику, пациенты оказались бы беззащитны перед шарлатанами, что поколебало бы веру в медицинскую профессию. Поэтому право выбирает промежуточную позицию, допуская иски из нарушения договора, но требуя убедительных доказательств его заключения.

Если допустить возможность предъявления иска из нарушения договора, мы сталкиваемся со следующим вопросом — определением размера понесенного ущерба, когда установлено наличие оснований ответственности. В некоторых судебных делах применялся простой подход:

обязательства врача следует рассматривать как обычное коммерческое обещание и, соответственно, истец управомочен на обычное возмещение в случае нарушения договора — компенсаторное возмещение. В таком случае боль и страдания от операции не подлежат возмещению, поскольку они были бы перенесены и в том случае, если бы операция оказалась успешной, такое последствие не имеет причинной связи с нарушением договора. Но если истец из-за операции перенес страданий больше, чем в случае, если бы она была выполнена в соответствии с обязательствами врача, он должен получить компенсацию за эту разницу...

В некоторых решениях мы встречаем мнение, что боль и страдания не подлежат компенсации в исках из нарушения договора. Ответчик основывает на этом возражения против иска. Действительно, если бы покупатель товара предъявил иск к продавцу в связи с ненадлежащим исполнением договора купли-продажи, требуя компенсировать ему причиненное

разочарование, такое требование не было бы поддержано судом; очевидно, он указал бы на то, что такой психический вред нельзя разумно предвидеть в качестве вероятного последствия неисполнения коммерческого контракта. Но не существует общего правила, запрещающего компенсацию психического вреда в случае нарушения договора. Все зависит от существа договора, и когда предметом договора является проведение операции, в зависимости от конкретных обстоятельств возможна компенсация как психического, так и телесного вреда.

В свете вышеизложенного все возражения ответчика являются необоснованными; истица вправе получить не только возмещение понесенных в связи с операцией расходов, но и компенсацию за ухудшение своего состояния, а также за боль и страдания, связанные с третьей операцией...»

Как видно из решения, контрапункт спора сводился к вопросу допустимости компенсации за психический вред, причиненный ненадлежащим исполнением договорных обязательств, и был принципиально решен в ее пользу для отдельных видов договоров, связанных с личностью клиента, к ним, безусловно, относится и договор типа «врач-пациент». Обратим внимание, что твердое обещание о положительном исходе операции суд рассматривает как доказательство заключения договора. Он не был бы признан заключенным, если бы высказывание о положительном исходе операции суд расценил как оптимистическое мнение врача, что в ряде случаев повлекло снижение размера компенсации за причинение психического вреда или отказ. Иски, связанные с требованием компенсации за неудачное лечение, весьма распространены в США. Это повышает степень осторожности врачей при выборе метода лечения, оптимального способа проведения операции и т. п.

В другом судебном деле[1] истица, замужняя **женщина,** предъявила иск к врачу за неисполнение обязательства произвести кесарево сечение, утверждая, что если бы эта операция была выполнена, то ее ребенок остался бы жив. Решением суда в пользу истицы **взыскана** компенсация за перенесенные нравственные страдания в размере 5 тыс. дол. США.

В американской юридической литературе для иллюстрации отграничения видов договоров, в которых допускается компенсация психического вреда, приводятся следующие примеры[2]:

«I. А заключил с Б договор на постройку дома. При заключении договора А знал о шатком состоянии здоровья Б и о том, что надлежащее выполнение работы исключительно важно для него. Из-за задержки выполнения работы и отступлений от спецификации Б перенес нервное расстройство. Если Б предъявит к А иск о возмещении ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением договора, эмоциональное беспокойство не будет подлежать компенсации.

2. А, владелец отеля, неправомерно выдворяет постояльца Б из отеля, нарушая условия договора. При этом А использует ругательства и обви-

[1] Там же. P. 180. [2] Там же. P. 181.

няет Б в аморальности, но не совершает оскорбления или насилия. Если Б предъявит к А иск о нарушении договора, эмоциональное беспокойство, которое претерпел Б, будет подлежать компенсации».

Значительное место в судебной практике США занимают иски о компенсации вреда (в основном — психического), причиненного детям незаконным сексуальным воздействием. В этих случаях отдельную проблему составляют основания ответственности третьих лиц, не принявших необходимых мер к недопущению вреда или косвенно способствовавших его наступлению. Так, три несовершеннолетние девушки, подвергшиеся попытке растления, предъявили иск к растлителю и его жене[1]. Суд, рассматривавший дело, поддержал возражение жены растлителя против иска, и девушки подали апелляционную жалобу. В жалобе указывалось, что жена правонарушителя пригласила девушек поиграть в ее бассейне в то время, когда она отсутствовала, а ее муж находился дома, хотя она знала, что ее муж в прошлом совращал женщин и несовершеннолетних девушек. Также обращалось внимание на то, что ответчица убедила родителей девушек отпустить их, утверждая, что в ее отсутствие они будут находиться в безопасности. Апелляционный суд поддержал требования девушек к ответчице, применив доктрину «особых отношений» к отношениям между ответчицей и потерпевшими, сочтя высокой степень предвидения возможности причинения вреда. Суд указал: «Даже если применительно к данному случаю ответственность не может возникнуть в отсутствие особых отношений, такие особые отношения между ответчицей и истицами в данном деле усматриваются. Это проявилось в том, что истицы находились в зависимости от ответчицы, поскольку они, как дети, в силу возраста были особо уязвимы по отношению к подобному посягательству и не способны самостоятельно постоять за себя».

В другом деле иск о компенсации психического вреда был предъявлен от имени 11-летней девочки к собственнику детского лагеря, во время пребывания в котором девочка подверглась сексуальному нападению со стороны неизвестного лица[2]. Суд удовлетворил иск, усмотрев наличие небрежности в поведении ответчика на основе следующего доктринального принципа:

«Дети требуют проявления большей заботы о них, чем взрослые. О детях и подростках следует проявлять заботу пропорционально их неспособности предвидеть и избежать опасности, которые они могут встретить, и проявлять максимальную осведомленность о лицах, вступающих в контакт с детьми. Каждый, на чьем попечении находится ребенок, если он не имеет при этом с ребенком иной связи, кроме основанной на обязанности иметь о нем попечение, обязан принимать в отношении ребенка те меры предосторожности, которые разумный человек принял бы в подобных обстоятельствах».

Небрежность применительно к поведению третьих лиц определяется в Своде норм деликтного права следующим образом[3]:

[1] **Barton W.** Recovering for Psychological Injuries. ATLA PRESS. P. 267.
[2] Там же. P. 268.
[3] Там же. P. 265-266.

302. ..Действие или бездействие признаются небрежными, если лицо, их совершающее, осознает или должно осознавать, что этим действием или бездействием оно подвергает неразумному риску другое лицо в результате вредоносного поведения самого другого лица или третьих лиц, хотя бы такое поведение другого лица или третьих лиц и было преступным.

307. Небрежностью является совершение действия посредством использования человека или предмета, если совершающий действие знает, что их некомпетентность, несоответствие или дефект могут повлечь причинение вреда другим лицам.

308. Небрежностью является разрешать третьему лицу пользоваться вещью или вовлекать его в деятельность, контролируемую вовлекающим лицом, если это последнее знает или должно знать, что третье лицо намеревается или может неумышленно использовать вещь или осуществлять деятельность таким образом, что возникнет неразумный риск причинения вреда другим лицам.

320. Тот, кто по закону должен охранять другое лицо или добровольно принимает на себя заботу о нем при обстоятельствах, препятствующих другому лицу самому защищать себя или подвергающих его взаимодействию с третьими лицами, могущими причинить вред охраняемому лицу, обязан проявлять разумную заботу и контролироваь поведение третьих лиц с тем, чтобы предотвратить умышленное, неосторожное или случайное причинение ими вреда охраняемому лицу, если охраняющий

а) знает или имеет веские основания полагать, что он управомочен контролировать поведение третьих лиц, и

б) знает или должен знать о необходимости и возможности осуществления такого контроля.

448. Действие третьего лица, умышленно причиняющего вред или совершающего преступление, устраняет ответственность другого лица, хотя бы небрежность такого другого лица и создала возможность третьему лицу причинить вред или совершить преступление, если только это лицо не сознавало вероятность возникновения такой ситуации и использования ее третьим лицом для причинения вреда или совершения преступления.

449. Если опасность ситуации обусловлена вероятностью определенных действий третьего лица и лицо небрежно относится именно к этой опасности, то это лицо не освобождается от ответственности независимо от того, являются ли действия третьего лица невиновными, небрежными, умышленно вредоносными или преступными.

В последние годы увеличилось количество исков, связанных с компенсацией психического вреда, причиненного так называемой «сексуальной эксплуатацией» врачами своих пациентов. Здесь возникает ряд правовых проблем, связанных с установлением наличия «особых отношений» в отношениях типа «врач — пациент», а в некоторых случаях — с ответственностью за действия третьих лиц. Вступать в половую связь с пациентами запрещает врачам не только закон, но и профессиональная этика, прин-

ципы которой установлены в клятве Гиппократа. Поскольку использование в своих интересах личной зависимости другого лица противоречит принципам общественной морали и доброй совести, ассоциации американских психиатров, психологов, психоаналитиков, семейных врачей и социальных работников приняли стандарты поведения для своих членов, содержащие, в частности, запрет на вступление в интимные отношения с пациентами и клиентами. Основные мотивы, по которым установлен этот запрет, одинаковы для всех перечисленных категорий специалистов:

1. Существенно неравный характер взаимоотношений.

2. Могущий возникнуть конфликт интересов врача и пациента.

3. Доверительные отношения врача и пациента.

4. Тенденция пациента идентифицировать себя с врачом и моделировать свое поведение в соответствии с поведением врача.

5. Трудность для пациента прекратить лечение после того, как начались сексуальные отношения.

6. Причинение вреда пациенту.

Вступление в сексуальную связь с пациентом влечет ответственность в случаях, когда метод лечения связан с воздействием на психику пациента — именно это обуславливает возникновение состояния зависимости пацента от врача. Неравный характер взаимоотношений выражается в том, что врач организует и контролирует ход лечения, в то время как пациент, нуждающийся в помощи и обратившийся за ней к врачу, в ходе лечения занимает подчиненное положение. Наибольший интерес представляет вопрос о содержании причиняемого пациенту психического вреда при сексуальном воздействии. Согласно преобладающей доктрине, собственно сексуальный контакт не рассматривается как источник психического вреда (имеются в виду испытываемые пациентом сексуальные ощущения, которые не могут быть квалифицированы как страдания). Однако та же доктрина, базируясь на теории Фрейда, предполагает, что вступление в сексуальный контакт с врачом на подсознательном уровне отождествляется пациентом как контакт с родителем, что вызывает у пациента переживания в связи с греховностью и порочностью этого.

Аналогичные ситуации возникают в отношениях «социальный работник — клиент» в случаях, когда социальные работники выступают в качестве советников и консультантов по вопросам интимной жизни клиента. Следует отметить, что социальные службы различной направленности широко распространены в США. Предполагается, что социальный работник обязан проявлять необходимую и разумную заботливость о пациенте. В случае, если нарушение этой обязанности влечет причинение психического вреда пациенту, такой вред подлежит компенсации. Покажем подход судов к этому вопросу на примере следующего дела[1].

Социальный работник-женщина в процессе проведения психотерапевтического лечения одной из пациенток вступила в сексуальный кон-

[1] Там же. P. 317.

такт с подругой этой пациентки и продолжала процесс лечения. Пациентка предъявила иск о компенсации психического вреда к социальному работнику. Суд счел, что ответчица нарушила обязанность проявлять необходимую заботу о пациенте. Кроме того, суд счел, что истица имеет право на компенсацию причиненного ответчицей в результате профессиональной небрежности психического вреда, несмотря на отсутствие какого-либо физического воздействия ответчицы на истицу (что обычно является необходимым условием компенсации причиненного в результате небрежности психического вреда), мотивировав это следующим образом:

«Защита утверждает, что в данном случае, ввиду отсутствия осязаемого контакта между истицей и ответчицей и обычных признаков причинения вреда, не существует объективных доказательств, что именно небрежность ответчицы повлекла эмоциональное расстройство у истицы. Маловероятно, однако, что объективные доказательства психического расстройства сами по себе недостаточны для удовлетворения иска пациента к врачу. Когда он берется за лечение психического недуга пациента, побуждая при этом доверить врачу свои самые потаенные мысли. Пациент оказывается чрезвычайно уязвим в отношении причинения психического вреда, если врач, нарушая профессиональные стандарты поведения, не проявляет должной осмотрительности и заботы о пациенте. Любой психический вред, причиняемый вследствие этой небрежности, не является ни надуманным, ни легко симулируемым. В отличие от причинения психического вреда в других ситуациях объективные доказательства претерпевания нравственных страданий при данных обстоятельствах нетрудно получить. Как показывает данный случай, серьезность психического расстройства вполне может быть подтверждена на основе объективных медицинских критериев. Таким образом, мы приходим к выводу, что обычные препятствия к компенсации психического вреда в данном случае не могут иметь места. Соответственно, мы постановляем, что ввиду совершенно особой природы отношений «психотерапевт—пациент» пациент вправе получить компенсацию за нравственные страдания, вызванные небрежностью врача, несмотря на отсутствие иного (основного) вреда».

Многочисленные проблемы при рассмотрении дел по искам о компенсации психического вреда связаны с моментом начала течения срока исковой давности. В отличие от российского права, где на требования о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется в случаях, когда этот способ используется для защиты неимущественных благ, в английском и американском праве институт исковой давности применяется к требованиям о компенсации психического вреда. Эти проблемы возникают в основном при рассмотрении исков из инцеста (кровосмешения) или иных сексуальных посягательств родителей в отношении детей. Вот пример дела, рассмотренного одним из судов штата Миннесота[1].

[1] Там **же. P.** 273.

Истица, женщина 34 лет, предъявила иск к своему отцу с требованием компенсации за психический вред, причиненный в результате инцеста с его стороны. Она утверждала, что ее отец вступил с ней в половую связь, когда истице было 10 лет, и эта связь продолжалась до достижения истицей возраста 20 лет. Ответчик ссылался на истечение срока исковой давности, который, согласно законодательству штата, составлял для требований из причинения вреда три года с момента возникновения права на иск, поэтому, по его мнению, требование истицы, заявленное по истечении четырнадцати лет с момента последнего полового контакта, утратило исковую силу. Истица же утверждала, что право на иск о возмещении психического вреда, причиненного сексуальным посягательством на нее в детском возрасте, возникло только тогда, когда она стала испытывать приступы беспокойства и тревоги и обратилась за помощью к специалистам. Таким образом, основное внимание в этом деле сосредоточилось на моменте начала течения срока исковой давности. Истица настаивала, что таким моментом следует считать момент обнаружения вреда.

Согласно общему праву штата, течение срока исковой давности обычно начинается с момента совершения вредоносного действия, но, поскольку это ставило в невыгодное положение потерпевшего в случае замедленного проявления вреда, скрытых или необнаруженных повреждений, в судебной практике было установлено правило, согласно которому для потерпевшего в ряде случаев причинения вреда (в том числе и в рассматриваемом деле) срок исковой давности начинает течь с момента, когда потерпевший обнаружил или при должной осмотрительности должен был обнаружить причиненный вред. Причем под обнаружением вреда понимается не только осведомленность о наличии вреда, но и о его причине. При инцесте правонарушитель обычно запугивает ребенка, заставляя его держать происшедшее в секрете под угрозой причинения вреда ему или другим членам семьи, и ребенку приходится адаптироваться к этой ситуации самостоятельно. Именно поэтому девочка «загоняет внутрь» чувства вины, досады, страха, стыда и смущения, возникающие в связи с инцестом. Подавление или «выключение» этих чувств — это защитный механизм, который помогает потерпевшей приспособиться к ситуации, поскольку, как образно выразился суд, «ее выбор — сойти с ума или забыть о происшедшем». Поэтому часто признаки психической травмы обнаруживаются, когда девочка становится взрослой. Даже когда потерпевшая узнает о своем неблагополучном психическом состоянии, ей не сразу становится известно, что причиной психического вреда является инцест. И только терапевтическое лечение позволяет потерпевшей осознать связь между сексуальным посягательством и своими проблемами с психикой. Поэтому не применять принцип момента обнаружения вреда к началу течения исковой давности значило бы еще больше наказать истицу.

В другом подобном деле суд пришел к такому же выводу. Истица утверждала, что в период, в который имело место сексуальное посягательство, она не сознавала, что это предосудительный акт и ей причинен какой-либо вред. Еще в одном деле, когда истица сразу после инцеста осо-

знала его предосудительность, причинение ей психической травмы, хотя и не знала полного объема причиненного вреда, суд счел срок исковой давности пропущенным. Надо заметить, что в судебной практике разных штатов наблюдаются существенные различия в подходе к рассматриваемому вопросу (например, позиция судов штата Вашингтон противоположна позиции судов штатов Миннесота и Калифорния, а суды штатов Монтана и Висконсин занимают промежуточную позицию).

Глава 3 Компенсация морального вреда в Германии

§ 1. Основания ответственности за причинение страданий

Возникновение права на денежную компенсацию за страдания в соответствии с § 847 ГГУ предполагает наличие объективного и субъективного элементов состава правонарушения. Установленные в § 823 ГГУ составы оснований ответственности за причинение страданий и за причинение вреда совпадают: наличие страданий, причиненных умалением личных неимущественных правовых благ; противоправность действия причинителя вреда; наличие адекватной причинной связи между противоправным действием и наступившими последствиями в виде страданий; вина причинителя вреда.

Наличию страданий германская судебная практика не всегда придавала важное значение, в этом выражался преобладавший ранее подход к компенсации как к штрафу, взыскиваемому в пользу потерпевшего скорее за искупление правонарушителем своей вины, чем для защиты интересов потерпевшего. Так, в случаях распада личности вследствие тяжелой мозговой травмы федеральный суд ФРГ учитывал ранее только штрафной характер компенсации за причиненный нематериальный вред и взыскивал с причинившего его лица ощутимую денежную сумму. При этом отсутствие страданий после причинения вреда здоровью мало учитывалось при оценке размера компенсации. В дальнейшем федеральный суд отказался от этой точки зрения и пришел к выводу, что должен снижать размер компенсации за причиненный вред в случае, когда произошел полный распад личности. Способности потерпевшего испытывать страдания и осознавать свое ущербное положение придается центральное значение при оценке компенсации за причиненный нематериальный вред; состояние, представляющее собой особо тяжкие последствия для потерпевшего, может оказаться основанием для снижения размера компенсации за причиненный нематериальный вред. В подобных случаях, когда пострадавший утратил способность чувственного, эмоционального или рационального восприятия окружающей действительности, суды уделяют особое внимание заключениям экспертов. Даже если распад личности надлежащим образом установлен, суды весьма неохотно соглашаются на снижение размера компенсации до символических сумм.

Как указывалось выше, вина, как правило, является необходимым элементом состава оснований ответственности за причиненный нематериальный вред, но в некоторых случаях ответственность может наступать и без вины, например, при причинении вреда источником повышенной опасности (§ 829 ГГУ).

Параграф 847 ГГУ рассматривается как специальная норма, не допускающая ее применение по аналогии. Будучи расположен в разделе, регулирующем внедоговорную ответственность, § 847 ГГУ не применяется к случаям нарушения договорных обязательств, если при этом не происходит одновременно нарушения указанных в § 847 ГГУ абсолютных прав, как это было, например, в случае, когда врач по телефону порекомендовал пациенту определенное лечение, но отказался срочно посетить его на дому[1].

Ответственность возникает только перед непосредственным потерпевшим. Им признается каждый, кому причинен вред, и последний находится в адекватной причинной связи с неправомерным действием (например, травма ноги после несчастного случая с последующим наложением гипсовой повязки). Опосредованно потерпевшим признается каждый очевидец, пострадавший от нервного шока при наблюдении несчастного случая. Одна судебная практика делает исключение в случае, если очевидец происшествия находится в близких отношениях с потерпевшим. В этом случае он также признается непосредственным потерпевшим от так называемого дистанционного воздействия правонарушения и приобретает право на компенсацию.

§ 2. Размер компенсации за страдания

Параграф 847 ГГУ устанавливает, что компенсация за перенесенные страдания должна быть справедливой. При определении ее размера принимается во внимание общий принцип уравнивания выгоды, установленный в § 249 ГГУ. Эта норма регулирует вид и объем возмещения ущерба и устанавливает: «Лицо, обязанное возместить вред, должно восстановить то положение, которое существовало бы, если бы не было обстоятельства, в силу которого возникла обязанность возместить вред. Если обязанность возмещения вреда возникла вследствие причинения вреда человеку или вещи, то кредитор может вместо восстановления прежнего положения требовать выплаты денежной компенсации». В то же время потерпевший не должен извлекать выгоду из причинения ему вреда, т. е. выплата компенсации не должна ставить потерпевшего в положение более выгодное, чем если бы правонарушение не имело места. Когда выгода пострадавшего превышает его ущерб, эта разница подлежит учету в пользу лица, причинившего вред. В таком случае говорят об уравнивании выгоды. Разумеется, к случаю компенсации за страдания этот принцип применим весьма относительно, ввиду отсутствия денежного эквивалента страданий, но

Schneider E. Schmerzensgeld.Herne/Berlin, 1994.

в редких случаях этот принцип принимается во внимание судами при определении размера компенсации.

Например, суд применил принцип уравнивания выгоды в деле, когда в ране при операции был оставлен посторонний предмет, но это продлило жизнь пациента при прогрессирующем раковом заболевании[1]. В виде другого примера можно привести случай, когда потерпевший в результате срочно проведенной ампутации был избавлен от болевых ощущений, которые он претерпел бы в результате тромбоза, если бы операция не была своевременно произведена[2]. Понятно, что принцип уравнивания применим только в случаях, если «выгода» и вред относятся к однородным категориям, т. е. имущественную выгоду недопустимо уравнивать с неимущественным вредом, и наоборот.

Как правило, «справедливая компенсация» (§ 847 абз. 1 ГГУ) предполагает однократный платеж суммы, определенной судом, чем в принципе должны компенсироваться и все обозримые длящиеся последствия причинения вреда. Согласно установившемуся в судебной практике подходу, при исчислении размера компенсации принимаются во внимание размеры сумм, определенных ранее судами при разрешении аналогичных. дел. Выдержки из решений по таким делам систематизируются и публикуются, и это предоставляет суду базис при определении размера компенсации в конкретном деле. Итак, в отношении размера компенсации за страдания в германской статутной правовой системе фактически применяется принцип прецедента. Напомним, что в странах прецедентного права (как было показано выше) в отношении размера компенсации не действует принцип прецедента. При определении окончательного размера компенсации взысканная в предыдущие годы компенсация за страдания, присужденная по аналогичным делам, соотносится с изменениями в общеэкономической и социальной ситуации в стране. Этими критериями являются покупательная способность денег и преобладающий в обществе взгляд на «цену» здоровья, подверженные постоянным изменениям. Меняется и подход к значимости отдельных видов правовых благ — например, телесным повреждениям и иному вреду, причиненному здоровью, сегодня придается большее значение, чем 10 или 20 лет назад. Поэтому базисные суммы, определенные ранее в сопоставимых решениях, также подлежат корректировке в соответствии с этими изменениями.

Так, отменяя решение в части размера компенсации, суд мотивировал это тем, что «изменение уровня инфляции происходит неконтролируемо», из чего следует, «что многочисленные ранее вынесенные судебные решения не могут больше представлять собой образец для сравнения без соответствующей корректировки»[3]. Для разрешения этой проблемы был разработан метод Шнайдера/Цельцнера, он заключается в интерполяции

[1]Там же. S. 21.
[2] Там же. S. 22.
[3] Там же. S. 23.

размеров компенсации за страдания в прежних судебных решениях в соответствии с изменением индекса потребительских цен между моментами рассмотрения данного дела и вынесения решения по аналогичному делу. Разработанная в результате применения этого метода таблица позволяет пересчитать прежние решения с учетом современного уровня инфляции[1].

Компенсация за страдания может присуждаться и в виде периодических платежей: при тяжком повреждении здоровья, последствием которого становится прогрессирующее нарушение жизненных процессов в организме человека. В зависимости от обстоятельств дела такие платежи могут назначаться пожизненно или на определенный период времени. Возможно также сочетание взыскания основной суммы компенсации с установлением дополнительных периодических платежей или разделение суммы однократной компенсации на части и взыскание ее в виде периодических платежей.

В качестве примеров можно указать следующие дела: пенсионеру была нанесена рана длиной 8 см, в связи с чем он провел две недели в больнице — размер компенсации составил 5 тыс. нем. марок; в другом случае потерпевший пролежал в больнице с переломом тазобедренного сустава в условиях полной неподвижности три недели, при этом в течение первых семи суток он испытывал сильную боль, ему была присуждена компенсация за страдания в размере 15 тыс. нем. марок; 11-летний школьник, получивший черепно-мозговую травму с переломом костей черепа и проведший в больнице шесть недель, получил компенсацию в размере 30 тыс. нем. марок; 19-летний солдат, полностью потерявший зрение в результате травмы, происшедшей во время танковых учений, получил компенсацию в размере 100 тыс. нем. марок; 15-летний школьник полностью оглох в результате заболевания менингитом, наступившего в результате врачебной ошибки, — с ответчика была взыскана единовременная компенсация в пользу школьника в размере 50 тыс. нем. марок и назначены ежемесячные компенсационные платежи в размере 100 нем. марок; у 27-летнего потерпевшего в результате тяжелейшего повреждения головного мозга последовала полная парализация и была сведена к минимуму возможность контактов с внешним миром, ему была присуждена единовременная компенсация в размере 250 тыс. нем. марок и назначены ежемесячные компенсационные платежи в размере 600 нем. марок[2].

На требования о компенсации морального вреда распространяется действие института исковой давности. Срок давности по требованиям о компенсации за страдания определяется § 852 ГГУ и составляет три года. Течение срока исковой давности начинается с момента, когда потерпевший узнал или должен был узнать о причиненном нематериальном вреде и получил или должен был без особого труда получить достаточные для

[1] **Deutsch** E. Unerlaubte Handlungen, Schadensersatz und Schmerzensgeld.Academia luris, 1994. S. 242-243.

[2] **Schneider E.** Schmerzensgeld.Herne/Berlin, 1994.

предъявления иска сведения о причинителе вреда. Закон не требует обязательного знания всех последствий причиненного вреда, поэтому течение срока исковой давности начинается тогда, когда объем и размер вреда обозримы еще не полностью, но в принципе предвидима возможность наступления вредоносных последствий противоправного действия. Однако, даже если срок исковой давности не истек, необоснованное промедление в предъявлении требования о компенсации рассматривается как основание для снижения ее размера.

Достаточно неопределенный термин «справедливая компенсация» получил четкие очертания только в ходе развития судебной практики и правовой доктрины, которые определили двойную функцию компенсации морального вреда как компенсационно-штрафную. Согласно этому подходу, предоставляемая потерпевшему компенсация должна быть прежде всего соразмерна причиненному нематериальному вреду. При этом потерпевший не должен объяснять, как он хочет использовать компенсацию за причиненный нематериальный вред для компенсации утраченных «жизненных радостей». Далее принимается во внимание вина правонарушителя в причинении страданий потерпевшему. В судебной практике определены критерии оценки, которые необходимо учитывать при установлении «справедливой компенсации». Нижеприведенный перечень дает представление об основных критериях, которые принимаются во внимание при определении размера компенсации[1].

1. Физические страдания потерпевшего (боль):

1) особая чувствительность к боли у потерпевшего;

2) вид телесного повреждения;

3) длительность лечения;

4) протекание процесса лечения;

5) длительность последствий.

2. Нравственные страдания потерпевшего (переживания):

1) остающиеся последствия;

2) обезображивание (шрамы и т. д.);

-3) возраст потерпевшего;

4) возможность дальнейшей работы по специальности;

-5) степень осознания тяжести своего состояния;

6) беспокойство о судьбе семьи;

7) возможность сохранении специфических качеств (повреждение руки или ноги у спортсмена);

8) особая психическая восприимчивость (склонность к переживаниям). 3. Обстоятельства, связанные с причинителем вреда:

1) степень вины причинителя вреда;

2) иные фактические обстоятельства, связанные с причинением вреда (состояние опьянения причинителя вреда, неисправность его автомобиля);

3) имущественное положение причинителя вреда.

Schneider E. Schmerzensgeld.Heme/Beriin, 1994.

В большинстве дел, связанных с предъявлением требований о взыскании компенсации за страдания, они сопряжены с претерпеванием потерпевшим боли в результате различного рода телесных повреждений. В затруднительных случаях суд назначает судебно-медицинскую экспертизу. При этом необходимо обратить внимание, что в задачу эксперта входит лишь исследование медицинской стороны дела, но ни в коем случае не выражение мнения относительно размера компенсации за страдания. Определение размера компенсации составляет исключительную прерогативу суда. Хотя закон не устанавливает каких-либо различий в подходах к возмещению имущественного и неимущественного вреда, правовая доктрина и судебная практика считают недопустимым применение одинакового подхода. Принцип «телесная неприкосновенность и немецкая марка не сравнимы и не взаимозаменяемы», равно применяемый и в отношении иных неимущественных правовых благ, практически не находит сомнений или возражений в среде германских правоведов[1]. Поэтому денежная компенсация за страдания рассматривается как вид удовлетворения (вознаграждения) денежной суммой таким образом, чтобы потерпевший за перенесенные отрицательные эмоции смог приобрести некоторые «радости жизни» (например, позволить себе желаемую поездку в отпуск и т. п.). При особо тяжких телесных повреждениях денежная сумма может служить для улучшения жилищных условий (перестройка, покупка дома, новостройка и т. д.).

Ранее требование о компенсации за страдания включалось в наследственную массу умершего только в случае, если требование о компенсации было добровольно признано причинителем вреда или потерпевший успел предъявить иск и судебное дело было возбуждено. С момента вступления в силу с 14 марта 1990 г. соответствующих законодательных изменений ситуация изменилась, и требование о компенсации за причиненные страдания переходит по наследству независимо от признания правомерности требования причинителем вреда или предъявления иска при жизни потерпевшего. Если при несчастном случае он потерял сознание и продолжал находиться в таком состоянии до момента смерти, судебная практика исходит из возможности присуждения правопреемникам в этом случае лишь «символической» суммы компенсации.

Физические страдания при телесном повреждении могут сопровождаться переживаниями в связи с различными обстоятельствами, например: страхом и беспокойством из-за неопределенности исхода лечения;

волнениями о собственном будущем ввиду неспособности работать по специальности; угрозой социального падения; чувством ущербности и т. п. Переживания могут возникать также вследствие того, что урегулирование вопроса о возмещении вреда потерпевшему неоправданно затягивается. Проведенный германскими исследователями анализ судебной практики показывает, что зачастую требование о компенсации за причиненный не-

[1] Там же. S. 27.

материальный вред не выполняется добровольно и потерпевший участвует в многолетнем судебном разбирательстве, что рассматривается как причинение дополнительного нематериального вреда, так как неизвестность исхода и срока окончания судебного процесса действует на психику потерпевшего отрицательно. Например, в одном из решений федерального суда указывается[1]:

«По усмотрению судьи дозволено учитывать также при оценке компенсации то обстоятельство, что потерпевший испытывает дополнительные тяготы из-за затяжного судебного дела о справедливой компенсации за причиненный нематериальный вред и долгого ожидания разрешения дела».

Аналогичная точка зрения выражена в решении по другому делу[2]:

«Следует отнести за счет лица, причинившего вред, что ответчик неожиданно изменил в судебном деле свою точку зрения по оценке компенсации за причиненный вред и занял неразумную позицию. Конечно, это вызвало чувство огорчения потерпевшего, усилившее и продлившее его психические страдания».

Стремление оградить потерпевшего от последствий затянувшегося спора о возмещении вреда особенно четко выражено в решении, где суд подчеркнул, что полный отказ от исполнения обязанности по компенсации страданий при несомненном и явном наличии такой обязанности «незаконен и несовместим с принятыми нормами поведения в обществе»[3]. Однако, если наличие у потерпевшего права на компенсацию небесспорно, отказ от внесудебного урегулирования спора не может рассматриваться как основание для увеличения размера компенсации.

В особый вид нематериального вреда выщеляется нарушение психики потерпевшего (шок), что рассматривается как одна из разновидностей причинения вреда здоровью. Это может иметь место в случае, когда родитель является очевидцем происшедшего с ребенком несчастного случая или получает сообщение о его смерти, то же касается супругов или иных близких родственников. Подобное воздействие рассматривается как массивное вторжение в психическую сферу потерпевшего, способное привести к депрессии и невротическим изменениям его личности, что, в свою очередь, нередко влечет за собой вторичные соматические заболевания. Как упоминалось выше, при этом речь идет о непосредственном причинении вреда в результате так называемого дистанционного воздействия правонарушения. Это происходит в большинстве случаев, когда сообщение о несчастном случае вызывает у близких первичный шок или подобные

[1] Там же. S. 28.
[2] Там же. S. 29.
[3] Там же.

психические явления. Германская судебная практика не склонна снижать ответственность причинителя вреда в случае, если при умышленном причинении вреда наступившие вредные последствия отчасти связаны с особой предрасположенностью потерпевшего к наступлению таких последствий (ослабленностью организма, неустойчивостью психики и т. п.). Подход к решению этого вопроса судов ФРГ, Англии и США аналогичен — правонарушитель воспринимает потерпевшего таким, каков он есть в момент правонарушения.

Как было упомянуто выше, существенным критерием оценки размера компенсации является степень вины лица, причинившего вред. Интересна мотивировка учета этого критерия, приведенная федеральным судом[1] «То обстоятельство, что вред вызван грубо-небрежным или даже преднамеренным поведением лица, причинившего вред, конечно, может причинить потерпевшему большее огорчение, чем если бы вред был причинен в результате легкой небрежности, которую потерпевший склонен был бы воспринять скорее как веление судьбы». Хотя доктринальный и судебный подходы к функции компенсации страдания признают ее двойной характер (компенсационно-штрафной) и учет степени вины причинителя вреда должен отражать именно штрафной элемент функции компенсации, правоприменитель старается выдвинуть на первый план компенсационную функцию, конструируя (возможно, несколько искусственно) взаимозависимость между страданиями потерпевшего и субъективной стороной состава правонарушения. Заметим, что это толкование вступает в противоречие с другим правилом, выработанным судебной практикой, согласно которому наступивший у потерпевшего в результате причинения вреда полный распад личности и, соответственно, неспособность к анализу и переживаниям не препятствует учету вины причинителя вреда в качестве критерия оценки размера компенсации, в чем проявляется штрафная функция компенсации. Вопрос о степени вины причинителя вреда особенно часто возникает в делах, связанных с нарушением правил дорожного движения, когда несчастные случаи вызваны опьянением, значительным превышением скорости и т. д.

Оценка и учет имущественного положения причинителя вреда допускается при оценке размера компенсации, с тем чтобы неблагополучное имущественное положение причинителя вреда не привело к уменьшению размера компенсации до символической суммы или отказу во взыскании компенсации. Суды исходят из того, что следует по возможности избегать разорения лица, причинившего вред, и доведения его до нищеты путем больших выплат компенсации за причиненный нематериальный вред. Учету подлежит и имущественное положение потерпевшего — здесь судебная практика исходит из того, что для хорошо обеспеченного потерпевшего денежная компенсация будет иметь менее сглаживающий эффект, чем в противоположном случае.

Судебный процесс по поводу взыскания компенсации за причинен-

[1] Там **же. S.** 30.

ный нематериальный вред начинается с предъявления иска. Допустимо также предъявление требования о компенсации за причиненный нематериальный вред в упрощенном порядке рассмотрения дела (без вызова ответчика в суд). Однако в последнем случае, в соответствии с требованиями процессуального законодательства, заявитель обязан сам указать требуемую сумму компенсации, тогда как при обычном предъявлении иска он может не выражать свое мнение о требуемом размере компенсации. Эта возможность имеет существенное значение с точки зрения судебных расходов истца, так как требование о взыскании компенсации рассматривается как имущественное с взысканием соответствующей пошлины (в отличие от позиции по аналогичному вопросу Верховного суда РФ, которая будет рассмотрена ниже). Требования о компенсации за причиненный нематериальный вред наиболее часто предъявляются в связи с дорожно-транспортными происшествиями. При этом судебная практика различает пять самостоятельных групп требований о компенсации вреда, которые также процессуально мотивируют самостоятельные предметы спора:

1) расходы на лечение;
2) увеличение потребностей;
3) потери в связи с нетрудоспособностью;
4) утрата или повреждение имущества;
5) компенсация за причиненные страдания.

Каждое из них и, конечно, требование о компенсации за причиненный вред должно быть самостоятельно обосновано. Иски с неопределенным требованием, ставящие размер компенсации за причиненный нематериальный вред на усмотрение суда, могут, при существенно меньших судебных расходах истца, иметь результатом взыскание значительного размера компенсации. В то же время, назвав сумму своего требования и уплатив соответствующую пошлину, истец устанавливает этим верхний предел размеру компенсации, поскольку иски за причиненный нематериальный вред принимаются к судебному производству только до размера указанной в них суммы.

Германское процессуальное законодательство допускает подачу в суд заявления не о взыскании названной или неназванной истцом суммы компенсации, а лишь о признании судом наличия у истца права требовать выплаты компенсации. В таком случае выносится так называемое «решение о наличии оснований для иска» — это в некоторых случаях является для сторон предпочтительным, если они смогут во внесудебном порядке договориться о размере компенсации. В отношении возможности судебного обжалования решений о взыскании компенсации за страдания следует заметить, что суд апелляционной инстанции, повторно рассматривающий дело по существу, не связан обжалуемым решением и вправе вынести иное решение, в том числе и в части размера присуждаемой компенсации. Такое право отсутствует у суда кассационной инстанции.

§ 3. Обзор судебной практики Германии

_Дело№ Г.

Истица предъявила иск в связи с тем, что ответчик и его супруга, с которыми у истицы был заключен договор о найме ее в качестве суррогатной матери, сообщили о содержании этого контракта родственникам, знакомым, друзьям, бывшим коллегам по работе и работодателю наемной матери. Ответчик предъявил встречный иск в связи нарушением не исполнившей договор истицей его неимущественного права иметь ребенка как общего права личности и потребовал компенсации перенесенных в связи с этим страданий.

Истица явилась по объявлению ответчика и его супруги и согласилась за вознаграждение вынашивать ребенка для этой семьи. Ответчик неоднократно имел половые сношения с истицей, после чего она забеременела. В качестве вознаграждения за вышашивание ребенка истица должна была получить 28 600 нем. марок. После получения аванса в размере 4 300 нем. марок она заявила, что не отдаст ребенка, и действительно отказалась сделать это после рождения ребенка. Она привлекла ответчика, как отца, к содержанию ребенка. Ответчик и его супруга разыскали родственников, знакомых, друзей, бывших коллег по работе и работодателя истицы и сообщили им о ее прежней жизни. К этому они приложили также контракт о найме матери в письменной форме. Оба партнера, предъявляя иски, требовали друг от друга уплату справедливой компенсации за причиненный нематериальный вред. Истица в своем требовании опиралась на совершенный ответчиком так называемый подрыв репутации и оскорбление. Ответчик чувствовал себя злонамеренно обманутым при заключении контракта о найме матери. В удовлетворении прямого и встречного исков было отказано, поскольку суд счел недопустимой выплату компенсации за нарушение личных неимущественных прав, если стороны сделали их предметом сделки.

Дело № 2[2].

Истец, ученик школы, предъявил иск о компенсации за страдания к учителю в связи с тем, что учитель нанес ему три пощечины и назвал «тупым бараном». Пощечины были не особенно болезненны и не вызвали никаких последствий. Нарушение права телесной неприкосновенности ученика было признано незначительным, также был принят во внимание опасный характер поведения ученика, а также то, что учитель извинился перед истцом через несколько недель после происшествия и таким образом загладил свою вину. Во взыскании компенсации отказано.

Дело № У.

Наемная работница предъявила иск к работодателю в связи с дискриминацией по признаку пола, выразившейся, по ее мнению, в том, что работода-

[1] Там же. S. 255.
[2] Там же. S. 256.
[3] Там же.

тель не продлил заключенный на определенный срок трудовой контракт после его истечения потому, что в это время наемная работница была беременна. Суд счел, что работодатель в достаточной степени загладил последствия своего неправомерного действия тем, что менее чем через месяц после истечения срока контракта предложил истице продолжать трудовые отношения, и она снова получила работу. Во взыскании компенсации было отказано.

Дело № 4[1].

Иск был предъявлен в связи с показом изображения истца в кинорепортаже об убийцах. Истец не имел никакого отношения к преступлению. Изображение истца было показано в произведенном киностудией репортаже о преднамеренном убийстве. В репортаже акцентировалось внимание на «ужасных кровавых подробностях преступления» и «особо жестоком и хладнокровном убийце». Способ показа изображения истца давал веские основания предположить, что он был одним из тех убийц, о справедливом наказании которых зрителям предлагалось подумать. Нарушение личного неимущественного права истца на собственное изображение и подрыв репутации были признаны судом несомненными и существенными. Истцу присуждена компенсация за страдания в размере 1 тыс. нем. марок.

Дело № 5[2].^

Директор супермаркета высказал истице в присутствии собравшихся клиентов подозрение в воровстве и потребовал пройти с ним в соседнее помещение. В заключение ее обыскали в полицейском участке. Подозрение в воровстве, для которого с самого начала не было конкретных оснований, оказалось необоснованным. При оценке компенсации за причиненный нематериальный вред суд учел, что истица после этого происшествия нуждалась в медицинском и психотерапевтическом лечении. Было принято во внимание также наличие небрежности в действиях директора супермаркета. Размер присужденной компенсации составил 1 тыс. нем. марок.

Дело б[3].

Истец был совладельцем пивоваренного завода и участвовал в турнирах всадников. Ответчик был изготовителем препарата, который, в представлении широких кругов населения, служил также повышению сексуальной потенции. В целях рекламы был распространен плакат с изображением всадника на турнире. Плакат был сделан на основании оригинальной фотографии истца, сделанной одним издательством на турнире. Истец не давал согласия на использование этого портрета. Компенсацию за причиненный нематериальный вред повысило то, что истец вообще не был готов участвовать в какой-либо рекламе, тем более препарата, действующего как средство, повышающее сексуальную

[1] Там же. S.257.
[2] Там же.
[3]Там же. S. 262.

потенцию. Учитывалось также общественное положение истца и его хорошее имущественное положение. То, что он вращался в кругу, члены которого в большинстве своем знали друг друга, суд расценил как особую опасность для истца стать посмешищем. Присуждена компенсация за страдания в размере 10 тыс. нем. марок. .Дело № 7[1].

Истица была телевизионным диктором на станции «Свободный Берлин». В серии иллюстрированных еженедельных обозрений, издаваемых первым ответчиком, освещалась работа телевизионных дикторов. Автор сообщений, второй ответчик, особенно отрицательно отзывался об истице. Например, критикуя ее, утверждал, что «она годится во второсортный балаган на Рипербане» и пр. Кроме того, делались намеки на связь истицы с директором программы и сообщалось, что истица живет в «не особенно аристократическом районе». В описательной форме делались утверждения о наличии лесбиянских наклонностей у истицы. Суд счел нарушение прав истицы ввиду унижения достоинства и значительного вмешательства в личную сферу весьма значительным, учитывая также широкий диапазон распространения журнала. Присуждена компенсация в размере 10 тыс. нем. марок.

Дело № 8[2].

Истица, незамужняя школьница, которой к моменту родов исполнилось 18 лет, предъявила иск к ответчице-врачу, которая после введения истице противозачаточной спирали так поздно выявила наличие у нее беременности, что аборт был уже невозможен. Беременность и роды протекали с осложнениями, было сделано кесарево сечение. Упущение ответчицы заключалось в непроведении надлежащего обследования, что повлекло причинение вреда здоровью, физическим и нравственным страданиям истицы. Суд не счел, что рождение незапланированного ребенка само по себе представляет собой причинение вреда. Нарушение личного неимущественного права истицы суд усмотрел в том, что ответчица нарушила право истицы на распоряжение своим телом. Присуждена компенсация в размере 10 тыс. нем. марок. _Делр № 9[3].

Иск предъявлен бывшим руководителем городского управления по делам иностранцев. Издательство (ответчик) поместило сообщение об истце в печатном издании с указанием его фамилии, должности, места работы. В сообщении утверждалось, что истец, злоупотребляя служебным положением, выдавал виды на жительство за деньги. Прокурор предъявил истцу обвинение, которое не было поддержано судом ввиду отсутствия доказательств. Суд счел издательство ответственным за нарушение презумпции невиновности как общего права истца. Присуждена компенсация в размере 10 тыс. нем. марок.

[1] Там же.

[2] Там же. S. 263.

[3] Там же.

Дело№ 10[1].

Иск был предъявлен адвокатом к редакции газеты, распространяющей сообщение, где утверждалось, что истец инспирировал дачу свидетелями заведомо ложных показаний. Имя истца не упоминалось, но в узком кругу знакомых его могли определить. Нарушение личного неимущественного права истца суд признал значительным. Особое значение имело широкое распространение сообщения там, где находился центр жизненных интересов и сфера профессиональной деятельности истца; кроме того, при оценке размера компенсации учитывалось, что ответчик действовал с заранее обдуманным намерением причинить вред. Присуждена компенсация в размере 10 тыс. нем. марок.

Дело№ II[2].

Истец предъявил иск к ответчику — дантисту — в связи с тем, что тот, вопреки его волеизъявлению, произвел удаление его зубного корня. Суд расценил эти неправомерные действия дантиста как нарушение права на свободу волеизъявления, а также как незаконное посягательство на физическую неприкосновенность истца и взыскал с ответчика в качестве компенсации нематериального вреда 4 тыс. нем. марок.

_Дело№ 12[3]..

Иск был предъявлен в связи с опубликованием интимной фотографии в многотиражной еженедельной газете. Истец — мужчина, манекенщик и фотомодель по профессии, — в свое время разрешил сфотографировать себя вместе со своим сыном, женщиной-фотомоделью и маленькой девочкой обнаженными для целей опубликования фотографии в школьном учебнике по биологии. Спустя 7 лет эта фотография без разрешения истца была опубликована в газете в качестве иллюстрации к репортажу о сексуальных развлечениях в Баварии. Истец предъявил требование о компенсации за нематериальный вред к издателю газеты. Ответчик просил суд отказать в иске, ссылаясь на то, что истец дал согласие на публикацию фотографии. Суд не согласился с доводами ответчика, указав, что данное истцом согласие на опубликование фотографии в школьном учебнике не равнозначно и не может заменить собой согласия на опубликование той же фотографии в газете; кроме того, однократно данное согласие нельзя считать согласием, данным на неопределенный срок. С ответчика взыскана компенсация за неимущественный вред в размере 5 тыс. нем. марок.

Дело № *1У*

Истица предъявила иск в связи с последствиями публикации в рекламном издании ложного объявления следующего содержания: «М., пылкая чешка, охотно побалуется с вами», далее следовал номер теле-

[1] Там же.
[2] Там же. S. 259.
[3] Там же.
[4] Там же.

фона, название улицы и города. В том, что на истицу таким образом было навлечено подозрение в занятии проституцией, суд усмотрел оскорбление и подрыв репутации. Кроме того, незаконная публикация повлекла последующее вмешательство в частную жизнь, так как истица при каждом телефонном звонке ожидала услышать очередное непристойное предложение. При определении размера компенсации (5 тыс. нем. марок) были приняты во внимание оскорбление и подрыв репутации. Судом учитывалось, что определенное удовлетворение истица уже получила в связи с наложением на ответчика штрафа в размере 3 тыс. нем. марок.

Дело № 14[1].

Иск был предъявлен в связи с опубликованием оскорбительного сообщения в прессе. Единственная дочь истца полюбила британского солдата, но отец запретил ей общаться с ним. Без ведома истца молодые люди уехали в Лондон, чтобы затем переехать в Шотландию и там пожениться. Истец обратился за розыском дочери в международную полицию, чьи усилия по розыску оказались безрезультатными. В итоге истец через проживающих в Великобритании родственников принял предложение одного шотландского репортера об оказании помощи в поиске дочери. Репортер обещал отыскать ее местонахождение при условии, что ему будет позволено опубликовать сообщение о случившемся вместе с фотографией дочери. Репортер обнаружил местонахождение дочери и сообщил эти сведения британским родственникам истца, они стали уговаривать дочь истца вернуться домой. В издаваемой ответчиком газете были опубликованы перепечатки из шотландской газеты, в одной из которых под фотографией дочери было с указанием ее имени напечатано неполное и одностороннее сообщение о происшедшем. В другой перепечатке под фотографией сообщалось, что отец отпустил дочь «поохотиться» и что он ее «по голове не погладит». Далее сообщалось о падении дочери с крыши, в результате чего складывалось впечатление об истце как о жестокосердном и невнимательном отце, доведшем свою дочь до беды. Истцу ложно приписывалось, что он отверг молодого человека исключительно из социальных и хозяйственных соображений, поскольку тот происходил из бедной семьи. Жена истца не предоставляла немецкому репотеру никаких сведений, а, напротив, категорически запретила публиковать какие-либо сведения о происшедшем и упоминать в связи с этим чьи-либо имена. Суд счел, что на размер компенсации причиненного истцу вреда не влияет то обстоятельство, что он предоставил шотландской газете информацию о происшедшем, поскольку сделал это в состоянии крайней необходимости и имел все основания ожидать, что сообщение шотландской газеты не окажется известным на его родине. С ответчика взыскана компенсация нематериального вреда в размере 7500 нем. марок.

[1] Там же. S. 260.

Дело№ 15[1]

[1]Истец, профессор кафедры международного и церковного права юридического факультета, побывав в Корее, привез оттуда женьшеневый корень и передал его для исследовательских целей своему другу, профессору фармакологии. Ответчики упомянули истца в рекламном проспекте распространяемого ими женьшеневого укрепляющего средства, ссылаясь на истца как на ученого, который также признал большую ценность этого средства. Женьшеневый препарат рекламировался как средство, усиливающее потенцию. Суд усмотрел в абсолютно беспочвенной ссылке на исследования истца нарушение его личных неимущественных прав, повлекшее выставление его в обществе в смешном виде и умаляющее его научную и профессиональную репутацию. То, что имя истца было использовано в рекламе препарата, в числе прочего как средства, укрепляющего потенцию, следует рассматривать как нанесение ему чувствительной обиды. Поведение ответчиков было противоправным, поскольку для использования имени истца им необходимо было получить его согласие. Для оценки размера компенсации в данном случае принималась во внимание широта распространения рекламы, и особую тяжесть для истца представляло осознание того факта, что упоминание в спорной рекламе его имени обеспечивало успех дальнейшего распространения препарата. Суд апелляционной инстанции обратил внимание в пользу истца на то обстоятельство, что его имя в рекламе не особенно бросалось в глаза и при беглом прочтении не слишком запечатлевалось в памяти. Окончательный размер компенсации нематериального вреда составил 8 тыс. нем. марок.

Как можно видеть из проведенного обзора, при рассмотрении требований о компенсации морального вреда суды устанавливают, какое именно неимущественное право истца было нарушено; было ли это нарушение значительным; наличие и вид вины ответчика (умысел или неосторожность); иные существенные обстоятельства, в зависимости от характера правонарушения (например, широта распространения порочащих сведений). Обращают на себя внимание разумные размеры присуждаемой компенсации и их умеренный разброс (в основном от 1 тыс. до 10 тыс. нем. марок).

[1] Там же. S. 261.

Раздел 3 Компенсация морального вреда в России

Глава 1 История возникновения института морального вреда

Вопрос о моральном вреде длительное время являлся предметом научных правоведческих дискуссий, причем основной центр тяжести этих дискуссий сводился к вопросу о допустимости возмещения морального вреда в денежной форме. Гражданское законодательство дореволюционной России не содержало общих норм, предусматривающих компенсацию морального вреда как способ защиты гражданских прав. Компенсация за личное оскорбление могла быть взыскана в порядке гражданского судопроизводства только в случае, если она косвенно отражалась на имущественных интересах потерпевшего. Однако в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве присутствовал относительный аналог этого правового института. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич[1], «закон наш, рядом с уголовным удовлетворением, предоставляет на выбор потерпевшему право требовать в свою пользу платежа пени, являющейся остатком того времени, когда все наказания носили частный характер. Размер пени или так называемого бесчестия, смотря по состоянию или званию обиженного и по особым отношениям обидчика к обиженному, не превышает 50 рублей». Дореволюционные российские правоведы, как правило, рассматривали в основном личную обиду как возможное основание для предъявления требования о выплате денежной компенсации, понимая под обидой действие, наносящее ущерб чести и достоинству человека, и в большинстве своем считали предъявление такого требования недопустимым. Видимо, в этом сказывался аристократический, «рыцарский» менталитет, свойственный российскому дворянству — сословию, из среды которого, как правило, пополнялся корпус дореволюционных российских юристов. Доминирующий подход к этому вопросу выразил Г.Ф. Шершеневич:

«Личное оскорбление не допускает никакой имущественной оценки, потому что оно причиняет нравственный, а не имущественный вред, если только оно не отражается косвенно на материальных интересах, напри-

[1] **Шершеневич Г.Ф.** Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Фирма «СПАРК»,1995. С. 402.

мер, на кредите оскорбленного (т. X, ч. 1, ст. 670)... Разве какой-нибудь порядочный человек позволит себе воспользоваться ст. 670 для того, чтобы ценой собственного достоинства получить мнимое возмещение? Разве закон этот не стоит препятствием на пути укрепления в каждом человеке уважения к личности, поддерживая в малосостоятельных лицах, например лакеях при ресторанах, надежду «сорвать» некоторую сумму денег за поступки богатого купчика, которые должны были бы возбудить оскорбление нравственных чувств и заставить испытать именно нравственный вред. Отмена такого закона была бы крупным шагом вперед»[1]. Иными словами, для российского дворянина было естественно отреагировать на оскорбление вызовом «к барьеру», чем требованием о выплате денежной компенсации, — подобный образ действий и мышления был допустим лишь для «подлого» сословия.

После революции 1917 г. менталитет российского общества существенно изменился, но это не изменило отрицательное (хотя уже и по другим основаниям) отношение к возмещению в денежной форме морального вреда. Преобладающим оказалось мнение о недопустимости такого возмещения, в связи с чем гражданское законодательство послереволюционной России до 1990 г. не предусматривало понятия морального вреда и, соответственно, возможности его возмещения. Судебная практика, в соответствии с господствующей доктриной, отличалась стабильностью в этом вопросе, и суды неизменно отказывали в изредка предъявлявшихся исках о возмещении морального вреда в денежной форме. Сущность указанной теории заключалось в том, что этот институт рассматривался как классово чуждый социалистическому правосознанию[2]. Она была основана, в частности, на демагогических утверждениях о невозможности измерять достоинство советского человека в презренном металле. Хотя подобных предложений никто и не делал, так как идея сторонников возмещения морального вреда состояла не в измерении личных неимущественных прав в деньгах, а в обязании правонарушителя к совершению действий имущественного характера, направленных на сглаживание остроты переживаний, вызванных правонарушением. Деньги рассматривались не в качестве эквивалента перенесенных страданий, а в качестве источника положительных эмоций, способных полностью или частично погасить негативные последствия, причиненные психике человека в результате нарушения его прав.

Позитивные взгляды на эту проблему, высказываемые в основном до начала 30-х гг. (например, Брауде И.[3], Утевский Б.[4]), не имели воздей-

[1] Там же.

[2] **Зейц А.** Возмещение морального вреда по советскому праву//Еженедельник советской юстиции, 1927, № 47. С. 1465.

[3] **Брауде И.** Возмещение неимущественного вреда//Революционная законность, 1926, № 9. С. 12.

[4] **Утевский Б.** Возмещение неимущественного вреда как мера" социальной защи-ты//Еженедельник советской юстиции, 1927, № 35. С. 1083.

ствия на законодательство и судебную практику. После «полной победы социализма в СССР» эти дискуссии как-то сами собой прекратились, и в дальнейшем, в результате соответствующей пропаганды, в общественном правосознании представления о недопустимости оценки и возмещения морального вреда в имущественной форме укоренились настолько, что появлявшиеся в печати сообщения о случаях присуждения имущественных компенсаций за причинение физических или нравственных страданий (преподносившиеся в достаточно гротескном виде) воспринимались скорее как курьезы, чуждые социалистическому правовому регулированию. Это, однако, не препятствовало использованию норм зарубежного законодательства о компенсации морального вреда при предъявлении советскими гражданами исков к иностранным юридическим и физическим лицам.

В шестидесятых годах дискуссии по этому поводу возобновились. Принцип компенсации морального вреда поддерживался в работах Беляковой А.М.[1], Братуся С.Н.[2], Малеина Н.С.[3], Тархова В.А.[4], Шимино-вой М.Я.[5] и других. Признавалась необходимость введения института имущественного возмещения неимущественного вреда, поскольку область гражданско-правового регулирования охватывает не только имущественные, но и личные неимущественные отношения. Высказываемые в поддержку принципа возмещения морального вреда взгляды в немалой степени обосновывались тем, что правовые системы ряда государств (являвшихся в то время социалистическими) предусматривали возмещение морального вреда. Это Польская Народная Республика, Гражданский кодекс которой предусматривает возможность взыскания денежной суммы за нанесенную обиду; Чехословацкая Советская Социалистическая Республика; Венгерская Народная Республика; Германская Демократическая Республика. Как отмечал Малеин Н.С., «и практика СССР шла по пути предъявления исков о возмещении морального вреда в тех случаях, когда, например, повреждение здоровья или причинение смерти советского гражданина произошли в капиталистической стране и дело рассматривалось судом по законодательству места совершения правонарушения («принцип» приносился в жертву во имя получения валюты)»[6].

Более серьезный аргумент против возмещения морального вреда в имущественной форме заключался в невозможности или, по крайней мере, трудности ее объективной оценки. Такая позиция отражала представления о свойственном гражданскому праву принципе эквивалентно-

[1] **Белякова А.М.** Имущественная ответственность за причинение вреда. М.: Юридическая литература, 1979. С. 10.

[2] **Братусь С.Н.** Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 202.

[3] **Малеин Н.С.** Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981. С. 163.

[4] **Тархов В.А.** Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 23.

[5] **Шиминова М.Я.** Компенсация вреда гражданам. М., 1979. С. 51.

[6] **Малеин Н.С.** О моральном вреде. Государство и право, 1993, № 3. С. 33.

го возмещения, не учитывая, что он неприменим при причинении вреда личным неимущественным правам и другим нематериальным благам. Проведение сравнительного анализа соответствия правонарушений и мер ответственности, предусмотренных различными отраслями законодательства, позволяло сделать вывод об относительности и несостоятельности аргументации противников возмещения морального вреда.

Однако до начала 90-х гг. понятие «моральный вред» не было легализовано в российском гражданском праве, что исключало возможность применения гражданско-правовых средств защиты нарушенных прав путем компенсации морального вреда. Лишь 12 июня 1990 г. право на возмещение морального вреда было установлено в Законе СССР о печати и других средствах массовой информации[1], хотя содержание понятия морального вреда в нем не было раскрыто. Ст. 39 этого закона предусматривала, что моральный вред, причиненный гражданину в результате распространения средствами массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда СМИ, а также виновными должностными лицами и гражданами. А также было предусмотрено возмещение морального вреда в денежной форме, в размере, определяемом судом.

И только с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 31 мая 1991 г.[2] (далее — Основы) моральный вред был определен как «физические или нравственные страдания». Российские законодатели внесли нормы о возмещении морального вреда в отдельные законодательные акты. Это: Закон об охране окружающей природной среды от 19 декабря 1991 г.[3], Закон о средствах массовой информации от 27 декабря 1991 г.[4], Закон о защите прав потребителей от 7 февраля 1992 г.[5], Правила возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденные Постановлением ВС РФ от 24 декабря 1992 г.[6], Закон о статусе военнослужащих от 22 января 1993 г.[7] Такая законодательная ситуация порож-

[1] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст.492.
[2] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст.733.
[3] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 10. Ст. 457.
[4] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
[5] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
[6] Российская газета. 1992. 26 янв.
[7] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 6. Ст.188.

дала сомнения в возможности применения системы генерального деликта в отношении возмещения морального вреда. А столь значительное количество нормативных актов, регулирующих отношения по возмещению морального вреда совместно с регулированием различных видов общественных отношений, порождает дополнительные сложности в правоприменительной практике, усугублявшиеся разными сроками принятия и введения в действие указанных нормативных актов.

Введенные в действие в 1995—1996 гг. части первая и вторая Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)[1] имеют несколько иной (по сравнению с предшествующими нормативными актами) подход к институту возмещения морального вреда, что неизбежно приведет к росту противоречий по данному вопросу в судебной практике. Проблема усложняется также довольно громоздкой системой конкуренции нормативных актов (Основы, новая Общая часть ГК РФ, прежняя редакция ГК, российские законы и подзаконные акты, законодательство СССР). Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 20 декабря 1994 г.[2] рассмотрел некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда. Оно содействовало установлению единообразия в вопросе конкуренции нормативных актов при применении законодательства о возмещении морального вреда, однако существенных указаний о размере компенсации морального вреда не содержало. Более того, в нем содержится явно неверное, как представляется, суждение о возможности компенсации морального вреда юридическому лицу. Мнение о неверности этого суждения разделяют также ряд других авторов[3].

Приходится с сожалением отметить, что с принятием нового Гражданского кодекса РФ сделан шаг назад по сравнению с Основами в развитии этого важного института российского законодательства, так как ГК РФ существенно сузил область применения института компенсации морального вреда по сравнению с Основами; вряд ли можно считать это положительным признаком в процессе становления правового государства. Достаточно вспомнить одиозную ситуацию с п. 3 ст. 30 Закона РСФСР «О собственности»[4], принятого спустя полгода после принятия Декларации о государственном суверенитете России. Этой нормой устанавливалось право собственника требовать от государства возмещения ущерба, причиненного преступлением, с последующим взысканием государством этих средств с причинителя вреда. Этим Россия признавала ответственность за состояние правопорядка в обществе, особенно если учесть, что подобная норма отсутствовала в Законе СССР «О собственности». Более того, российский Закон не указывал на какой-либо определенный вид ущерба от

[1] Собрание законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3301.
[2] Российская газета. 1995. 8 февр.
[3] Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой/Отв. ред. О.Н. Садиков. М.: Юринформцентр, 1995. С. 33.
[4] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

преступления, подлежащий возмещению государством, так что можно было предполагать возмещение и морального вреда, причиненного собственнику преступлением, с момента вступления в силу Основ на территории России. Российские граждане после введения в действие 1 декабря 1991 г. Закона РСФСР *«О* собственности» долго не предпринимали попыток воспользоваться преимуществами, которые предоставлял п. 3 ст. 30 Закона, тем более что редакция этой нормы нуждалась в разработке подзаконного акта, разъясняющего порядок ее применения, что не замедлило проявиться в первых же судебных процессах, связанных с применением этой нормы. Правоведы уже готовились к научным дискуссиям по этому вопросу, когда проблема разрешилась самым неожиданным образом:

Закон РФ от 14 мая 1993 г. о республиканском бюджете на 1993 г. приостанавливал действие п. 3 ст. 30, Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. продлевал приостановление действия этого пункта на 1994 г., а Федеральный закон о федеральном бюджете на 1994 г. подтверждал это продление, и, наконец, Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. о введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ отменял Закон РСФСР «О собственности» полностью, не оставив следа, разумеется, и от п. 3 ст. 30. Интересно, что этим же Федеральным законом признан утратившим силу Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», кроме ст. 34 и 35. Однако в п. 3 ст. 30 Закона о собственности законодатель подобной же заботливости не проявил, нарушив тем самым сформулированную в ст. 52 Конституции РФ гарантию: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

Заслуживающим внимания моментом в развитии института морального вреда является его появление в уголовном законодательстве, в связи с введением в ст. 128.1. УК РСФСР «Разглашение сведений, составляющих врачебную тайну»[1] в качестве квалифицирующего признака причинение значительного морального вреда. В ст. 61 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г.[2] в качестве одного из обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотрено добровольное возмещение морального вреда, причиненного в результате преступления. Понятие «моральный вред» введено и в ст. 30 Семейкого кодекса РФ, вступившего в силу 27 января 1996 г.[3], а также в ст. 213 КЗОТ РФ.

[1] Российская газета. 1994. 21 дек.
[2] Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
[1]Там же. 1996. № 1. Ст. 16.

Глава 2 Право на компенсацию морального вреда

При различных обстоятельствах человек претерпевает страдания, в том числе и в результате неправомерных действий других лиц, но это не означает, что во всех случаях он приобретает право на компенсацию морального вреда. Оно возникает при наличии предусмотренных законом условий, или оснований ответственности, за причинение морального вреда.

Обязательство по компенсации морального вреда в общем случае возникает при наличии одновременно следующих условий:

1. Претерпевание морального вреда.
2. Неправомерное действие причинителя вреда.
3. Причинная связь между неправомерным действием и моральным вредом.
4. Вина причинителя вреда.

Рассмотрим более подробно каждое из этих условий. Первым является **наличие морального вреда,** то есть негативных изменений в психической сфере человека, выражающихся в претерпевании последним физических и нравственных страданий.

Одной из важнейших особенностей морального вреда является то, что сами негативные изменения происходят в сознании потерпевшего и форма, в которой они выражаются вовне (если они вообще находят доступное внешнему восприятию выражение), имеет сильную зависимость от особенностей психики субъекта. Например, слезотечение является одной из наиболее распространенных реакций на причинение боли, состояние горя, но факт слезотечения может явиться только косвенным доказательством самого факта причинения морального вреда, но не размера такого вреда. Законодатель обоснованно устанавливает только неправомерные действия в качестве условия ответственности за причинение морального вреда. Должен действовать принцип «презумпции морального вреда», содержание которого можно сформулировать следующим образом: «Любое физическое лицо, в отношении которого совершено неправомерное деяние (действие или бездействие), признается претерпевшим моральный вред, если совершивший деяние не докажет обратное». Это существенно упрощает позицию потерпевшего. В то же время совершивший деяние может опровергнуть эту презумпцию. Например, клеветник вправе ссылаться на неспособность потерпевшего осознавать позорящий характер распространяемых о нем сведений (допустим, вследствие слабоумия) и, доказав это обстоятельство, будет освобожден от ответственности за причинение морального вреда.

Специфика дел о клевете в аспекте возмещения морального вреда (так же как и дел о защите чести и достоинства) заключается в том, что порочащий характер распространяемых сведений является обязательным элементом состава правонарушения, и в то же время именно это обязывает

презюмировать наличие у потерпевшего морального вреда, причиненного их распространением.Следует заметить, что презумпция морального вреда прямо не следует из российского законодательства. Скорее наоборот, так как гражданское процессуальное законодательство в ч.1 ст. 50 ГПК РСФСР предусматривает: каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Поскольку для доказывания факта причинения вреда (в отличие от доказывания вины) гражданское законодательство не устанавливает каких-либо особых правил, принцип ст. 50 ГПК должен применяться в полном объеме. Таким образом, в соответствии с российским законодательством потерпевший должен был бы доказать факт причинения ему морального вреда для вынесения судом решения о возмещении в его пользу. Обзор практики российских судов показывает, что они фактически применяют презумпцию морального вреда, установив факт совершения неправомерного действия, предполагают моральный вред причиненным, рассматривая далее вопрос о размере его компенсации в денежной форме. Несмотря на изложенное выше, такая практика даже при сегодняшнем состоянии гражданского законодательства не может быть признана не имеющей законных оснований. В соответствии со ст. 49 ГПК средствами доказывания в гражданском процессе являются: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, заключения эксперта. Объяснение истца о том, что он претерпел физические или нравственные страдания, является прямым доказательством факта причинения морального вреда. Причем прямых доказательств противоположного ответчик представить не может. Показания свидетелей могут являться лишь косвенными доказательствами причинения морального вреда (например, свидетель видел, как потерпевший плакал, слышал, как потерпевший стонал и т. п.). Заключения эксперта также могут являться косвенными доказательствами причинения морального вреда. Такая практика уже применяется российскими судами. Например, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе ответчика по иску о возмещении морального вреда, оставила решение в силе, указав следующее[1]:

«...суммы в возмещение морального вреда суд взыскал правильно. Определяя размер морального вреда, суд обоснованно учел конкретные обстоятельства по делу, что истец длительное время (более года) добивался от ответчика выполнения работ по ремонту телевизора, неоднократно обращался по вопросу ремонта телевизора к работникам завода и за помощью к другим организациям, более года Б. и его семья не могли пользоваться телевизором по вине ответчика. Суд также учел, что работники предприятия допустили неуважительное обращение к истцу. Такого рода поведение лиц, обслуживающих население, стало причиной нравственных стра-

[1] Бюллетень Верховного суда РФ. 1993. № 11. С.7—8.

даний Б. Этот вывод суда мотивирован и подтвержден имеющимися в деле доказательствами, в том числе заключением **эксперта-психолога,** которым суд дал надлежащую оценку...» В данном случае в решении указан вид морального вреда, причиненного потерпевшему, имеется ссылка на доказательства, подтверждающие факт причинения морального вреда.

Анализ судебных решений показывает, что суды фактически применяют презумпцию морального вреда, и этот подход представляется правильным. Однако следовало бы закрепить это законодательно. В настоящее время суды должны руководствоваться при рассмотрении дел, связанных с компенсацией морального вреда, Постановлением Пленума Верховного Суда № 10 от 20 декабря 1994 г. «Суду необходимо также выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя вреда, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора». Здесь суд определил предмет доказывания по спорам, связанным с компенсацией морального вреда.

Рассмотрим второе условие ответственности за причинение морального вреда — **противоправность.** Противоправность деяний заключается в их противоречии нормам объективного права. Учитывая недостаточную юридическую грамотность населения, можно предположить, что во многих случаях правонарушитель избегает ответственности за причинение морального вреда только потому, что потерпевший не в состоянии квалифицировать происшедшее как правонарушение и не предъявляет соответствующий иск. Например, далеко не всегда пресекаются незаконные действия административных органов, связанные с отказом в предоставлении информации, которую, согласно закону, они обязаны предоставлять любому заинтересованному лицу. Так, например, согласно п. 2 ст. 24 Конституции РФ, «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

Необходимым признаком действий, совершение которых порождает право потерпевшего на компенсацию морального вреда, является нарушение ими неимущественных прав и благ гражданина. Поскольку такие права и блага не отчуждаемы и не передаваемы иным способом, они не могут являться предметом сделок, в связи с чем обязательства из причинения морального вреда в большинстве случаев возникают при отсутствии между сторонами гражданско-правовых договорных отношений. Между тем возможны случаи, когда и при наличии таких отношений возникает право на компенсацию морального вреда — например, если в процессе исполнения авторского договора об издании произведения издатель на-

рушает личные неимущественные права автора (право автора на имя или на неприкосновенность произведения). В период действия Основ институт возмещения морального вреда, согласно ст. 131 Основ, рассматривался как применяемый в случае возникновения обязательств из деликта. В новом ГК РФ законодатель, поместив ст. 151 в раздел I «Общие положения», переместил акцент на вид нарушаемых неправомерным действием прав, установив тем самым принцип неограниченной (т. е. не требующей специального установления в нормативных актах) защиты личных неимущественных прав и благ путем компенсации морального вреда и ограниченной (в вышеуказанном смысле) защиты этим способом имущественных прав.

Если неправомерное действие нарушает имущественные права гражданина, то, хотя бы такое действие и причинило моральный вред, право на его компенсацию возникает только в случаях, специально предусмотренных законом. Единственным примером такого закона в российском законодательстве является Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г., где в ст. 13 указывается, что моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) его прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, подлежит возмещению причинителем вреда при наличии его вины. Таким образом, при нарушении имущественных прав гражданина моральный вред возмещению в настоящее время не подлежит, за исключением отношений, регулируемых Законом РФ «О защите прав потребителей».

Дискуссионным долгое время являлся вопрос о возможности компенсации морального вреда при нарушении трудовых прав граждан. В большинстве случаев судебных отказов в компенсации морального вреда, причиненного незаконным увольнением, незаконным применением дисциплинарного взыскания, незаконным переводом на другую работу и т. п., в качестве мотива отказа суды ссылались на отсутствие в Кодексе законов о труде РФ (КЗОТ) норм, предусматривающих возможность компенсации морального вреда. Подобная позиция не имела законных оснований ни в период действия Основ гражданского законодательства, ни в настоящее время — в период действия ГК РФ. Незаконность этой позиции в период действия Основ следовала из ее противоречия п. 3 ст. 1 Основ, предусматривавшей применение норм гражданского права к трудовым отношениям в случаях, когда эти отношения не урегулированы трудовым законодательством. Действующий ГК РФ безусловно допускает применение компенсации морального вреда в случаях нарушения личных неимущественных прав работника, что вытекает как из содержания ст. 151, так и п. 2 ст. 2 ГК РФ, где установлено, что неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага (следовательно, и право на труд, которое нарушается при незаконном увольнении, и право на хорошую репутацию и доброе имя работника, которое нарушается при незаконном применении дисциплинарного взыскания и т. п.) защищаются граждан

ским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. В настоящее время суды в подавляющем большинстве случаев присуждают компенсацию морального вреда при рассмотрении дел о нарушении работодателями личных неимущественных прав работников. Возможность компенсации морального вреда при нарушении трудовых прав прямо предусмотрена в новой редакции ст. 213 КЗОТ РФ от 20 марта 1997 г. Более подробно проблемы компенсации морального вреда при нарушении трудовых прав будут рассмотрены в гл. 2 разд. 4.

Третье условие ответственности за причинение морального вреда — **причинная связь** между противоправным действием и моральным вредом. Противоправное действие должно быть необходимым условием наступления негативных последствий в виде физических или нравственных страданий. Таким образом, содержание причинной связи заключается в том, что совершенное неправомерное деяние должно быть главной причиной, влекущей причинение морального вреда. Наличие причинной связи не всегда легко установить. Так, в случае возмещения морального вреда, причиненного повреждением здоровья в виде специфического заболевания, вызванного неблагоприятным воздействием окружающей среды, требуется прежде всего установить наличие причинной связи между заболеванием и неблагоприятным воздействием. Для этого, как отмечалось в литературе, «необходимо решить следующие частные проблемы: установить вредное вещество, вызвавшее заболевание или иное расстройство здоровья, и медицинские аспекты его действия; определить возможные пути и момент проникновения его в организм; определить принадлежность этого вещества какому-то источнику эмиссии»[1].

Ответственность за причинение морального вреда в общем случае возникает при наличии **вины причинителя вреда** — это четвертое условие. Вина, т. е. психическое отношение причинителя вреда к своим противоправным действиям и их последствиям, может проявляться в форме умысла и неосторожности. Под умыслом понимается предвидение вредных последствий противоправного поведения и желания (прямой умысел) или сознательное допущение их наступления (косвенный умысел). Следует заметить, что правильное определение вида умысла является существенным для определения размера компенсации за причиненный моральный вред. Что касается неосторожности, она может выражаться в виде самонадеянности или небрежности. Различие между этими видами неосторожности заключается в следующем: в случае самонадеянности правонарушитель предвидит возможные вредные последствия своего противоправного поведения, но легкомысленно рассчитывает их предотвратить, в то же время в случае небрежности он не предвидит этих последствий, хотя должен и может их предвидеть. Хотя гражданское законодательство не подразделяет неосторожность на ее виды, оно предусматривает наступление

[1] **Васильева М.** Возмещение вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием природной среды//Законность. 1997. № 7. С. 30.

разных правовых последствий в зависимости от формы неосторожности — простой или грубой неосторожности.

Законодательство не всегда определяет вину в качестве необходимого условия ответственности за причинение морального вреда. Статья 1100 ПС РФ устанавливает, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; в иных случаях, предусмотренных законом. Владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный третьим лицам в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т. п.). Вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, возмещается на общих основаниях (п. 3 ст. 1079 ГК РФ). Из этого следует, что выплата компенсации морального вреда пострадавшему владельцу источника повышенной опасности может быть возложена только на другого виновного владельца повышенной опасности. Следует иметь в виду, что под источником повышенной опасности понимается деятельность граждан и юридических лиц, связанная с повышенной опасностью для окружающих: использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.;

осуществление строительной и иной связанной с нею деятельности и др.

В отношении оснований ответственности за причинение морального вреда особый интерес представляет применение п. 1 ст. 1070 ГК РФ, т. е. компенсация морального вреда, причиненного незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. Относительно аналогичной нормы Основ (п. 2 ст. 127) гражданского законодательства высказывались суждения[1], охотно поддерживаемые судебной практикой, что действовавшее ранее законодательство не давало оснований для возмещения морального вреда, причиненного этими действиями. Мотивировались такие суждения следующим образом: п. 2 ст. 127 — специальная норма, она отсылает к Положению о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (далее — Положение), утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. (ино-

[1] Архивы Тушинского райнарсуда г. Москвы.

го подзаконного акта по этому вопросу не существует), которое не предусматривает возмещения морального вреда, следовательно, ст. 131 Основ о возмещении морального вреда в этом случае не может быть применена. Анализ этой проблемы позволяет сделать вывод о неверности таких суждений, что будет рассматриваться ниже.

Действительно ли в период действия Основ не было законных оснований для компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов? Этот вопрос весьма актуален и сегодня, так как от его решения в значительной степени зависят требования о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов в период действия Основ. Согласно п. 2 ст. 127 Основ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, подлежал возмещению независимо от вины должностных лиц соответствующих органов в порядке, установленном законодательными актами. Заметим, что ст. 127 не требовала «специального порядка» или «порядка, специально установленного законодательством», а только того, который установлен законодательными актами. Однако именно требование о соблюдении установленного порядка и составляло основу критикуемых автором суждений.

Начнем с того, что п. 1 Положения предусматривает возмещение имущественного ущерба, восстановление различных прав и возмещение иного ущерба, хотя последующие пункты Положения устанавливают порядок возмещения только имущественного ущерба и восстановление прав. Пункт 1 Положения в части возмещения иного, то есть неимущественного ущерба, имел резервный характер, так как существовавшее законодательство на момент утверждения Положения не предусматривало возможность возмещения морального вреда. Таким образом, само Положение содержало указание на потенциальную возможность такого возмещения.

Далее, рассмотрим, что представляет собой порядок возмещения имущественного ущерба, установленный Положением:

а) возмещение производится из средств госбюджета (п. 3);

б) гражданин обращается с требованием о возмещении ущерба в соответствующие органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры или в суд, которые в месячный срок определяют размер ущерба, о чем выносят постановление (определение).

Порядок возмещения морального вреда в период действия Основ был определен законодательством:

а) возмещение производится государством из средств государственной казны (п. 2 ст. 127, п. 3 ст. 25 Основ);

б) гражданин обращается в суд с требованием (иском) о возмещении морального вреда в соответствии с нормами ГПК РСФСР; суд в установленные

этим же кодексом сроки определяет размер возмещения морального вреда в денежной форме (ст. 131 Основ) и выносит решение (ГПК РСФСР).

Таким образом, требования ст. 127 Основ выполнялись. Может возникнуть вопрос: так как для возмещения морального вреда по п. 2 ст. 127 предполагался общий исковой порядок, для чего же употребляется выражение «в порядке, установленном законодательством»? Можно с уверенностью предположить, что законодатель установил это именно потому, что для возмещения имущественного ущерба Положением предусмотрен несудебный порядок, или судебный, но не в порядке гражданского судопроизводства, а в порядке ст. 369 УПК РСФСР. Для того чтобы сохранить основание для применения Положения в случае возмещения **имущественного** ущерба, необходимо изложить п. 2 ст. 127 Основ в существующей редакции. Таким образом, в случае применения этой нормы моральный вред подлежал возмещению в денежной форме. Этот вывод наиболее полно согласуется со ст. 53 Конституции РФ, предусматривающей право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Какие-либо изъятия для отдельных видов вреда Конституцией РФ не предусмотрены. Однако, как было указано выше, судебная практика придерживалась противоположного взгляда по данному вопросу. Приведем примеры судебных постановлений, отражающих эту проблему:

«Полуситов по постановлению народного судьи Ужурского районного народного суда Красноярского края был привлечен к административной ответственности по ст. 5 Закона СССР «Об ответственности за неуважение к суду» и подвергнут наказанию в виде административного ареста на 5 суток. Административный арест Полуситов отбыл полностью. В соответствии с постановлением председателя Красноярского краевого суда постановление народного судьи отменено и производство по делу об административном нарушении прекращено. Полуситов обратился в суд с иском к управлению юстиции администрации Красноярского края о взыскании в его пользу 5 млн. руб. в возмещение морального вреда, причиненного неправомерным арестом, и опровержении порочащих его честь и достоинство сведений об аресте.

Судебная коллегия по гражданским делам Красноярского краевого суда в иске Полуситову отказала. В кассационной жалобе Полуситов просил об отмене решения, ссылаясь на необоснованный отказ в иске. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ решение суда оставила без изменения, указав следующее.

Суд первой инстанции обоснованно сослался в решении, что в соответствии с п. 2 ст. 127 Основ гражданского законодательства вред, причиненный гражданину в результате незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается государством независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, устанавливаемом законодательными актами.

Законодательным актом — Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину... — не предусмотрено возмещение гражданину морального вреда в случае незаконного наложения административного взыскания в виде ареста. Поэтому судом сделан обоснованный вывод об отказе в этой части исковых требований. Положения ст. 131 Основ гражданского законодательства к данному случаю неприменимы»[1].

Вывод суда очевидно неправомерен. Разве не являются ст. 131 Основ в совокупности с гражданским процессуальным законодательством актами, регулирующими порядок возмещения морального вреда, поскольку Положением порядок возмещения этого вида вреда не предусмотрен?

Пример другого решения Верховного Суда РФ по данному вопросу:

«Степановская обратилась в Астраханский областной суд с иском к Астраханской областной прокуратуре и Управлению финансов Астраханской области о возмещении морального вреда, сославшись на то, что необоснованно привлекалась к уголовной ответственности по ст. 15, ч. 1 ст. 93 и ст. 175 УК. Приговором суда она оправдана.

Решением суда в иске отказано. В кассационной жалобе истица просила решение суда отменить...

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело, оставила решение без изменения, указав следующее. Принимая решение об отказе в иске, суд исходил из того, что действующим на территории РФ Положением... не предусмотрена возможность возмещения морального вреда в связи с необоснованным привлечением к уголовной ответственности. Такой вывод суда является правомерным.

Согласно п. 2 ст. 127 Основ гражданского законодательства вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, возмещается государством независимо от вины должностных лиц органов дознания, следствия прокуратуры и суда в порядке, установленном законодательными актами.

Таким образом, специальной нормой закона определено, что вред, причиненный указанными выше незаконными действиями прокуратуры, может быть возмещен в порядке и в пределах, предусмотренных законодательством.

В Положении не содержится норм, предусматривающих возможность возмещения морального вреда в связи с незаконными действиями указанных органов.

Общее правило о возмещении морального вреда, содержащееся в ст. 131 Основ... не подлежит применению, если специальной нормой (п. 2 ст. 127 Основ) вопрос об условиях и пределах возмещения вреда разрешен по-иному»[2].

[1] Бюллетень Верховного суда **РФ.** 1995. № 6. С. 2. [2] Бюллетень Верховного суда **РФ.** 1995. № 1. С. 13.

Выводы суда по данному делу полностью совпадают с выводами в первом примере, однако мотивировочная часть изложена более полно, что в еще большей степени раскрывает неправильность этих выводов. Прежде всего, в решении ошибочно указывается: «...специальной нормой ...определено, что вред ...может быть возмещен в порядке и в пределах...», в то время как в п. 2 ст. 127 Основ упоминается только о порядке, но не о пределах возмещения вреда. Видимо, это не случайная ошибка, так как понятие «пределы возмещения вреда» связано с понятием «объем возмещения вреда», и высказывались мнения[1] о том, что возмещение морального вреда входит в общий объем возмещения вреда.

Отметим, что законодатель счел возможным придать этой норме отсылочный характер только в отношении порядка возмещения вреда, но не в отношении пределов, объема или условий (оснований) его возмещения. Положение как один из таких законодательных актов, в соответствии со ст. 127 Основ и ст. 447 ГК РСФСР (в редакции 1987 г.), может быть признано регулирующим лишь порядок возмещения указанных в нем видов вреда, но ни в коем случае не устанавливающим пределы его возмещения. Только ст. 447 ГК РСФСР (в редакции до 1987 г.) могла служить основанием для установления пределов, так как в ней указывалось, что вред возмещается лишь в «случаях и пределах, специально предусмотренных законодательством». После изменения редакции ст. 447 в 1987 г. этого основания уже не существовало. Требования ст. 127 Основ выполняются, если для возмещения вреда в законодательстве установлен какой-либо порядок. Основное определение термина «порядок», согласно словарю русского языка: «Порядок — правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь, последовательность выполнения действий»[2]. Завершая рассмотрение этого вопроса, обратим внимание на то, что занятие судебными органами такой, противоречащей смыслу гражданского законодательства и Конституции РФ позиции в отношении последствий ошибок правоохранительных (в том числе и судебных) органов влекло освобождение государства от имущественной ответственности за их неправомерные действия, нарушающие конституционные права и свободы гражданина — весьма характерный пример совпадения интересов разных ветвей власти.

Однако этот вопрос и сегодня, с позиций нового Гражданского кодекса РФ, может порождать определенные неясности, на которых целесообразно остановиться. Согласно п. 1 ст. 1070 и ст. 1100 ГК РФ, моральный вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения ареста или исправительных работ подлежит компенсации независимо от вины должностных лиц соответ-

[1] **Жуйков В.** Возмещение морального вреда//Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 11. С. 9.

[2] **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 565.

ствующих органов в порядке, установленном законом. В Положении по-прежнему отсутствуют слова «моральный вред» и, соответственно, не указан порядок его компенсации, это может породить разные мнения о возможности компенсации морального вреда в указанных случаях. Вопрос об обязанности государства возместить моральный вред в принципе уже возникнуть не может — ст. 1100 ГК РФ прямо указывает на ее наличие. Между тем вопрос о порядке осуществления гражданином права на компенсацию и исполнения государством своей обязанности остается не вполне ясным. Согласно ст. 1101, размер компенсации морального вреда определяется судом. Далее более подробно будет показано, что действительного размера компенсации морального вреда не существует до тех пор, пока его не определит суд. Во всех иных случаях, даже в случае согласия причинителя вреда с мнением потерпевшего о желаемом размере компенсации будет идти речь лишь о размере компенсации, но не о ее действительном размере в смысле ГК РФ. Таким образом, органы дознания и предварительного следствия не могут определять размер компенсации, поскольку это является прерогативой суда. Определение размера компенсации судом в порядке, установленном ст. 369 УПК РФ, более соответствует требованиям закона, хотя здесь возникает ряд проблем процессуального характера. Разумеется, необходимо приведение указанного Положения в соответствие с ГК РФ, поскольку в существующем виде оно порождает слишком много противоречий.

Так, некоторые авторы[1] считают, что, согласно правилу ст. 2 Указа, не подлежит возмещению ущерб, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора препятствовал установлению истины и тем самым способствовал наступлению ущерба (речь в данном случае идет, как устанавливает п. 3 Инструкции от 2 марта 1982 г. по применению указанного Положения, о самооговоре, не являющемся результатом применения к гражданину насилия, угроз и иных незаконных мер). Такая позиция основывается на ст. 53 Конституции РФ и ст. 1070 ГК, которые не содержат подобных ограничений, а самооговор не снимает ответственности с органа дознания, следователя, прокурора и суда за незаконное привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновного, поскольку на них лежит обязанность принять все предусмотренные законом меры для полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела и не рассматривать признание обвиняемым своей вины в качестве основания обвинения, если оно не подкреплено всей совокупностью имеющихся по делу доказательств (ст. 20, 77 УПК РСФСР). Отмеченная позиция и ее обоснование, если их смысл заключается в недопустимости отказа в возмещении вреда при наличии самооговора, представляются не бесспорными и требуют некоторых комментариев.

[1] Конституция РФ. Комментарий/Под ред. Б.Н. Топорнина. М.,1994. С. 281; Комментарий к ГК РФ (Части второй)/Под ред.О.Н. Садикова. М.,1996. С. 664.

Судебная практика, как следует из Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» от 23 декабря 1988 г.[1], под самооговором понимает заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, которого в действительности он не совершал. В период действия ГК РСФСР в ст. 2 Указа был конкретизирован применительно к данному случаю вытекавший из смысла ст. 458 ГК РСФСР вывод — если умысел потерпевшего содействовал возникновению или увеличению вреда, то в возмещении вреда должно быть отказано (хотя прямо ст. 458 ГК РСФСР устанавливала в качестве основания для уменьшения размера возмещения или отказа в таковом грубую неосторожность потерпевшего). В настоящее время п. 1 ст. 1083 ГК прямо устанавливает, что вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит. Применимо ли это правило к случаю самооговора? Представляется, что применимо, если под вредом понимать тот вред, который возник вследствие самооговора, т. е. самооговор является причиной или одной из причин возникновения или увеличения вреда.

Собственно говоря, если вред возникает вследствие умысла потерпевшего, то его действия являются в этом случае косвенной причиной возникновения вреда, он является одновременно и причинителем этого вреда. Как было отмечено выше, самооговор является неправомерным умышленным действием, препятствующим нормальной деятельности правоохранительных органов по выполнению установленных в ст. 2 УПК РСФСР задач уголовного судопроизводства — быстрому и полному раскрытию преступлений с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности. Показания, содержащие самооговор, имеют в уголовном судопроизводстве не большее, но и не меньшее значение, чем другие виды доказательств. Закон запрещает основывать на признании обвиняемого обвинительное заключение и обвинительный приговор в случае, если оно не подтверждается совокупностью имеющихся по делу доказательств. Эта совокупность формируется в стадии дознания и предварительного следствия и нередко дополняется в стадии судебного следствия. К моменту вынесения обвинительного приговора собранные по делу доказательства не должны оставлять сомнений в виновности подсудимого. Между тем показания, содержащие самооговор, как и любые другие доказательства, требуют проверки и, следовательно, определенного времени. Самооговор может повлечь применение меры

[1] Бюллетень Верховного суда СССР. 1989. № 1. С. 10.

пресечения или увеличение его продолжительности, являясь в этом случае хотя и косвенной, но главной причиной возникшего вследствие применения меры пресечения вреда. Безусловно, вред вообще не будет иметь причинной связи с самооговором в случае, если прямо нарушены требования ст. 77 УПК РСФСР, т. е. признание обвиняемого положено в основу обвинения, не будучи подкреплено совокупностью собранных по делу доказательств.

Таким образом, в случае самооговора в качестве общей нормы следует применять п. 1 ст. 1083 ГК РФ, устанавливающий основания отказа в возмещении вреда или уменьшения его размера, в совокупности с правилами ст. 1070 ГК РФ, и отказывать в возмещении вреда, главной причиной которого является самооговор. В таком подходе нет ограничений права на возмещение вреда, установленного в ст. 53 Конституции РФ, гарантирующей предоставление гражданину возможности осуществления этого права, а условия его осуществления конкретизируются в гражданском законодательстве. Иной подход к этому вопросу заставлял бы предположить противоречие между ст. 53 Конституции РФ и ст. 1069 ГК, поскольку в первой вина не фигурирует в качестве одного из оснований ответственности, в отличие от ст. 1069 ГК РФ, что также можно было бы квалифицировать как ограничение применения ст. 53 Конституции РФ, но наличие общего состава оснований ответственности в ст. 1069 не вызывет сомнений в юридической литературе.

Много проблем, связанных с незаконными действиями правоохранительных органов, возникает и в отношении компенсации морального вреда, причиненного незаконным содержанием обвиняемого под стражей. Рассмотрим одну из них, вызвавшую наиболее острый общественный интерес. 13 июня 1996 г. ознаменовалось весьма значимым для российской правоприменительной практики событием: Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 Уголовно-про-цессуального кодекса РСФСР и принял Постановление № 14-П, в котором признал эту норму не соответствующей Конституции РФ и объявил ее утрачивающей силу по истечении шести месяцев с момента провозглашения Постановления. Одновременно Конституционный Суд предложил Федеральному Собранию РФ в течение этих же шести месяцев решить вопрос об изменении уголовно-процессуального закона в части обеспечения гарантий конституционного права каждого человека на свободу при применении ареста и содержании под стражей в качестве меры пресечения.

Федеральное Собрание не закрепило это предложение принятием каких-либо законодательных актов. Шесть месяцев истекли 13 декабря 1996 г., и 14 декабря с. г. ч. 5 ст. 97 УПК РСФСР утратила силу. Ст. 97 УПК РСФСР устанавливает правила продления сроков содержания обвиняемых под стражей при расследовании преступлений и определяет предельный срок содержания под стражей на этой стадии уголовного процесса — 1 г. 6 мес. Дальнейшее продление срока не допускается, и содержащийся под стражей обвиняемый подлежит немедленному освобождению (ч. 3 ст. 97 УПК).

Невыполнение этого требования противоправно и при определенных условиях может образовывать состав должностного преступления. Часть 5 ст. 97 устанавливала, что время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, которые должны предъявляться им не позднее чем за месяц до истечения предельного срока содержания под стражей, не учитывается при исчислении срока содержания под стражей на стадии дознания и предварительного следствия. Таким образом, действительный срок содержания под стражей мог превысить 1 г. 6 мес., если обвиняемому или его защитнику требовалось более 1 мес. на ознакомление с материалами дела. То есть фактически предельный срок нахождения под стражей зависел не только от истечения определенного времени (1 г. 6 мес.), но и от действий самого обвиняемого и его защитника. Это положение и было признано Конституционным Судом не соответствующим Конституции РФ.

Ряд средств массовой информации заблаговременно обращали внимание на приближение «судного дня» — 14 декабря 1996 г., связывая с ним освобождение значительного количества заключенных, но при этом надеясь, что этого не произойдет, как если бы Конституционный Суд вынес решение «СОДЕРЖАТЬ ПОД СТРАЖЕЙ НЕЛЬЗЯ, ОСВОБОДИТЬ» и требовалось бы разъяснение или указание на то, как это понимать. Но подобная надежда неосновательна (в рамках правового государства). Согласно ст. 79 Закона «О Конституционном Суде РФ», его решение **действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.** Право разъяснения решения принадлежит лишь самому Конституционному Суду и может быть осуществлено им лишь в том случае, если за ним обратятся с соответствующим ходатайством органы и лица, имеющие право обращения в Конституционный Суд РФ. С ходатайством о разъяснении рассматриваемого Постановления, похоже, никто из этих органов и лиц не обратился, что не удивительно, поскольку вердикт Конституционного Суда в отношении ч. 5 ст. 97 УПК РФ достаточно ясен — она утрачивает силу в установленный этим Судом срок. Действительно, в связи с принятием Постановления, как отметил Конституционный Суд РФ, возможны негативные социальные последствия и нарушение баланса интересов правосудия и прав граждан на свободу и личную неприкосновенность (отсюда предоставление шестимесячного срока Федеральному Собранию для корректировки законодательства), но в правовом государстве это — не основание для неисполнения решения Конституционного Суда.

Какие же правовые последствия наступали в связи с упомянутым Постановлением Конституционного Суда РФ? С 14 декабря 1996 г. следователь или прокурор, определяя предельный срок содержания под стражей, должны были руководствоваться лишь календарем, не задаваясь вопросом, что делал обвиняемый в течение 1 г. 6 мес. — закон уже не связывал с этим наступление правовых последствий, касающихся срока содержания под стражей. Ст. 11 УПК РСФСР прямо обязывает прокурора немед

ленно освободить всякого незаконно лишенного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором. Строго говоря, указание на **непосредственное** действие решения Конституционного Суда РФ означает, что с ноля часов 14 декабря 1996 г. у обвиняемого возникает право покинуть место содержания под стражей, и любое лицо, препятствующее осуществлению обвиняемым этого права, совершает правонарушение. Определенные в законе должностные лица (следователь, прокурор) обязаны не только не препятствовать, но и всемерно содействовать немедленному освобождению обвиняемого.

Незаконное содержание под стражей влечет целый комплекс правовых последствий: наступает ответственность должностных лиц, виновных в допущенном нарушении; как отмечалось в юридической литературе, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 313 нового УК РФ (побег из места заключения), самовольное оставление места заключения лицом, незаконно содержащимся под стражей[1]; другие последствия, на которых мы остановимся ниже. Каковы же средства правового реагирования незаконно содержащегося под стражей обвиняемого на допущенное правонарушение? Прежде всего ему следовало подать заявление администрации места содержания под стражей с изъявлением желания в связи с истечением предельного срока содержания под стражей выйти на свободу и требованием не чинить препятствий в исполнении этого желания, сославшись на Постановление Конституционного Суда РФ по этому вопросу. Аналогичное заявление следовало направить и прокурору, требуя от него надлежащего исполнения обязанностей, предусмотренных ст. 11 УПК РФ. Если, несмотря на принятые меры, правонарушение не прекратилось, через администрацию места содержания под стражей надлежало подать в суд в порядке ст. 220.1 УПК РСФСР жалобу на содержание под стражей свыше установленного ст. 97 УПК РСФСР предельного срока. Такая жалоба рассматривается единолично судьей, который по результатам рассмотрения выносит постановление об освобождении из-под стражи или об оставлении жалобы без удовлетворения. Это постановление обжалованию и опротестованию не подлежит.

Поскольку процедура судебного обжалования могла занять до 4-х суток (при условии Точного соблюдения процессуальных сроков вышеуказанными должностными лицами), обвиняемый приобретал бы право на возмещение вреда, причиненного ему в результате незаконного содержания под стражей, причем этот вред подлежал бы возмещению независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070 ГК РФ). Заметим, что для возмещения этого вреда неприменим порядок, предусмотренный Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г., так

Комментарий к УК РФ. М.: Юристь. 1996. С. 733.

как этот порядок установлен только для случаев постановления оправдательного приговора или прекращением уголовного дела за отсутствием события или состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления. В соответствии со ст. 53 Конституции РФ, гарантирующей право на возмещение всякого вреда, причиненного органами государственной власти и их должностными лицами, в рассматриваемом случае применяется порядок, установленный гражданским процессуальным законодательством, т. е. предъявляется иск к Российской Федерации, поскольку вред подлежит возмещению за счет казны РФ.

После официального опубликования 4 января 1997 г. Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в статьи 26, 97, 133 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР»[1] законодательная ситуация в части рассматриваемой проблемы приобрела завершенный характер, что позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего отметим, что вышеупомянутый Закон был принят Госдумой 11 декабря 1996 г. (по крайней мере, так указано в официальном издании), т. е. за два дня до вступления в силу Постановления Конституционного Суда. После этого Закон должен быть передан Совету Федерации РФ для одобрения и, далее, Президенту РФ для подписания и обнародования. Это поставило правоохранительные органы в сложную ситуацию, поскольку с 14 декабря 1996 г. по 4 января 1997 г. включительно (21 сут.) обвиняемые, у которых полуторагодовой срок содержания под стражей истек к 14 декабря 1996 г. или позднее, продолжали, как можно судить по публикациям в печати, незаконно содержаться под стражей. В связи со вступлением в силу Закона, с 5 декабря 1997 г. пребывание этих обвиняемых под стражей оказалось вновь узаконено (но не с обратной силой). Трехнедельный период, когда обвиняемый должен быть освобожден в силу отсутствия закона, дозволяющего содержать его под стражей, истек. В соответствии с новой редакцией ст. 97 УПК РСФСР продление срока содержания под стражей обвиняемого, знакомящегося с материалами дела, производится судом на основании ходатайства следователя. Таким образом были учтены законодателем предложения Конституционного Суда.

Освобождение обвиняемых действительно могло повлечь отрицательные последствия, отмеченные Конституционным Судом. С другой стороны, правоохранительные органы поставили себя выше закона, проявив готовность действовать вопреки закону во имя целесообразности.

Несомненно, нарушение конституционного права на свободу путем незаконного содержания под стражей причиняет по крайней мере нравственные страдания. В соответствии со ст. 151, 1099 ГК РФ при определении размера компенсации следует учитывать индивидуальные особенности потерпевшего (в данном случае — обвиняемого), характер и степень нравственных и физических страданий, другие заслуживающие внимания обстоятельства, требования разумности и справедливости. Под индивиду-

[1] Российская газета. 1997. 4 янв.

альными особенностями потерпевшего, влияющими на размер компенсации, следует понимать возраст, физическое состояние, наличие заболеваний. Иные фактические обстоятельства, которые могут повлиять на повышение размера компенсации, — несоблюдение установленной нормы площади камеры на одного заключенного, ненадлежащие санитарно-гигиенические условия, любые другие нарушения порядка содержания под стражей, увеличивающие степень физических и нравственных страданий, продолжительность срока незаконного содержания под стражей. Определение размера компенсации в связи с этими обстоятельствами будет рассмотрено в гл. 2 разд. 3.

С 1997 г. институт компенсации морального вреда вводится в уголовное законодательство. Действующий с 1 января 1997 г. новый УК РФ (далее — УК) содержит норму, связывающую определенные правовые последствия с возмещением морального вреда — ст. 61 УК «Обстоятельства, смягчающие наказание». Согласно п. 1 упомянутой статьи к числу обстоятельств, смягчающих наказание, относится добровольное возмещение преступником имущественного ущерба и **морального вреда,** причиненных в результате преступления. Поскольку возмещение морального вреда в смысле ст. 61 УК имеет некоторые особенности по сравнению с граждан-ско-правовым институтом компенсации морального вреда, что может вызвать трудности в правоприменительной практике в части правильного установления судами наличия обстоятельств, смягчающих наказание, целесообразно проанализировать эти особенности.

Прежде всего следует отметить, что так же, как и в гражданском праве, содержание понятия «моральный вред» в уголовном праве не отличается от гражданско-правового, т. е. под моральным вредом следует понимать нравственные и физические страдания, перенесенные потерпевшим. В отношении возмещения морального вреда дело обстоит несколько сложнее. Так, поскольку имущественный ущерб поддается точной оценке, то вынести суждение о его полном или частичном возмещении достаточно несложно ввиду возможности осуществления стоимостной оценки как ущерба, так и размера его возмещения, причем такую оценку может сделать сам преступник, добровольно возмещая имущественный ущерб. Страдания (моральный вред) сами по себе не имеют стоимостного эквивалента, и компенсация морального вреда является денежной суммой, предназначенной **сгладить** негативное воздействие на психику потерпевшего, которое вызвали перенесенные страдания, «вознаградить» его за них, причем определение размера компенсации отнесено законодателем к компетенции суда (ст. 151, 1101 Гражданского кодекса РФ, далее — ГК РФ), т. е. размера компенсации морального вреда в точном смысле закона не существует до того момента, пока суд не определил этот размер. Отсюда следует, что преступник, добровольно возмещая моральный вред, не имеет представления о действительном (об определенном судом) размере компенсации (проблемы, связанные с определением действительного размера компенсации, подробно рассматриваются в гл. 4). Возникает во-

прос: имеет ли правовое значение для применения ст. 61 УК действительный размер компенсации морального вреда? По нашему мнению — не имеет. Как следует из смысла этой статьи, возмещение морального вреда законодатель оценивает наряду с такими действиями, как оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, а также иными действиями, **направленными** на загла-живание вреда, причиненного потерпевшему. Для учета в качестве смягчающего обстоятельства, доказывающего деятельное раскаяние преступника, значимым обстоятельством является направленность его действий на заглаживание причиненного вреда, даже если желаемый результат не наступил по независящим от воли преступника обстоятельствам. Поэтому представляется, если по уголовному делу не предъявлен гражданский иск о компенсации морального вреда, определение размера компенсации морального вреда не входит в обязанности суда. Он также не входит в предмет доказывания по уголовному делу, определенный в ст. 68 УПК, в отличие от размера имущественного ущерба. Доказыванию может подлежать сам факт причинения морального вреда, а право потерпевшего на определенный размер компенсации порождается лишь судебным решением при рассмотрении иска о его компенсации. Этим определяется существенное различие, проявляемое в подходе судов к учету в качестве смягчающих наказание обстоятельств добровольного возмещения имущественного ущерба, с одной стороны, и возмещения морального вреда, с другой. В то время как размер причиненного имущественного ущерба входит в предмет доказывания по уголовному делу и полнота устранения вредных последствий имущественного ущерба должна учитываться при определении наказания, в отношении возмещения морального вреда подобный подход неприменим. В отсутствие гражданского иска о компенсации морального вреда суду при установлении смягчающих наказание обстоятельств не следует рассматривать вопрос определения размера компенсации и полноты возмещения морального вреда.

Далее необходимо остановиться на вопросе формы, в которой может быть произведено добровольное возмещение морального вреда. Пункт 1 ст. 1101 ГК РФ, развивая положения ст. 151 ГК, устанавливает, что компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. Однако применительно к добровольному возмещению морального вреда в смысле ст. 61 УК это условие не является обязательным. Такое возмещение может производиться путем передачи имущества, а также совершением любых иных действий, направленных на сглаживание физических и нравственных страданий (например, уход за потерпевшим, травмированным в результате преступления). Как отмечалось выше, важна сама направленность совершаемых действий на сглаживание последствий перенесенных страданий.

Следующим существенным обстоятельством, на которое следует обратить внимание, является соотношение оснований гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда и условий применения

ст. 61 УК. Гражданский иск о компенсации морального вреда может быть удовлетворен только в том случае, если он причинен действиями, нарушающими личные неимущественные права или посягающими на другие нематериальные блага, принадлежащие потерпевшему (примерами преступных деяний такого рода являются клевета, оскорбление, нарушение тайны переписки, изнасилование, незаконное лишение свободы и т. п.). Право на компенсацию морального вреда, причиненного иными действиями, может возникнуть у потерпевшего лишь в случаях, специально предусмотренных законом (единственным примером такого закона в настоящее время является Закон РФ *«О* защите прав потребителей»). В то же время вполне очевидно, что преступление, нарушающее **любые** права потерпевшего, причиняет последнему по крайней мере нравственные страдания, если он способен осознавать происшедшее нарушение его прав. Однако, как следует из изложенного выше, далеко не любое преступление порождает право потерпевшего на компенсацию морального вреда, причиненного этим преступлением. Преступления, объектом которых являются только имущественные права потерпевшего (например, кража, мошенничество), хотя в подавляющем большинстве случаев и причиняют нравственные страдания потерпевшему, не влекут возникновение у него субъективного права на компенсацию морального вреда, а у преступника, соответственно, не возникнет гражданско-правовая обязанность возместить причиненный моральный вред. Таким образом, в некоторых случаях добровольное возмещение причиненного преступлением морального вреда может оказаться исполнением не юридической обязанности, а нравственного долга. Не исключен вопрос: должно ли добровольное возмещение морального вреда учитываться в качестве смягчающего наказание обстоятельства, если потерпевший не имеет субъективного гражданского права на компенсацию морального вреда, и если должно, то каким образом?

По нашему мнению, отсутствие у потерпевшего права на компенсацию морального вреда не может оказывать отрицательное влияние на учет добровольного возмещения морального вреда в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Более того, акцент на добровольность возмещения морального вреда, который делает законодатель, позволяет предположить большую значимость для смягчения наказания добровольного возмещения причиненного морального вреда в случае отсутствия у потерпевшего возможности использования мер государственного принуждения для реализации такого требования. В этом проявляется принцип основной значимости для учета добровольного возмещения вреда в качестве смягчающего наказание обстоятельства субъективной стороны поведения преступника после совершения им преступного деяния. Поэтому существенными обстоятельствами для решения вопроса о смягчении наказания и его степени являются время, прошедшее с момента совершения преступления до совершения действий, свидетельствующих о возникновении у преступника решимости возместить причиненный моральный

вред, а также наличие или отсутствие какого-либо внешнего воздействия на его волю, которое способствовало бы принятию такого решения.

Немало сомнений возникает в вопросе о том, кто вправе требовать компенсации морального вреда — любое лицо (физическое или юридическое) или только гражданин. Эти сомнения появились еще в период действия Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. Основы содержали две статьи, упоминающие о моральном вреде — ст. 7 и ст. 131. Статья 131, расположенная в гл. 19 «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения», устанавливала: «Моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда». Пункт 6 ст. 7 Основ, имеющей название «Защита чести, достоинства и деловой репутации», расположенной в гл. 1 «Основные положения», устанавливал:

«Гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением». Определение морального вреда, содержавшееся в ст. 131 Основ, безусловно предполагало, что субъектом, которому причиняется моральный вред, мог быть только гражданин. Иное понимание заставило бы предположить возможность претерпевания юридическим лицом физических или нравственных страданий, что противоречит самой природе юридического лица как искусственно созданного субъекта права, не способного испытывать эмоции. Однако содержание ст. 7 Основ предрасполагало к дискуссии, т. к. из него можно было предположить, что право требовать возмещения убытков и морального вреда принадлежит как гражданам, так и юридическим лицам. К такому выводу могло привести грамматическое толкование ст. 7 Основ. Логическое же толкование ст. 7 в совокупности со ст. 131 тех же Основ позволяло сделать вывод, что содержание ст. 7 следует понимать следующим образом: гражданину принадлежит право требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных опорочением его чести, достоинства или деловой репутации; юридическому же лицу принадлежит право требовать возмещения убытков, причиненных его деловой репутации. Таким образом, лицо может требовать защиты абсолютного неимущественного субъективного права способом, совместимым с правовым видом этого лица.

Наиболее неудачно были изложены новеллы, регулирующие отношения, возникающие в связи с причинением морального вреда, в проекте Гражданского кодекса РФ, разработанного в исследовательском центре частного права при Президенте РФ и направленного в ряд организаций для выработки замечаний и предложений по нему. Интересна ст. 25 «Нематериальные блага» в этом проекте:

«I. Нематериальные блага, представляющие ценность для человеческой личности,— ее физическая неприкосновенность (жизнь и здоровье), неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство, деловая репутация и т. д.— защищаются гражданским правом в случаях, когда для этого могут быть использованы способы, предусмотренные статьей 170 настоящего Кодекса, а также в случаях, когда закон предусматривает выплату потерпевшему денежной компенсации.

2. Честь, достоинство и деловая репутация юридических лиц защищаются в случаях, предусмотренных статьей 175 настоящего Кодекса».

В ст. 170 проекта указывалось, что «Защита гражданских прав осуществляется путем... компенсации морального вреда... иными способами, предусмотренными законом»; а в ст. 174 предусматривалось, что «Обязанность имущественной компенсации морального вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу, может быть возложена на причини-теля такого вреда в случаях, предусмотренных законом»; п. 6 ст. 175 устанавливал: «Гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением».

В отличие от Основ проект не давал определения морального вреда, что могло повлечь за собой трудности в правоприменительной практике. В проекте понятие «моральный вред» уже явно применялось и к юридическому лицу, маловероятно, что по замыслу разработчиков проекта это понятие совпадало для юридических и физических лиц. Проект существенно снижал правовую защищенность граждан, ограничивая возможность имущественной компенсации морального вреда случаями, предусмотренными законом. Наконец, неоправданным представляется введение понятий «честь и достоинство» для юридических лиц, поскольку для них это полностью охватывается понятием «деловая репутация», имеющим юридическое и экономическое значение, сущность которых предполагает вступление лишь в деловые отношения любого рода. Рассмотрим данное суждение более подробно.

Существующие определения понятий «честь, достоинство, деловая репутация» могут быть, в обобщенном виде, сформулированы так:

честь — сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании;

достоинство — сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании;

деловая репутация — сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании.

Из приведенных определений следует, что понятие «достоинство» вряд ли уместно применять к юридическому лицу — искусственному образованию, не обладающему собственным сознанием. Что же касается чести юридического лица (по мнению автора), это понимаемая в широком

смысле «деловая репутация», т. е. оценка обществом поведения юридического лица не только в гражданско-правовых, но и в любых других отношениях, свойственных природе юридического лица. Противоречия в затронутом вопросе могут быть устранены внесением соответствующих определений в нормативные акты.

Рассмотрим, существовало ли основание для иного понимания содержания морального вреда. Вышеизложенные суждения базировались на предположении, что понятие «моральный вред» являлось единым во всех случаях употребления его в Основах. Допустим обратное, предположим, что законодатель в ст. 131 определил моральный вред только применительно к гражданину, но имел в виду, что есть иная разновидность морального вреда, применимая к юридическим лицам. Такая возможность подтверждается грамматическим толкованием п. 6 ст. 7 Основ, где право требовать возмещения морального вреда можно отнести как к физическим, так и к юридическим лицам. Возможно, что под моральным вредом юридическому лицу законодатель мог бы подразумевать умаление чести (деловой репутации). Статья 7 Основ предусматривала три вида гражданско-правовой ответственности за правонарушение, выражавшееся в опорочении чести, достоинства и деловой репутации гражданина или юридического лица:

1) опровержение распространенных сведений;

2) возмещение убытков;

3) возмещение морального вреда.

Условия ответственности первого вида были установлены в п. 2 ст. 7 Основ. Порядок опровержения устанавливался в этой же статье. Что касается двух остальных видов ответственности, то, поскольку ст. 7 не содержала каких-либо специальных условий или порядка возмещения убытков и морального вреда, учитывая наличие в данном случае внедоговор-ной ответственности, возмещение убытков и морального вреда должно было регулироваться гл. 19 Основ. Но она не предусматривала возникновения обязательств из причинения морального вреда юридическому лицу. Так, ст. 127 предусматривала возмещение вреда, причиненного имуществу юридического лица, а ст. 131 регулировала отношения по возмещению морального вреда, причиненного гражданину. Таким образом, применение понятия «моральный вред» в отношении юридического лица привело бы к следующим выводам:

а) содержание этого понятия применительно к юридическому лицу в Основах не определено;

б) возникновение обязательств из причинения этого вида вреда Основы не предусматривают, т. е. его возмещение находится вне правового регулирования Основ.

Наличие таких намерений у законодателя не представляется автору настоящей работы вероятным. В законодательстве стран с английской и романо-германской системами права понятие «моральный вред» или аналогичное ему (например, «psychological damage») в отношении юридических лиц не применяется.

На этом представляется целесообразным завершить ретроспективное исследование эволюции понятия морального вреда и перейти к его анализу в соответствии с действующим ГК РФ. Упоминание о моральном вреде содержится в ст. 12, 151, 152, 1099—1101 ГК РФ. В соответствии со ст. 151 ГК и ст. 131 Основ определения понятий «морального вреда» полностью совпадают. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» было определено, что:

«Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.».

Процитированные тезисы требуют некоторого комментария. К сожалению, суд не дал общего определения физических или нравственных страданий, хотя из приведенного текста следует, что раскрыто содержание только одного вида морального вреда — нравственных страданий. Очевидно, суд понимает под нравственными страданиями переживания (это совпадает с позицией автора настоящей работы). Необходимо отметить неудачное употребление термина «нравственные переживания». Суд признает как первичный, так и отдаленный моральный вред, указывая, что «моральный вред... может заключаться в... переживаниях... в связи с болью... либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий...». То есть если, например, в результате распространения не соответствующих действительности порочащих сведений лицо испытывает переживания (претерпевает моральный вред в виде нравственных страданий), переносит в результате этого гипертонический криз с болевыми ощущениями (претерпевает моральный вред в виде физических страданий), испытывает переживания и по этому поводу (претерпевает вторичный моральный вред в виде нравственных страданий), то нет оснований не признать совокупный моральный вред находящимся в причинной связи с противоправным деянием в виде распространения не со-

ответствующих действительности сведений. Аналогичная ситуация будет и в том случае, если первичный моральный вред будет причинен в виде физических страданий, которые повлекут за собой нравственные. Отметим, что сейчас судебная практика признает для целей компенсации (единственной цели введения института морального вреда) вторичный моральный вред.

В ст. 152 ГК РФ устранены противоречия, связанные с вопросом о применимости понятий «честь, достоинство» к юридическому лицу. Пункт 7 ст. 152 ГК РФ полностью устраняет эти понятия из области правового регулирования ГК, предусматривая гражданско-правовую защиту только деловой репутации юридического лица. Однако следует с большим сожалением отметить, что, формулируя п. 5 ст. 152 ГК, законодатель допустил (как представляется автору настоящего исследования) неточность, давая повод для различных толкований о применении понятия «моральный вред» к юридическим лицам, а также вызывая иные сложности, рассмотренные ниже.

Итак, в п. 5 ст. 152 ГК РФ установлено, что «Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его... деловую репутацию, вправе... требовать возмещения убытков и морального вреда...». Пункт 7 той же статьи предусматривает: «...правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица». Анализ содержания этих норм дает основания для следующих вопросов:

1. Вправе ли юридическое лицо требовать возмещения морального вреда?

2. Является ли предусматриваемое комментируемой статьей возмещение морального вреда иным, по сравнению с предусмотренной в ст. 12, 151 ГК РФ компенсацией морального вреда, способом защиты гражданских прав?

По первой проблеме выше уже был проведен анализ, позволяющий сделать вывод о неприменимости понятия «моральный вред» к юридическому лицу в Основах. Применительно к ГК РФ этот вывод усиливается в п. 7 ст. 152, где указано, что правила о защите деловой репутации гражданина применяются к защите деловой репутации юридического лица «соответственно». В отношении анализируемой проблемы это следует понимать как соответствие подлежащих применению правил правовой природе юридического лица.

К сожалению, в Постановлении № Ю от 20 декабря 1994 г. Пленум Верховного суда РФ выразил противоположные взгляды на эту проблему, указав, что «Правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случае распространения таких сведений в отношении юридического лица». По мнению автора, несостоятельность этих взглядов очевидна, как и то, что Пленум Верховного суда РФ совершенно необоснованно не дал должной оценки словам «применяются со

ответственно». Видимо, такое толкование спровоцирует большое количество исков со стороны юридических лиц; однако суды будут отказывать в удовлетворении таких исков, опираясь при этом на п. 1 того же Постановления Пленума Верховного суда РФ, т. к. истец — юридическое лицо — не сможет доказать факт претерпевания им физических или нравственных страданий. В принципе (как будет показано ниже) при определенных обстоятельствах возможно предъявление иска работниками юридического лица о компенсации морального вреда в связи с распространением не соответствующих действительности сведений о своем работодателе— юридическом лице, но не в порядке ст. 152 ГК РФ, а согласно ст. 151 ГК РФ. Ведь распространение ложных порочащих сведений об организации, работником которой он является, является действием неправомерным, порочащим работника и умаляющим его честь и доброе имя. В этом случае ему (работнику) придется доказать факт претерпевания им физических или нравственных страданий, и иск может быть удовлетворен. Однако вопрос о причинении морального вреда самому юридическому лицу совершенно неправомерен, с тем же успехом можно было бы говорить о телесных повреждениях транспортного средства в дорожно-транспортном происшествии.

Изложенная позиция находит свое подтверждение и в судебных решениях по конкретным делам. Так, в частности, Савеловским народным судом г. Москвы был рассмотрен иск страховой компании к средствам массовой информации. Предметом иска являлось требование страховой компании об опровержении сведений, порочащих ее деловую репутацию (осуществление деятельности без соответствующей лицензии), сопряженное с требованием о возмещении убытков и компенсации морального вреда. Суд удовлетворил требования об опровержении сведений и возмещении убытков и отказал в удовлетворении требования о компенсации морального вреда[1]:

«Страховая компания обратилась в суд с иском к издательству... и гражданину... о защите чести и достоинства и возмещении материального вреда, мотивируя свое требование тем, что в издаваемом издательством еженедельнике в статье гражданина А. содержатся сведения, не соответствующие действительности и порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца. По мнению истца, не соответствуют действительности и порочат его честь, достоинство и деловую репутацию опубликованные в указанной статье сведения о том, что страховая компания оказывает услуги населению по обязательному медицинскому страхованию, не имея соответствующей лицензии Росстрахнадзора, что страховая компания заключила договор с медицинскими учреждениями, не имея лицензии на ведение обязательного медицинского страхования, что компании удалось провести не только Росстрахнадзор, но и Московский городской фонд обязательного медицинского страхования, налоговую инспекцию и медицинские учреждения. Истец просит обязать издательство опубликовать

[1] Архивы Савеловского райнарсуда г. Москвы.

опровержение указанных сведений. Также истец просит взыскать с ответчиков причиненный публикацией указанной статьи материальный вред, состоящий из убытков в виде упущенной выгоды в размере неполученного страховой компанией дохода от планируемых к заключению договоров в соответствии с подписанными протоколами о намерениях...

...по мнению истца, убыток, причиненный неправомерными действиями ответчиков, выражается в виде общей суммы неполученных страховых взносов от предполагаемых к заключению договоров, не подписанных из-за появления в еженедельнике указанной статьи, и составляет один млрд. сто десять млн. руб. Указанную сумму истец и просит взыскать с ответчика в счет возмещения материального вреда. Страховая компания также считает, что ей причинен моральный вред, т. к. с момента появления статьи резко сократилось число клиентов, обращающихся в страховую компанию, и просит взыскать с ответчиков в возмещение морального вреда, причиненного ей публикацией данной статьи, 10 млрд. руб.

Ответчик иск не признал. Представитель истца пояснил, что распространение этих сведений причинило истцу значительный моральный вред, т. к. голословные обвинения в нарушении законодательства и недобросовестности, распространенные в результате опубликования этой статьи, порочат его в глазах клиентов и широкого круга читателей и являются причиной значительного сокращения количества клиентов, обращающихся в страховую компанию.

...суд приходит к выводу, что сведения... не соответствуют действительности.

Требования истца о возмещении убытков суд находит обоснованными и подлежащими удовлетворению...

Что касается требования истца о возмещении морального вреда, суд приходит к следующему. Согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Поскольку закон предусматривает возмещение морального вреда лишь гражданину, определив моральный вред как физические или нравственные страдания, суд не находит оснований для удовлетворения требований юридического лица о возмещении морального вреда».

Итак, суд пришел к совершенно обоснованному выводу о неприменимости понятия морального вреда к юридическому лицу. Если бы суд и не затрагивал вопрос о неприменимости понятия, он мог бы сослаться на отсутствие доказательств причинения морального вреда, так как истец не привел и не мог привести ни одного доказательства по этому поводу.

Рассмотрим другие примеры.

1. ТОО обратилось с иском к АООТ о взыскании убытков от плодо

овощной продукции и возмещении морального вреда, который истец оценил на сумму 30 млн. руб. Суд отказал в иске в части возмещения морального вреда[1].

2. Банк М. предъявил иск к банку Т. о компенсации морального вреда, причиненного закрытием банком Т. корреспондентского счета в банке М. В суде представитель истца объяснил, что после закрытия корсчета банком Т. банк М. стал получать многочисленные претензии от своих партнеров, связанные с тем, что банк Т. отказывал им в осуществлении необходимых корреспондентских платежей. По мнению истца, высказываемые ему претензии третьих лиц доказывают, что ответчик причинил вред деловой репутации банка М. Банк М. представил суду переписку с партнерами, в которой они выражали недовольство в связи со сложившейся ситуацией. Истец оценил нанесенный его деловой репутации моральный вред в 1 млрд. руб. и просил взыскать эту сумму с ответчика.

Суд, проанализировав представленные ему документы, счел, что требования истца не соответствуют действующему законодательству и не находят подтверждения в материалах дела. Согласно ст. 151 ГК РФ, под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, причиненные гражданину. По мнению суда, исходя из этого определения, указанная статья не может применяться в случае нарушения нематериальных прав юридических лиц. В то же время защита деловой репутации последних регламентирована ст. 152 ГК РФ. Однако в ней речь идет лишь о случаях распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица. В данном случае, по мнению суда, банк М. не доказал факта распространения ответчиком каких-либо сведений в адрес банка М., так как закрытие корсчета и отказ от совершения корреспондентских платежей в адрес третьих лиц не могут быть квалифицированы как распространение сведений, порочащих деловую репутацию банка М. Представленные истцом письма-претензии от партнеров, по мнению суда, не опровергают этот вывод. В иске о компенсации морального вреда отказано полностью[2].

Как следует из последнего решения, суд занял уклончивую позицию и не выразил своего отношения к возможности применения ст. 152 ГК РФ к юридическим лицам, поскольку содержание дела позволяло решить его, не имея определенной позиции по этому вопросу. Поскольку суд ясно выразил свое понимание того, что понятие «нравственные и физические страдания» применимо только в отношении физических лиц, трудно предположить, что это дело было бы решено в пользу истца, если бы факт распространения сведений был доказан, т. к. невозможно возложить ответственность за причинение такого вида вреда, содержание которого не определено в законе.

[1] Там же.
[2] Там же.

Следует заметить, что неправомерное действие, заключающееся в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, имеет определенную специфику. Она заключается в следующем: в зависимости от характера сведений они одновременно могут оказаться косвенно порочащими честь, достоинство или деловую репутацию определенного гражданина или граждан. Юридическое лицо приобретает деловую репутацию в результате осуществления им определенной деятельности. Она проявляется в разнообразных действиях граждан, выступающих в качестве органов и работников юридического лица, а в предусмотренных законом случаях (п. 2 ст. 53 ГК РФ) — участников юридического лица. Так, сделки, т. е. юридические действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, юридическое лицо совершает через свои органы или участников, обязанных при этом, в силу п. 3 ст. 53 ГК РФ, действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Исполнение обязанностей и осуществление прав совершается юридическим лицом не только через свои органы, но и действиями его работников. Они считаются действиями самого юридического лица (ст. 402 ГК РФ). Поэтому публикация, например, о том, что юридическое лицо сообщает контрагентам недостоверную информацию при совершении сделок, содержит в себе сведения о гражданах, через которых совершает сделку юридическое лицо. Распространение ложных сведений о выпуске предприятием бракованной продукции порочит не только его деловую репутацию, но одновременно и честь занятого изготовлением или контролем качества такой продукции конкретного работника. Как отмечается в Постановлении № 11 от 18 августа 1992 г. Пленума Верховного суда РФ в действующей редакции, порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов, а также другие сведения, порочащие его производственно-хозяйственную или общественную деятельность.

Таким образом, распространение порочащих деловую репутацию юридического лица сведений может, в зависимости от их характера, причинить вред и другому объекту — чести, достоинству или деловой репутации конкретного гражданина или граждан, действиями которых осуществляется деятельность юридического лица. Возможны случаи, когда в принципе такого двойного эффекта возникнуть не может, — в частности, распространение в средствах массовой информации неточных сведений о персональных данных юридического лица (например, указание размера уставного капитала банка меньшим, чем он есть в действительности, умаляет его деловую репутацию в глазах возможных контрагентов, но не затрагивает репутацию его работников).

Отношения гражданина или граждан, чьи честь, достоинство или деловая репутация косвенно опорочены, и лиц, распространивших сведения, подпадают под действие ст. 152 ГК РФ, если эти граждане в достаточной сте

пени идентифицируемы в глазах других лиц по содержанию распространенных о юридическом лице сведений. Вопрос о идентифицируемости должен исследоваться судом на основании конкретных обстоятельств дела, с учетом возможного круга лиц, способных сделать разумное предположение о идентифицируемости конкретного гражданина в распространенных о деятельности юридического лица порочащих сведениях. Например, ложное сообщение о выпуске предприятием бракованной продукции способно умалить честь и достоинство работника предприятия, занятого непосредственно изготовлением или контролем качества продукции, в глазах значительной части других работников этого предприятия. Бремя доказывания своей идентифицируемости по содержанию распространенных о юридическом лице сведений в глазах других лиц должно возлагаться на гражданина.

Итак, юридическое лицо вправе требовать опровержения сведений, порочащих его деловую репутацию, и возмещения убытков, а соответствующий гражданин, при наличии вышеуказанных обстоятельств, — опровержения тех же сведений и компенсации морального вреда, причиненного их распространением. Этот гражданин и юридическое лицо не будут являться соистцами в смысле ст. 35 ГПК РФ, поэтому в принципе не исключена подсудность таких исков разным видам судов (соответственно, общим и арбитражным). На практике подавляющая часть исков юридических лиц к средствам массовой информации об опровержении сведений предъявляется в общие суды, т. к. в качестве ответчиков привлекаются автор и редакция средства массовой информации. В этих случаях целесообразно соединение дел по искам юридического лица и гражданина к распространителю сведений в одном производстве в порядке ч. 4 ст. 128 ГПК РФ.

В этих случаях к требованию гражданина о компенсации морального вреда должны применяться правила ст. 151 ГК РФ и § 4 гл. 59 ГК. При определении размера компенсации в качестве заслуживающего внимания обстоятельства должно учитываться положение гражданина в структуре юридического лица во взаимосвязи с характером распространенных сведений. Безусловно, что непрямой, анонимный применительно к гражданам характер распространенных о юридическом лице сведений также является заслуживающим внимания обстоятельством, снижающим размер компенсации морального вреда.

Второй из поставленных выше вопросов может иметь два варианта решения. Первый вариант соответствует позиции автора исследования и заключается в следующем. Законодатель имел в виду изложить п. 5 ст. 152 ГК РФ в следующей редакции: «Гражданин, в отношении которого... вправе требовать... возмещения убытков и **компенсации** морального вреда...» Такая позиция приводит в полную согласованность ст. 12, 151, 152 ГК РФ. Само словосочетание «компенсация страданий» представляется, по нашему мнению, более естественным с позиций формы применяемых в русском языке оборотов и конструкций, нежели тождественное по смыслу «возмещение страданий». Именно первое выражение применяется в большинстве исследований по проблеме морального вреда.

Второй вариант решения этого вопроса выглядит следующим образом. Возмещение морального вреда является отличным от компенсации морального вреда, и в этом случае оно становится иным способом защиты гражданских прав в смысле ст. 12 ГК РФ. В этом случае получалось бы, что для защиты таких нематериальных благ, как честь, достоинство, деловая репутация, применялась бы ст. 131 Основ «Возмещение морального вреда», т. к., согласно ст. 4 Федерального Закона РФ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ» от 21 октября 1994 г.. Основы применяются на территории РФ, поскольку они не противоречат части первой ГК РФ. Во всех же остальных случаях, связанных с причинением морального вреда, в том числе при защите других нематериальных благ, применению подлежала бы ст. 151 ГК РФ «Компенсация морального вреда». Наличие такого замысла у законодателя не представляется вероятным, т. к. честь, достоинство и деловая репутация не выделяются как менее или более значимые из неисчерпывающего перечня нематериальных благ в ст. 150 ГК, и применение каких-либо особых правил для возмещения морального вреда, причиненного посягательством именно на эти блага, не имело бы смысла. Законодатель упоминает о возмещении морального вреда в ст. 152 ГК РФ лишь затем, чтобы подчеркнуть возможность совместного применения двух способов защиты гражданских прав — опровержения сведений и компенсации морального вреда. Заметим, что слово компенсация — иностранного происхождения и, например, английское слово «compensation» переводится на русский язык как «возмещение, вознаграждение». Однако необходимо устранить отмеченные неточности в целях применения единообразной юридической терминологии в законодательстве.

Глава 3 Компенсация морального вреда в российской правоприменительной практике

Институт морального вреда в российском законодательстве сравнительно молод, но суды уже имеют практику рассмотрения довольно большого количества дел, связанньк с компенсацией морального вреда. Значительную долю среди них занимают иски о компенсации морального вреда причиненного нарушением прав потребителей, причинением телесных повреждений (в особенности в дорожно-транспортных происшествиях), распространением порочащих сведений и рядом других правонарушений. Для иллюстрации судебного подхода к решению дел, связанных с компенсацией морального вреда, рассмотрим выдержки из ряда судебных решений и иных публикаций по конкретным делам.

Дело№ Г.

«Истец обратился в суд с иском к перевозчику о защите прав потребителя, указав, что... заключил с ответчиком договор перевозки груза, ответчик обязанности по выдаче груза (чемодана) в аэропорту не выполнил, мерами розыска установить багаж не удалось. Истец просит взыскать в возмещение ущерба 400 долларов США из расчета 20 долларов за 1 кг груза, моральный вред в размере стоимости договора перевозки.

...Из показаний свидетелей установлена вина ответчика в неисполнении договора, нарушении п. 9.14.2 Правил международных воздушных перевозок пассажиров, багажа и грузов. Работниками аэропорта истец подвергался оскорблениям, необоснованно выдвигались предположения о том, что истец якобы употреблял спиртные напитки и сам утратил багаж, провоцировался скандал, в связи с чем истец и члены группы длительно задерживались в аэропорту с требованиями принять установленные законом меры к розыску и возврату багажа.

Поэтому суд считает необходимым взыскать с ответчика в пользу истца 19 795 руб. в возмещение морального вреда (в размере стоимости договора перевозки)...»

Дело № 2[2].

«Истица обратилась в суд с иском к кооперативу о взыскании 707 230 руб., ссылаясь на то, что она заключила договор с кооперативом на строительство щитового садового дома с покрытием крыши и установкой фундамента... По условиям договора она внесла предоплату... До настоящего времени кооператив к строительству дома не приступал... Неисполнением обязательства кооперативом ей причинен моральный вред, который она оценивает в 616 000 рублей... Суд считает, что истица понесла моральный вред по вине ответчика... Суд определяет моральный вред в сумме 500 000 рублей...»

Дело № 3[3].

«Истец обратился в суд с заявлением о взыскании с завода-изготовителя материального ущерба в сумме 4 167 568 руб. В обоснование своих требований истец указал, что в результате самовозгорания телевизора, изготовителем которого является ответчик, и произошедшего пожара сгорело принадлежащее его семье имущество на сумму 1 333 550 руб., выгорел паркетный пол, ремонт которого, согласно смете, обойдется в 194 433 руб., нуждаются в химчистке принадлежащие его семье вещи, согласно списку, на общую сумму 130 035 руб. Кроме того, истец просит взыскать морально-духовный ущерб в сумме 2 500 000 руб...

Суд полагает, что подлежит возмещению частично и моральный ущерб, понесенный истцом в результате возгорания телевизора. При этом суд учитывает, что дело приняло затяжной характер по вине ответчика,

[1] Архивы Красногвардейского райнарсуда г.Москвы.

[2] Там же.

[3] Архивы Тушинского райнарсуда г.Москвы.

своевременно не принявшего меры к возмещению ущерба, в результате пожара истец потерял принадлежащее ему имущество, была повреждена квартира, в которой он проживает, до настоящего времени истец, являющийся человеком преклонного возраста, лишен возможности смотреть телевизор, слушать радио, т. к. не имеет указанной радиоаппаратуры.

С учетом этих обстоятельств, а также размера ущерба, суд полагает возможным определить моральный вред в 1 000 000 руб.».

Дело № 4[1].

«Г. обратилась с иском к производственному объединению о замене холодильника, взыскании неустойки за просрочку выполнения требования о замене товара ненадлежащего качества, возмещении морального вреда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, иск о замене холодильника и взыскании неустойки удовлетворен, в возмещении морального вреда отказано. Отказывая в удовлетворении иска в этой части, суд в решении сослался на то, что приобретенный истицей холодильник не требовал сложного ремонта, эксплуатировался истицей три года, следовательно, моральный вред ей не причинен.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, частично отменяя судебные постановления, указала, что народный суд, установив вину объединения, отказавшегося заменить неисправный холодильник уже после вступления в силу Закона РФ *«О* защите прав потребителей», а также установив, что истица, будучи в преклонном возрасте, неоднократно обращалась в мастерскую по поводу ремонта холодильника, в течение длительного времени не имела возможности им пользоваться, что привело к ряду неудобств в хранении продуктов питания, вместе с тем необоснованно полностью отказал в возмещении морального вреда, сославшись при этом на обстоятельства, которые могли лишь повлиять на размер такого возмещения».

Это мнение Судебной коллегии представляется безусловно правильным. Размер компенсации морального вреда может быть сколь угодно малым, вплоть до символических сумм, но малый размер компенсации и отказ в компенсации — это принципиально разные решения. В компенсации морального вреда может быть отказано лишь в случае отсутствия состава оснований ответственности за причинение морального вреда либо в случае, если грубая неосторожность или умысел потерпевшего способствовали возникновению вреда.

Приведенные решения показывают, что в исках о защите прав потребителей суды в большинстве случаев, увязывая размер компенсации морального вреда со стоимостью товаров (работ, услуг), не устанавливают виды страданий, перенесенных истцом, и в чем они конкретно выражаются (например, решение по делу № 1) и не приводят обоснования определяемого ими размера компенсации морального вреда.

[1] Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 10. С. 14.

В решении по делу № 3 суд указал на обстоятельства, на основании которых он полагает, что моральный ущерб имел место, но не указал в решении, какого вида страдания истец перенес. В этом решении суд указывает ряд заслуживающих внимания обстоятельств (утрата имущества, повреждение квартиры, преклонный возраст истца, размер ущерба), с учетом которых он и определяет размер компенсации.

Довольно значительную группу составляют дела о возмещении морального вреда, причиненного источниками повышенной опасности.

Дело № 5[1].

«...в результате аварии истец стал инвалидом и утратил трудоспособность на 25%... В результате дорожно-транспортного происшествия истец утратил жизненно важный орган — селезенку. Истец требует... возместить моральный вред, причиненный ему в результате дорожно-транспортного происшествия и вытекающий из вреда здоровью. Истец просит суд возместить ему причиненный моральный вред в размере 4 004 562 рубля, что составляет 50% от суммы иска, по тем основаниям, что в результате дорожно-транспортного происшествия он утратил трудоспособность, лишился жизненно важного органа, который не может быть восстановлен, утратил подвижность суставов и приобрел остаточные посттравматические явления, а также утратил автомашину, вещи, вынужден обращаться в суд.

В силу ст. 130 Основ гражданского законодательства суд согласен в части возмещения морального вреда с требованиями истца, поскольку из перечисленных выше обстоятельств следует, что истец в результате ДТП не может отвечать требованиям к физически полноценному человеку».

Дело № 6[2].

«В судебном заседании истец... просил удовлетворить его иск в части взыскания с ответчика морального ущерба в сумме 2 400 000 руб. Прося об удовлетворения иска в части возмещения морального вреда, истец просил учесть, что по вине ответчика дело приняло крайне затяжной характер, предприятие всячески уклонялось от явки в суд и возмещения ему ущерба во внесудебном порядке, в результате ДТП он потерял практически новую машину, его супруге бьыи причинены телесные повреждения, а ему причинены нравственные и физические страдания.

...Суд полагает, что подлежит удовлетворению и иск истца в части возмещения морального вреда, предусмотренного ст. 131 Основ гражданского законодательства. Соглашаясь с суммой в 2 400 000 руб., указанной истцом, суд считает необходимым учесть, что дело находится в производстве суда более 8 месяцев и приняло затяжной характер в связи с систематической неявкой ответчика в судебное заседание, предложение ответчика о мирном разрешении спора фактически им не выполнено, в результате аварии супруге истца причинены телесные повреждения, по поводу которых она находилась на

[1] Архивы Тушинского райнарсуда г.Москвы. [2] Там же.

излечении, более года истец лишен возможности пользоваться принадлежащим ему транспортным средством, что позволяет сделать вывод о наличии физических и нравственных страданий, причиненных истцу данным ДТП».

Дело № 7[1].

«...автомашине истца были причинены механические повреждения... Истец... просит возместить причиненный моральный вред в размере 1 000 000 руб.

В части возмещения причиненного морального вреда в соответствии со ст. 131 Основ гражданского законодательства «Моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины». Вина ответчика подтверждена справкой ГАИ и не оспаривается сторонами, вместе с тем судом учитывается также то обстоятельство, что в результате аварии водитель получил множественные ссадины тела, ушибы, что повлекло кратковременное расстройство здоровья, нахождение на больничном листе... Таким образом, суд приходит к выводу, что имеют место как нравственные, так и физические страдания, и требование о возмещении морального ущерба подлежит удовлетворению в сумме 800 000 рублей».

Дело № 8[2].

«Истец просит взыскать с ответчика сумму материального ущерба в размере 16 285 руб. и моральный ущерб, так как он пострадал в этой аварии...

В результате аварии истцу причинен материальный и моральный ущерб, так как его автомашина значительно пострадала от столкновения с автомашиной ответчика...

Взыскать с ответчика в пользу истца сумму материального ущерба 16 285 руб. и за понесенный в результате аварии моральный ущерб в сумме 8100 руб.».

Дело № 9[3].

«...Истец просит взыскать... 600 000 руб. морального вреда. Ответчик иск признал в полном объеме...

Из материалов дела усматривается, что в связи с данным ДТП истцу причинен моральный вред (физические и нравственные страдания) в результате ушибов при аварии, в результате стресса появились головные боли, ухудшился сон, повысилась нервная возбудимость, по поводу которых истец обращался к врачу, что подтверждается медицинской справкой. Был сорван отпуск в августе и пропали путевки для отдыха и лечения. В связи с необходимостью устранения последствий аварии, оценки машины, судебного процесса истец отпрашивался с работы и испытывает чувство вины и морального неудобства перед руководством и коллегами по службе, которым приходилось выполнять чужую работу. Поэтому суд считает необходимым взыскать с ответчика в пользу истца моральный вред в размере 600 000 руб.».

[1] Там же.

[2] Там же

[3] Архивы Волгоградского раинарсуда г. Москвы.

Дело № 10[1].

«...истец просит возместить ему моральный вред, причиненный в результате покуса собаками в размере материального ущерба, причиненного ему.

...суд приходит к выводу, что истцу в результате укусов собак был в большей части причинен моральный, нежели материальный ущерб, поскольку истец был вынужден пройти курс профилактических прививок от бешенства.

...взыскать с ответчика в пользу истца в счет возмещения материального ущерба 3675 рублей... и в счет возмещения морального вреда 3675 рублей...».

Дело № II[2].

«Н. обратилась в суд с заявлением, в котором просит взыскать с ответчика материальный ущерб, складывающийся из расходов, связанных с похоронами ее мужа, умершего в результате травмы, полученной на работе у ответчика, а именно... Кроме того, Н. просит взыскать 10 миллионов руб. в качестве возмещения морального ущерба...

Суд считает возможным согласиться с требованием истца по возмещению морального вреда в размере 10 миллионов рублей...

Суд согласился с утверждением истицы о том, что ей и близким родственникам смертью мужа (отца) причинены нравственные страдания. Предъявленная сумма, по мнению суда, соразмерна. Суд учел материальное положение сторон при разрешении указанного требования...»

Дело № 1У.

«...Истица просит возместить ей расходы по восстановительному ремонту в сумме 1 234 423 руб. ...а также возместить ей моральный ущерб, причиненный дорожно-транспортным происшествием, в размере 10 млн. руб. Ответчик иск признал в части расходов... В части морального вреда иск не признается в полном объеме, поскольку ответчик считает, что моральный вред, причиненный в результате аварии истице, не отвечает заявленным 10 млн. руб.

В части возмещения морального вреда суд полагает» указанный иск подлежит частичному удовлетворению в части 350 тыс. руб., поскольку судом принимается во внимание то обстоятельство, что истица в момент рассмотрения дела является беременной, отсутствие в ее распоряжении автомашины при указанных обстоятельствах создает определенный дискомфорт, кроме того судом учтены также обстоятельства, что в таком состоянии женщина вынуждена обращаться в соответствующие органы для оформления судебных и автотранспортных документов...»

В этом решении также не указан вид морального вреда, нет ссылки на доказательства факта его причинения. Из решения не усматривается, на основании каких доказательств обстоятельства в этой части иска суд счел установленными.

[1] Архивы Люберецкого райнарсуда г. Москвы.

[2] Там же.

[3] **Там** же.

Дело № 13[1].

«В ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению К. в нарушении правил безопасности движения, повлекшем смерть потерпевшего, родители потерпевшего предъявили гражданский иск о компенсации морального вреда. Суд учел, что погибший был единственным сыном у родителей, которые в силу возраста не смогут больше иметь детей, что им причинено горе, от последствий которого они никогда не оправятся, будучи до конца жизни лишены душевного тепла и поддержки со стороны сына, и присудил компенсацию морального вреда в размере 40 млн. руб.».

В большинстве этих решений видно отсутствие единообразия в подходе судов к рассмотрению дел о компенсации морального вреда и пассивное следование за притязаниями истцов в отношении размера компенсации.

Так, в решении по делу № 7 о перенесении истцом какого-либо вида страданий не упомянуто, однако «между строк» решения читается, что суд принимает это как само собой разумеющееся. Истец увязывает размер компенсации морального вреда с размером имущественной части иска, и суд с заявленным размером соглашается. В решении по делу № 8 суд учитывает телесные повреждения, причиненные третьему лицу — супруге истца, не исследуя связи этого обстоятельства со страданиями истца, и соглашается с суммой, названной истцом. Представляет интерес решение по делу № 10, в котором истец вообще не оценивал размер предполагаемой компенсации, и суд самостоятельно, не указывая мотивов, согласовал этот размер с причиненным имущественным ущербом (50%). В решении по делу № 9 наиболее полно обосновано претерпевание нравственных и физических страданий, установлено, чем эти страдания были вызваны и в чем выражались, размер компенсации морального вреда с размером имущественного ущерба не связан, суд согласился с заявленным истцом размером компенсации.

В решении по делу № 10 размер возмещения морального вреда по заявлению истца равен материальному ущербу, и суд, отмечая в мотивировочной части, что материальный ущерб незначителен по сравнению с моральным, тем не менее оценивает их в равных суммах. В этом деле особенно важно было выяснить, воспринимал ли истец опасность заболеть бешенством как реальность, или он рассматривал курс прививок как пустую, но неизбежную медицинскую формальность, так как от этого зависело бы установление размера и степени нравственных страданий, поскольку они, в отличие от физических, особенно зависят от субъективного восприятия ситуации.

Относительно решения по делу № 11 следует отметить, что, поскольку родственники не были соистцами по делу, их нравственные страдания правового значения для решения не имели, а учет материального положения сторон, произведенный судом, не соответствует требованиям ст. 458 ГК, так как эта норма допускает учет лишь материального положения причинителя вреда, и только в случае, если таковым является гражданин.

Дело № 14[1].

«Районным судом г. Ярославля П. осужден по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР к четырем месяцам лишения свободы с применением ст. 44 УК РСФСР — наказание назначено условно с испытательным сроком 1 год, с возложением обязанности компенсации потерпевшей морального вреда в сумме 500 000 руб.

Подсудимый признан виновным в том, что 18 июля 1994 г. во дворе своего дома во время ссоры с потерпевшей несколько раз ударил ее черенком лопаты, причинив легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья».

Рассмотрим постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу, связанному с нарушением жилищных прав гражданина. Дело рассматривалось по протесту в порядке надзора заместителя Генерального прокурора РФ. Дело№ 15[2].

«Истица обратилась в суд с жалобой на действия администрации и профсоюзного комитета открытого акционерного общества (далее — ОАО), отказавших ей в предоставлении квартиры. В обоснование жалобы истица указала, что с 1976 г. работала в объединении, состояла в очереди на получение квартиры на семью из пяти человек (она, муж, трое детей).

27 ноября 1991 г. брак с мужем был истицей расторгнут. 25 декабря 1992 г. бывший муж на себя и на троих детей получил трехкомнатную квартиру. 25 ноября 1992 года истица была уволена из ТОО (ныне — ОАО) согласно п. 1 ст. 33 КЗОТ РФ. При распределении квартир (в двух жилых домах) ей было отказано в предоставлении однокомнатной квартиры, в связи с чем истица просила обязать ОАО включить ее в список очередников на получение жилого помещения в строящемся доме.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями. В процессе рассмотрения дела истица оформила свои требования в исковое заявление и просила обязать ОАО предоставить ей однокомнатную квартиру либо выплатить ее стоимость в сумме 39,6 млн. руб., а также взыскать денежную компенсацию морального вреда в размере 16,5 млн. руб.

Решением городского народного суда (оставленным без изменения судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда автономной республики) на администрацию и профсоюзный комитет ОАО возложена обязанность выделить истице однокомнатную квартиру в пределах города, в случае невозможности предоставления квартиры выплатить истице 35 млн. руб., в возмещение морального вреда с ОАО взыскана денежная компенсация в размере 5 млн. руб...

В соответствии с требованиями ст. 151 ГК РФ компенсации подлежит моральный вред в случае причинения его действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В данном случае

[1] Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 4. С. 8. [2] Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 4. С. 1—3.

судом разрешен спор о защите имущественного права, на которое положения ст. 151 ГК РФ не распространяются.

Ссылка в решении суда первой инстанции на ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик также неосновательна, так как распространение положений этой статьи Основ на жилищные правоотношения, являющиеся предметом спора по настоящему делу, не согласуется с требованиями ст. 1 тех же Основ.

В этой связи судебные постановления в указанной части подлежат отмене с вынесением нового решения об отказе истице в требовании о возмещении морального вреда».

Нельзя не согласиться с мнением Президиума Верховного Суда РФ о том, что ст. 151 ГК РФ к указанному случаю неприменима, поскольку неправомерными действиями ответчиков было нарушено имущественное право истицы. Однако к рассматриваемому делу это не могло иметь отношения, так как ст. 151 ГК РФ, ограничившая круг неправомерных действий, совершение которых порождает у потерпевшего право на компенсацию морального вреда, не имела обратной силы, а в данном случае правонарушение произошло до 1 января 1995 г. Не обоснован отказ суда применить статьи Основ при рассмотрении данного дела. Учитывая, что суд определил сохранившееся право на улучшение жилищных условий как вытекающее из трудовых правоотношений, к ним нормы Основ применимы только тогда, когда эти отношения не регулируются трудовым законодательством (п. 3 ст. 1 Основ). Кроме того, отсутствие в ст. 1 Основ прямого указания на жилищные правоотношения не означает, что гражданское законодательство не регулирует их, и, напротив, анализ ст. 1 Основ показывает, что гражданское законодательство в период действия Основ было применимо к жилищным отношениям в тех случаях, когда они носят имущественный характер и основаны на равенстве участников этих отношений — именно такими были отношения истицы и ОАО 6 января 1993 г.(в момент второго отказа в предоставлении квартиры).

Рассмотренное дело интересно еще в одном аспекте. Как известно, в целях получения жилья граждане зачастую прибегают к различным «маневрам» — фиктивные браки, разводы, попечительство, патронаж и т. п. Остается ощущение, что в данном деле имела место такая же ситуация — без согласия матери российский суд передал бы троих детей на воспитание отцу лишь в исключительных обстоятельствах, крайне отрицательно характеризующих личность матери (таковым было, да и остается по сей день обыкновение российской правоприменительной практики, несмотря на формальное равенство прав обоих родителей в отношении детей). Поэтому можно предположить, что в бракоразводном процессе истица дала согласие на передачу детей на воспитание отцу. Это обстоятельство дает основание предположить наличие у истицы индивидуальных особенностей в виде невысокой способности к переживаниям, что, возможно, мог

ло бы обосновать присуждение незначительного размера компенсации в данном случае.

Как показывает анализ судебной практики, большинство исков о компенсации причиненного работникам морального вреда связано с нарушением права на труд. Приведем несколько примеров[1].

Дело№ 16.

«Администрация организации вынудила работника С. подать заявление об увольнении по собственному желанию (ст. 31 КЗОТ РФ). Вынужденный характер увольнения подтверждался материалами дела. С. утверждал, что незаконное увольнение причинило ему нравственные страдания, и требовал в качестве компенсации за них 100 млн. руб. Суд, признав увольнение незаконным, восстановил С. на работе в прежней должности и обязал ответчика к выплате компенсации за моральный вред в размере 500 тыс. руб.».

Дело№ 17.

«И. была незаконно уволена, в связи с чем претерпела значительные нравственные страдания. В качестве компенсации морального вреда И. требовала выплаты 5 млн. руб. Суд присудил компенсацию морального вреда в размере 4 млн. руб.».

Дело№ 18.

«Ш. была незаконно уволена в связи с истечением срока действия трудового договора. В судебном заседании истица представила доказательства, из которых следовало, что в действительности причиной увольнения было ее состояние беременности, ставшее известным администрации. Одновременно она утверждала, что срочный трудовой договор с ней был заключен незаконно, в отсутствие предпосылок, предусмотренных ст. 17 КЗОТ РФ. Истица и ответчик пришли к мировому соглашению, в соответствии с которым ответчик обязался восстановить истицу на работе, оплатить ей вынужденный прогул и выплатить компенсацию морального вреда в размере 1 млн. руб. Суд утвердил мировое соглашение».

Дело № 19.

«Т., уволенный за прогул (п. 4 ст. 33 КЗОТ РФ), предъявил иск к организации о восстановлении на работе, оплате вынужденного прогула и компенсации морального вреда, причиненного незаконным увольнением. Суд, исследовав материалы дела, пришел к выводу, что увольнение произведено с нарушением закона (вопреки требованиям ст. 136 КЗОТ РФ, от Т. не были истребованы письменные объяснения). Возражение администрации, основанное на том, что Т. отказался от дачи объяснений, не подтверждалось письменными доказательствами. Суд восстановил Т. на работе и взыскал с ответчика в пользу истца в качестве компенсации морального вреда 500 тыс. руб.».

[1] Архивы райнарсудов г. Москвы

Как следует из приведенных примеров, суды присуждают в качестве компенсации морального вреда, причиненного нарушениями трудовых прав, достаточно скромные суммы. В примере 1 сумма компенсации могла бы быть больше, если бы истец не заявил явно завышенную и необоснованную сумму. В то же время в примере 2 взысканная сумма компенсации морального вреда сопоставима с суммой, которую заявила истица. В принципе, мнение истца о сумме компенсации не имеет существенного значения для суда. Задача истца — доказать, что: 1) имело место нарушение его личных неимущественных прав; 2) этим нарушением ему были причинены нравственные или физические страдания, выражавшиеся в той или иной форме. Определение размера компенсации, соответствующего перенесенным истцом страданиям, — это прерогатива суда, и хотя ничто не препятствует истцу высказать свое мнение о следуемом ему размере компенсации, однако в этом случае истец должен быть готов к просьбе обосновать заявленный размер компенсации.

Рассмотрим несколько решений по делам о защите чести и достоинства граждан.

Дело № 20[1].

«А. предъявил в суде иск к Т. и редакциям газет <Б.» и «В.» о защите чести и достоинства, взыскании морального вреда: с Т. — 5 млн. руб., с редакции газеты «Б.» — 10 млн. руб.

В обоснование иска А. сослался на то, что в газете «В.» было опубликовано выступление Т., в котором он сообщал не соответствующие действительности и порочащие А. сведения.

А. указал также на то, что газета «Б.» опубликовала статью под другим названием, в которой без всякой проверки воспроизведено выступление Т. в газете «В».

Суд вынес решение, в котором признал сведения в отношении А. не соответствующими действительности, обязал редакции газет в течение 10 дней со дня вступления решения в законную силу опровергнуть их на страницах газет, принеся А. публичные извинения, взыскал с Т. в пользу истца в возмещение морального вреда 500 тыс. руб., с редакции газеты «Б.» — 1 млн. 500 тыс. руб. Возлагая на газету «Б.» ответственность за распространение порочащих, не соответствующих действительности сведений, суд исходил из того, что статья Т. в газете «В.» не дословно воспроизведена, а изложена в статье под другим названием, со своим комментарием, в котором также содержались сведения, не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство истца».

В этом деле не вполне понятно, почему требование о компенсации морального вреда не было предъявлено к газете «В.», но следует обратить внимание на появление (с 1994 г.) некоторой активности судов в отноше-

[1] Там **же.**

нии определения размера компенсации морального вреда, выражающейся в снижении размера компенсации по сравнению с затребованным истцом (в данном случае — в десять раз), хотя по-прежнему без обоснования определенного судом размера компенсации.

Дело №21[1].

«В газете «Р.» были опубликованы статьи, в которых двумя авторами указывалось, что некто Я., главный редактор одного из средств массовой информации, ненадлежащим образом использовал денежные средства, предоставленные учредителями этого средства массовой информации. Ознакомившись с публикациями, Я. предъявил редакции газеты иск об опровержении сведений и выплате 100 млн. руб. в качестве компенсации морального вреда. Ответчик не смог подтвердить соответствие действительности распространенных сведений. Суд, признав распространенные сведения не соответствующими действительности, обязал газету опубликовать опровержение и взыскал в качестве компенсации морального вреда с редакции 3 млн. руб. и с каждого из авторов — по одному млн. руб. (всего 5 млн. руб.)».

Дело № 22[2].

«Ответчик в интервью, опубликованном в средстве массовой информации, отзываясь об истице, журналистке по профессии, заявил, что «эта девица ведет достаточно свободный образ жизни, пьет, курит и совмещает две древнейшие профессии». Истица заявила требование о компенсации морального вреда, определив его в размере 500 тыс. дол. США. Представитель ответчика утверждал, что под древнейшей профессией ответчик не подразумевал какой-либо недостойной профессии. Однако представитель истицы настаивал на определенности общепринятого понимания словосочетания «древнейшая профессия». Суд удовлетворил иск, снизив размер компенсации до 500 тыс. руб. (т. е. примерно в 5000 раз по сравнению с заявленным требованием».

Дело № 23[3].

«Известный певец К. предъявил иск об опровержении не соответствующих действительности сведений и компенсации морального вреда к газете «Р.» и журналистке Л., которая в своей публикации отмечала связь истца с криминальными кругами. Истец оценил причиненный ему моральный вред в размере 100 тыс. дол. США. Суд удовлетворил иск, снизив размер компенсации до 15 млн. руб.».

Дело № 24[4].

«Известный певец П. предъявил иск к средству массовой информации, распространившему сведения о том, что в преддверии гастролей П. в го-

[1] Там же.
[3] Коммерсантъ-DAILY. 1996. № 79. [3] Коммерсантъ-DAILY. 1995. № 92. [2] Коммерсантъ-DAILY. 1996. № 37.

роде Н. общество гомосексуалистов этого города избрало его своим почетным членом и направило ему поздравительную телеграмму, в которой содержалась просьба сообщить размеры талии, бедер и т. п., чтобы сшить, к его приезду шелковое платье. П. счел распространенные сведения оскорбительными и потребовал компенсации морального вреда в размере 100 млн. руб. Суд первой инстанции иск отклонил, мотивировав это тем, что разглашение сведений о нетрадиционной сексуальной ориентации не является оскорблением. Суд второй инстанции согласился с доводами представителя истца о порочащем (вредящем деловой и творческой репутации) характере распространенных сведений и отменил решение, направив дело на новое рассмотрение в ином составе судей. В результате нового рассмотрения дела иск был удовлетворен и истцу присуждена компенсация морального вреда в размере 2 млн. руб.».

Следует заметить, что в последнее время в различных средствах массовой информации появляются публикации, содержащие, в прямой или завуалированной форме, утверждения о неестественной (с биологических позиций) сексуальной ориентации лиц, обладающих, как правило публичной известностью. Безусловно, такие сведения должны признаваться порочащими честь и достоинство, как это произошло в вышеприведенном деле. Между тем, следует учитывать, что некоторые признаки поведения таких лиц на публике (в особенности эстрадные выступления певцов артистов и т. п.), включающее в себя стиль одежды, манеру держаться на сцене, прическу, в некоторых случаях может совпадать с поведением лиц с неестественной сексуальной ориентацией (что может подтверждаться заключением эксперта-сексопатолога). Эти признаки могут вызывать в сознании обычного человека предположение об ассоциированности данного лица с кругом лиц, обладающих неестественной сексуальной ориентацией, хотя в действительности могут являться лишь выражением необычного вкуса или намерения эпатировать публику. До тех пор пока такое поведение не оскорбляет общественную нравственность, оно не является предосудительным, ибо свобода самовыражения является конституционным правом каждого гражданина. Представляется, что лицо использующее подобный необычный стиль поведения, в общем случае может и должно осознавать возможное восприятие такого поведения в массовом сознании. Например, если лицо мужского пола использует в качестве одежды предметы женского туалета или, наоборот, это совпадает с клиническими признаками трансвестизма, что, безусловно, не означает что указанное лицо непременно является трансвеститом, однако разум-" но предположить, что оно готово к возможности массового восприятия его в этом качестве, и его психическое отношение к такой возможности выражается либо в ее сознательном допущении, либо в безразличном (неосторожном) отношении к ней. Отсюда, с позиций компенсации морального вреда, следует, что трансформация этой возможности в действительность, даже приняв форму распространенных сведений, не может

причинить такому лицу нравственные страдания или причиняет весьма малые по сравнению с теми, которые претерпело бы в результате распространения таких сведений лицо с «обычным» поведением. Другими словами, в подобных случаях суд может, учитывая фактические обстоятельства дела и индивидуальные особенности потерпевшего, существенно снизить размер компенсации, а в случае обнаружения в действиях лица умысла или грубой неосторожности — полностью отказать в компенсации морального вреда.

Дело №25[1].

«Истец Б., заслуженный летчик-испытатель, предъявил к банку и рекламной фирме иск о компенсации морального вреда, причиненного в связи с использованием без согласия истца его изображения в рекламе банка. Призыв «Вы доверяете цифрам — Доверяйте опыту!» был расположен на фоне фотографии, изображавшей истца за штурвалом самолета. Истец требовал компенсации морального вреда в размере 300 млн. руб. (по 150 млн. руб. с каждого из ответчиков). В качестве соответчиков были привлечены газеты, опубликовавшие рекламу банка и обязанные, по мнению истца, опубликовать информацию о принятом в его пользу судебном решении. По объяснениям истца, ему были причинены нравственные страдания в связи с тем, что распространение такой рекламы может создать у его знакомых представление о том, что он «использует свои профессиональные качества для извлечения материальной выгоды из рекламной деятельности». Как указывается в публикации об этом деле, доводы представителей рекламной фирмы сводились к тому, что, не зная, кто изображен на фотографии, они не могли испросить согласия истца. По мнению представителей банка, присутствие его изображения в рекламе надежного банка не могло повредить репутации истца. Представитель истца заявила о незаконности действий ответчиков, нарушивших личное неимущественное право истца на собственное изображение, охраняемое ст. 514 ГК РСФСР, с чем согласился участвовавший в процессе прокурор (участие прокурора в процессах такого рода довольно необычно в настоящее время. — *А.Э.),* выразивший мнение о необходимости снижения суммы до 100 млн. руб. и взыскании этой суммы только с рекламной фирмы. Суд постановил взыскать в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 100 млн. руб., в равных долях с обоих ответчиков. Суд также обязал обоих ответчиков оплатить газетные сообщения о принятых в их пользу судебных решениях».

Решение по этому делу интересно в нескольких аспектах. По-видимо-мому, конструкция предмета иска была рассчитана на применение ст. 152 ГК РФ, предусматривающей компенсацию морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений. Однако на случай, если суд

[1] Архивы райнарсудов г. Москвы.

не сочтет содержание рекламы порочащим репутацию истца (что, по здравом размышлении, недалеко от истины, так как участие в рекламной деятельности, даже путем «использования профессиональных качеств», вряд ли может быть сочтено предосудительным), была применена ст. 151 ГК РФ, предусматривающая компенсацию морального вреда, причиненного любым виновным неправомерным действием, нарушающим личные неимущественные права, в данном случае право истца на собственное изображение, которое действительно было нарушено. Представляется, что суд не уделил достаточного внимания установлению самого факта причинения морального вреда. Ведь даже если предположить, что истец пользовался у своих знакомых репутацией сугубого профессионала, чуждающегося получения любых материальных выгод иным, кроме осуществления профессиональной деятельности, способом, такое предположение вошло бы в прямое противоречие с фактом предъявления требования о выплате далеко не «символической» суммы компенсации, сопряженного с требованием о сообщении об исходе процесса, а значит, и о полученной в результате процесса «материальной выгоде», в газетах. Кроме того, применение ст. 151 ГК РФ в сочетании со ст. 514 ГК РСФСР требует наличия вины в действиях ответчика хотя бы в форме неосторожности, то есть ответчик не предвидел того, что своими действиями он причинит истцу нравственные страдания, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог это предвидеть. Несмотря на то что бремя отсутствия вины возлагается на правонарушителя, ответчик должен был бы справиться с этой не трудной для него при таких обстоятельствах дела задачей. Также не представляется обоснованным возложение ответственности на банк, который вообще не совершал каких-либо действий, нарушающих права истца. И, наконец, о размере присужденной по данному делу компенсации — 100 млн. руб. Сравним его с размером компенсации по делу № 15, где престарелым родителям, потерявшим в результате неосторожного преступления единственного сына, была присуждена (на двоих) компенсация морального вреда в размере 40 млн. руб., т. е. в два с половиной раза меньше, чем по делу № 21. Если бы оба эти решения были вынесены одним и тем же составом суда, то предположение о справедливости второго решения заставило бы считать первое невероятным кощунством и глумлением над истцами. Однако, поскольку эти дела рассматривались разными судами, эта ситуация не противоречит законодательству, а «всего лишь» кажется несправедливой, что еще раз подчеркивает необходимость установления единой методологии и базиса в подходе судов к определению размера компенсации морального вреда.

Дело № 26[1].

«Государственный служащий К. предъявил к бывшему государственному служащему Л. (оба занимали ответственное положение в системе ор-

[1] Сегодня. 1997. 25 янв.

ганов государственной власти) и газете иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, которые, по мнению К., оказались опорочены в результате распространения не соответствующих действительности сведений. Эти сведения содержались в опубликованном газетой интервью, которое Л. дал корреспонденту газеты. В интервью Л. сделал утверждение о совершенных К. финансовых правонарушениях. К. просил суд обязать Л. опровергнуть распространенные сведения и взыскать с него компенсацию за причиненный моральный вред в размере 1 руб., а также обязать газету опубликовать опровержение и взыскать с нее компенсацию морального вреда в размере 500 млн. руб. Решением суда с Л. взыскано в качестве компенсации морального вреда — 1 руб., с газеты — 100 млн. руб. (Решением суда кассационной инстанции размер взысканной с газеты компенсации был снижен до 100 тыс. руб.)».

Это решение нуждается в комментарии в силу его противоречия требованиям закона. Видимо, ответчикам не удалось доказать соответствие действительности распространенных ими сведений и, таким образом, в данном случае имело место совместное причинение Л. и газетой морального вреда К., т. е. существовала причинная связь между совместными действиями ответчиков и наступившим результатом этих действий — моральным вредом. Этот вред подлежал компенсации. Согласно ст. 1080 ГК РФ, лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно. Солидарная ответственность причинителей вреда означает, что потерпевший вправе требовать возмещения причиненного вреда (в данном случае — компенсации морального вреда) как от всех причинителей совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и частично (п. 1 ст. 323 ГК РФ). Если потерпевший не получит полной компенсации от одного из сопричинителей вреда, он имеет право требовать недополученное от остальных сопричинителей вреда, при этом они остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью (п. 2 ст. 323 ГК РФ).

Итак, по общему правилу ст. 1080 ГК РФ, компенсация должна была быть взыскана с Л. и газеты солидарно. Впрочем, ст. 1080 ГК РФ допускает отступление от этого общего правила: **по заявлению потерпевшего и в его интересах** суд вправе возложить на лиц, совместно причинивших вред, ответственность в долях, определив их применительно к правилам, предусмотренным п. 2 ст. 1081 ГК РФ. Пункт 2 ст. 1081 ГК устанавливает, что причинитель вреда, возместивший совместно причиненный вред, вправе требовать с каждого из других причинителей вреда долю выплаченного потерпевшему возмещения в размере, соответствующем степени вины этого причинителя вреда, а при невозможности определить степень вины доли признаются равными. Допустим, что в данном случае суд решил применить к сопричинителям вреда долевую ответственность. Как показано выше, это возможно при одновременном наличии двух условий: 1) если потерпевший заявляет о возложении на причинителей вреда ответствен-

ности в долях; 2) если это соответствует интересам потерпевшего. Первое условие, несомненно, выполнялось — именно так К. сформулировал исковые требования. Однако второе условие в данном случае отсутствовало. С точки зрения реального взыскания компенсации, солидарная ответственность ставит потерпевшего в более выгодное положение по сравнению с долевой, поскольку все возможности, предоставляемые потерпевшему возложением на причинителей долевой ответственности, с избытком охватываются возможностями, предоставляемыми ему при возложении солидарной ответственности. Если потерпевший не захочет восполь-. зоваться теми возможностями, которые предоставляет ему солидарная от-1 ветственность, в полном объеме, то он вправе по своему усмотрению про-1 изводить взыскание с причинителей в долях, 1

Возможна лишь одна гипотетическая ситуация, при которой возложе-1 ние на причинителей вреда именно долевой, а не солидарной ответственности более соответствует интересам потерпевшего: если потерпевший находится в настолько близких и специальных (например, супружеских! или родственных) отношениях с одним из причинителей вреда, что для! него естественно проявлять заботу об имущественном благополучии та-.) кого причинителя, то потерпевший может опасаться, что его наследник) взыщет по правилам о солидарной ответственности всю присужденную! сумму компенсации именно с этого причинителя вреда, которому впос-) ледствии может оказаться сложно или невозможно произвести обратное! взыскание с остальных причинителей вреда (например, в случае их несо-! стоятельности). Понятно, что в данном случае такие специальные отно-[1] шения между К. и Л. отсутствовали, поэтому возложение долевой ответ-1 ственности в данном случае не соответствует требованиям закона.

Кроме того, в случае возложения долевой ответственности она должна распределяться между причинителями вреда пропорционально степени вины каждого из них, а при невозможности ее определить — поровну. Поскольку, согласно ст. 1100 ГК РФ, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случае, когда вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, при отсутствии вины в действиях всех причинителей вреда ответственность также распределяется поровну между причинителями. Хотя общий размер компенсации в случае опорочения чести, достоинства и деловой репутации не зависит от вины причинителя вреда (ст. 1101 ГК РФ), распределение ответственности между причинителями подчиняется правилу п. 2 ст. 1081 ГК РФ, т. е. пропорционально степени вины каждого из них. Итак, поскольку суд определил общий размер компенсации в 100 000 001 руб., то при отсутствии вины Л. и газеты, а также при невозможности определить степень вины каждого из них с Л. и газеты должно было быть взыскано по 50 000 000 руб. (отбросим 50 копеек). Если в распространении не соответствующих действительности сведений была бы виновна только газета, а степень вины Л. равнялась нулю, то вся компенсация при возложении долевой ответственности дол

жна была бы быть взыскана только с газеты (и наоборот). Отсюда хорошо видны преимущества солидарной ответственности — потерпевший может производить взыскание с газеты даже при отсутствии ее вины, а невозможность для газеты произвести обратное взыскание с виновного автора публикации может создать неблагоприятные имущественные последствия лишь для самой газеты, но не для потерпевшего. Однако решение о взыскании с Л. 1 руб. позволяет предположить, что суд усмотрел наличие вины в действиях Л. Это неудивительно, ведь Л. являлся источником распространенных сведений и, занимая ответственную государственную должность, был обязан проверить соответствие действительности этих сведений и имел для этого большие, чем у газеты, полномочия. При подобных обстоятельствах степень вины Л. не могла составлять одну стомиллионную долю от степени вины газеты, т. е. быть пренебрежимо малой. Но, как показано выше, для возложения долевой ответственности в этом деле вообще нет оснований. Более того, сумма компенсации в один рубль позволяет предположить причинение истцу столь незначительного морального вреда, что это ставит под сомнение обоснованность размера компенсации морального вреда, взысканной со второго ответчика.

Рассмотренное дело дает основание рассмотреть и некоторые процессуальные аспекты дел, связанных с рассмотрением требований о компенсации морального вреда. Как подчеркнул Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г., моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то что он компенсируется в денежной форме. Исходя из этого, Пленум сделал вывод, что государственная пошлина по таким делам должна взиматься в размере, установленном Законом РФ «О государственной пошлине» для требований неимущественного характера. Доводы Пленума представляются достаточно спорными, так как, хотя моральный вред, безусловно, является неимущественным вредом, вытекающее из причинения этого неимущественного вреда требование о взыскании денежной компенсации имеет имущественный характер и должно повлечь взыскание государственной пошлины, исходя из ставок, установленных для имущественных требований. По нашему мнению, более правильным был бы иной подход к этому вопросу.

Согласно ст. 151, 1101 ГК РФ, размер компенсации морального вреда определяется судом. Какой-либо базовый или ориентировочный размер компенсации законом не установлен, как не существует и общей единицы измерения или эквивалента между перенесенными страданиями и денежной единицей. Отсюда следует, что до вынесения судебного решения окончательного размера компенсации морального вреда не существует — он возникнет только с момента вынесения решения судом, и, соответственно, у истца нет права требовать взыскания какого-либо определенного размера компенсации. Это не означает, что истец не может выразить в исковом заявлении свое мнение о следуемом ему размере компенсации,

но это будет лишь мнением истца, но не ценой иска в смысле ст. 126 ГПК РСФСР. Собственно размер компенсации не входит в предмет доказыва-ния по иску о компенсации морального вреда. Предметом доказывания по гражданскому делу является совокупность юридических фактов (юридический состав), образующих основание иска. Основанием иска о компенсации морального вреда является виновное совершение ответчиком противоправного деяния, повлекшего причинение истцу физических или нравственных страданий. Доказыванию, в частности, подлежит характер причиненных страданий, степень вины причинителя вреда, наличие у потерпевшего индивидуальных особенностей, так как эти обстоятельства учитываются судом при определении размера компенсации (ст. 151, 1101 ГК РФ). Предметом иска является субъективное право истца на компенсацию такого вреда в денежной форме. Содержанием же иска является то действие, о совершении которого истец просит суд, т. е. в данном случае:

1) Признать право истца на компенсацию морального вреда в принципе.

2) Определить денежный размер компенсации морального вреда.

3) Взыскать с истца компенсацию в определенном судом размере. Такой способ защиты гражданских прав предусмотрен ст. 12 ГК РФ. В случаях причинения имущественного вреда и вреда жизни и здоровью (в части имущественных последствий) объем и размер возмещения определен законом (ст. 1064, 1082, 1084—1092 ГК РФ). От регулирования размера денежной компенсации морального вреда законодательство, по существу, отказалось, оставив этот вопрос на усмотрение суда. Денежная компенсация за причинение морального вреда призвана вызвать положительные эмоции, которые могли бы максимально сгладить негативные изменения в психической сфере личности, обусловленные перенесенными страданиями. Понятно, степень такого «сглаживания» будет иметь достаточно условный характер, это неизбежно в силу особенностей морального вреда. Можно сделать вывод, что именно в связи с условным в вышеуказанном смысле характером компенсации морального вреда законодатель отказался от прямого регулирования его конкретного размера, оставив этот вопрос на усмотрение суда. Именно поэтому у истца нет субъективного права требования компенсации морального вреда в заранее определенном размере, он может лишь требовать, чтобы суд определил этот размер и вынес решение о соответствующем взыскании с ответчика. Возможна ситуация, при которой правонарушитель не оспаривает виновность и противоправность своего действия, не отрицает факта причинения морального вреда и согласен произвести его компенсацию, но считает невозможным компенсировать вред до тех пор, пока размер компенсации не определен судом, так как до вынесения решения по делу у потерпевшего отсутствует право на определенный размер компенсации. В принципе, нельзя исключить возможность обращения потерпевшего к суду с заявлением об определении размера компенсации морального вре

да. Если при причинении имущественного вреда любого вида (повреждение вещи, утрата дохода и т. п.) его размер объективно существует (как и сам вред) в виде цены вещи или размера дохода, уточненных в торговой организации или из соответствующих документов, ведь цена в конечном счете отражает объем трудозатрат, связанных с изготовлением материального объекта (а в более сложных случаях, например, в отношении предметов искусства — путем экспертной оценки), то в отношении компенсации за страдания законодатель отвел роль «эксперта» суду. Поэтому в случае компенсации морального вреда в добровольном порядке возместивший вред никогда не может быть уверен в отсутствии в последующем каких-либо претензий со стороны потерпевшего и не «застрахован» от определения судом совершенно иного размера компенсации. Сказанное не означает, что автор выступает против добровольной компенсации морального вреда, но является предупреждением о том, что добровольная выплата компенсации не препятствует потерпевшему предъявить иск о компенсации морального вреда, поэтому следует надлежащим образом оформлять добровольную выплату компенсации путем заключения досу-дебного мирового соглашения. В нем, в частности, должно быть отражено: потерпевший всесторонне оценивает глубину перенесенных им к моменту достижения соглашения и могущих быть перенесенными в будущем страданий; сознает, что решением суда мог бы быть определен как более высокий, так и более низкий размер компенсации; считает себя полностью удовлетворенным в случае ее выплаты в соответствии с условиями соглашения.

Применительно к уплате госпошлины изложенное означает, что иск о компенсации морального вреда имеет цену, но она в момент предъявления иска не существует и определяется судом при разрешении дела. Поэтому, пользуясь терминологией Закона РФ «О государственной пошлине», исковые заявления о компенсации морального вреда имеют имущественный характер, но не подлежат оценке **в момент их предъявления;** при подаче заявления нужно взыскивать соответствующую фиксированную госпошлину (т. е. 10 процентов от минимального размера оплаты труда), считая этот размер госпошлины, в порядке аналогии со ст. 84 ГПК РСФСР, предварительно установленным судьей с последующим довзыс-канием «сообразно цене иска, определенной судом при разрешении дела». Если суд откажет во взыскании компенсации морального вреда, то есть признает отсутствие у истца права на нее и, следовательно, не приступит к определению ее размера, то это означает, что исковое заявление, которое не подлежало имущественной оценке на момент предъявления иска, осталось таковым и на момент вынесения решения по делу. Уплаченная госпошлина в этом случае возврату не подлежит. Если суд признает право истца на компенсацию морального вреда и, определив размер компенсации, взыщет ее с ответчика, расходы по оплате госпошлины должны быть взысканы с ответчика в пользу истца в размере предварительно уплаченной госпошлины, а в остальной части — в доход государства. При этом

сумма госпошлины определяется сообразно взысканной сумме компенсации по ставкам, установленным для исковых заявлений имущественного характера, подлежащих оценке. Если окончательная сумма госпошлины окажется меньше внесенной истцом при подаче искового заявления (что на практике будет встречаться крайне редко, только при взыскании символической компенсации, как в вышеприведенном примере — 1 руб.), то излишне внесенная госпошлина должна быть возвращена истцу.

Поскольку, как было отмечено выше, выраженное истцом мнение о размере компенсации не образует цену иска в смысле ст. 126 ГПК РСФСР, по тем же причинам какие-либо изменения во мнении истца по этому поводу, выраженные письменно или устно в процессе производства по делу в суде первой инстанции, не являются увеличением или уменьшением размера исковых требований в смысле ст. 34 ГПК РСФСР. По тем же причинам определение судом компенсации морального вреда в размере большем, чем указывает истец, не выходило за пределы исковых требований в порядке ст. 195 ГПК РСФСР.

Это не означает, что мнение истца о размере компенсации вообще не имеет правового значения. С позиций процессуального права это один из видов доказательств, а с позиций материального права мнение истца о размере компенсации следует относить к числу «иных заслуживающих внимания обстоятельств» (ст. 151 ГК РФ). Каким образом суду следует учитывать это обстоятельство? Нет оснований не считать заявленный истцом размер косвенно подтверждающим глубину перенесенных им страданий, но суду при оценке мнения истца следует учитывать, что оно носит субъективный характер. Поэтому нет никаких препятствий к определению меньшего, по сравнению с заявленным истцом, размера компенсации. Но назначать размер компенсации больший, чем заявил истец, суд не должен, в том числе и при предъявлении исков о взыскании символических сумм компенсации. Следует исходить из предположения о том, что, в силу специфики морального вреда и предназначения компенсации для сглаживания перенесенных потерпевшим страданий, требование символического размера компенсации свидетельствует (в подавляющем большинстве случаев) либо о незначительности перенесенных страданий, либо о нежелании истца в действительности защищать свои права путем взыскания компенсации морального вреда, что полностью соответствует принципу свободы лица в осуществлении и защите гражданских прав по своему усмотрению.

Поскольку мы коснулись применения института компенсации морального вреда в бюджетных и налоговых правоотношениях, рассмотрим здесь же некоторые вопросы, связанные с применением этого института в законодательстве о налогообложении физических лиц и, в частности, в Инструкции Государственной налоговой службы РФ (далее — ГНС РФ) № 35 от 29 июня 1995 г. «По применению Закона Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц» (далее — Инструкции). Возни

кало большое количество вопросов и споров в связи с попытками налоговых органов включать любые суммы компенсации морального вреда в облагаемый доход гражданина. Позиция налоговых органов была выражена ими, в частности, в письмах ГНС РФ № 08-1-06/737 от 04.07.96 и № ПВ-6-08/58 от 20.01.97.

Такая ситуация неудивительна, поскольку она была связана не только с неудачным изложением подпункта «д» п. 8 Инструкции в редакции от 11.07.96, но и с некоторым несоответствием этого подпункта Инструкции подпункту «д» п. 1 ст. 3 Закона РФ «О подоходном налоге с физических лиц». Обратим внимание, что Инструкция может лишь детализировать, конкретизировать и разъяснять положения Закона, но не противоречить ему. В случае противоречия применению подлежат нормы Закона. В основном это касается круга субъектов, определенных в этих подпунктах Закона и Инструкции. Так, Закон устанавливает, что не включаются в облагаемый доход все виды установленных законодательством компенсационных выплат **любым физическим лицам** в пределах норм, утвержденных законодательством, если эти выплаты связаны с наступлением определенных в Законе случаев; Инструкция же давала основания предположить, что упомянутый круг лиц включает в себя лишь **работников,** и, соответственно, указанные в подпунктах «в» и «д» п. 8 выплаты не должны были включаться в облагаемый доход лица только в случае, если они произведены его работодателем. Подпункт *«л»* п. 1 ст. 3 Закона подобного ограничения не предусматривает. Как указывалось выше, применению в этом случае подлежит норма Закона. Из числа упомянутых в подпункте «д» п. 1 ст. 3 Закона случаев, компенсация морального вреда (если относить ее к компенсационным выплатам в смысле этой нормы) может иметь место в случае причинения вреда жизни или здоровью гражданина. Это означает, что сумма компенсации морального вреда, причиненного нарушением иных, кроме жизни и здоровья, прав и благ (честь, достоинство, свобода передвижения и т. п., права потребителей), очевидно, должна включаться в облагаемый доход.

В вышеупомянутых письмах ГНС РФ указывалось, что выплаты в возмещение морального вреда не относятся к компенсационным для целей налогообложения, если такие выплаты не предусмотрены законодательными актами РФ. Это указание основывалось на аналогичном абзаце подпункта «д» пункта 8 Инструкции в редакции от 11.07.96. Однако содержание этого абзаца могло быть истолковано лишь как основание для расширения круга выплачиваемых в качестве компенсации морального вреда сумм, поскольку разве сам ГК РФ с содержащимися в нем нормами о компенсации морального не относился к таким законодательным актам? Конечно, относился. Впрочем, 27.03.97 Инструкция подверглась очередным изменениям, вышеупомянутый абзац из подпункта «д» пункта 8 исключен, а в остальной части этот подпункт приведен в соответствие с Законом.

Итак, мы установили, что сумма компенсации морального вреда в случае причинения вреда здоровью или жизни потерпевшего (в последнем

случае — членам семьи кормильца) не должна включаться в облагаемый доход. Полностью или частично? В принципе, в подпункте «д» указывается, что компенсационные выплаты не включаются в облагаемый доход в **пределах норм,** установленных законодательством. Однако, как отмечалось выше, для компенсации морального вреда законодатель таких пределов не установил — следовательно, вся сумма компенсации должна исключаться из облагаемого дохода. Вряд ли можно ожидать установления подобных пределов и в ближайшем будущем, поскольку это потребовало бы внесения в Гражданский кодекс РФ весьма существенных изменений в части подхода к определению размера компенсации морального вреда.

Перейдем к вопросу о порядке установления и выплаты компенсации. Поскольку закон устанавливает, что размер компенсации морального вреда определяется судом (ст. 151 ГК РФ), могут возникнуть сомнения относительно допустимости исключения из облагаемого дохода суммы компенсации, полученной во внесудебном порядке. При решении этого вопроса следует исходить из того, что компенсация морального вреда остается таковой независимо от того, в судебном или внесудебном порядке произведена ее выплата. Например, ст. 61 Уголовного кодекса РФ предусматривает именно **добровольное** возмещение морального вреда в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Единственное основание для применения некоего предельного размера компенсации в отношении налоговых последствий могло бы быть установлено только законодательством, но в настоящее время такое основание законодательством не установлено. Таким образом, в целях налогообложения размер компенсации морального вреда может следовать как из судебного решения (в случае спора между сторонами), так и из внесудебного соглашения между при-чинителем вреда и потерпевшим о добровольной компенсации морального вреда. Презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 3 ст. 10 ГК РФ) распространяется и на определение размера компенсации морального вреда. В случае, если налоговые органы усматривают в действиях участников соглашения о добровольной компенсации морального вреда злоупотребление правом или иное неправомерное действие, они вправе предъявить в суд иск о признании такого соглашения недействительным.

Раздел 4 Совершенствование института компенсации морального вреда в российском праве

Глава 1 Методика оценки размера компенсации морального вреда

Проведенный в предыдущих главах обзор и анализ законодательства и судебной практики России, Англии, США и Германии в части компенсации морального вреда показывает большое сходство возникающих при применении этого правового института проблем. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие детального законодательного регулирования института компенсации морального вреда не только в странах прецедент-ного права, где это предопределяется особенностями самой правовой системы этих государств, но и в стране статутного права — Германии. В то же время большую (если не сказать определяющую) роль в развитии и совершенствовании этого правового института играют судебная практика и доктринальные толкования. Как мы видели, компенсация морального вреда применяется в рассмотренных правовых системах как способ правовой защиты в основном личных неимущественных прав и благ, причем перечень защищаемых путем компенсации морального вреда благ имеет постоянную тенденцию к расширению путем судебного толкования, причем в России этот перечень не меньше, чем в развитых правовых государствах. Обращает на себя внимание явно прослеживающаяся в судебной практике тенденция к упорядочению при определении размеров компенсации, что достигается в Англии путем введения таблиц для определения размеров компенсации морального вреда, причиненного умышленными преступлениями, а в Германии — выработанным судебной практикой предписанием ориентироваться на ранее вынесенные судебные решения по делам, связанным с сопоставимыми правонарушениями. Ввиду казу-истичности оснований ответственности за причинение морального вреда по неосторожности определение размера компенсации в англо-американском праве формально не упорядочено, что подвергается критике в правоведческой среде, но необходимость подчиняться прецедентам при разрешении вопроса о наличии оснований ответственности фактически приводит к тому, что судья принимает во внимание и размер компенсации морального вреда, присужденный ранее в сходном деле.

Иная ситуация складывается в отношении определения размера компенсации морального вреда в российской правоприменительной практике. Проблема отсутствия точно сформулированных критериев оценки размера компенсации морального вреда и общего метода количественной оценки размера компенсации порождала сложности. Эта ситуация усугубляется как отсутствием каких-либо значимых рекомендаций или разъяснений Верховного Суда по этому вопросу, так и введением в действие с 1 марта 1996 г. ч. II Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), где в ст. 1099—1101 были установлены дополнительные требования, подлежащие учету судами при определении размера компенсации. Единственное пока посвященное вопросам компенсации морального вреда Постановление Пленума Верховного Суда^ РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации! морального вреда» от 20 декабря 1994 г. не содержит указаний, позволяющих суду обоснованно определять размер компенсации при разрешении[1] **конкретного** дела. При исследовании этой темы автором обсуждался с *су-*. дьями вопрос о проблемах, возникающих у них при рассмотрении дел, связанных с компенсацией морального вреда. Судьи в подавляющем большинстве сообщали, что они «не любят» дела о компенсации вреда и1 чувствуют себя нелепо, так как вынуждены либо пассивно и немотивированно следовать за требованиями истцов или столь же немотивированно, отклоняться от этих требований и присуждать иные суммы компенсации. Основную причину такого положения судьи видят в отсутствии общей методологии и базиса для определения размера компенсации. Поэтому одной из основных целей настоящей работы является проведение анализа установленных в ГК РФ критериев оценки размера компенсации морального вреда и предложение общего метода применения указанных критериев в судебной практике при определении размера компенсации.

В ст. 151 ГК РФ законодатель установил ряд критериев, которые должны учитываться судом при определении размера компенсации морального вреда:

— степень вины нарушителя;

— степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред;

— иные заслуживающие внимания обстоятельства. С введением в действие ч. II ГК РФ эти критерии были дополнены критериями, установленными в ст. 1101 ГК РФ:

— характер физических и нравственных страданий, который должен оцениваться с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего;

— требования разумности и справедливости.

Поскольку из содержания ст. 1099 ГК РФ следует, что размер компенсации морального вреда должен определяться по правилам ст. 151,1101 ГК РФ, рассмотрим, какие критерии оценки размера компенсации определяются совокупным применением этих норм.

Одним из критериев является, как было указано выше, **степень вины**

причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Перечень случаев, когда вина не является основанием ответственности, указан в ст. 1100 ГК РФ.

Следующими критериями являются **степень и характер физических и нравственных страданий потерпевшего,** которые, как следует из анализируемых норм, должны приниматься во внимание во взаимосвязи с рядом других обстоятельств. Так, законодатель предписывает учитывать **степень страданий,** связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего (ст. 151 ГК РФ). Такая формулировка может дать основания для предположения, что возможно причинение неправомерным деянием иных, не связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего страданий, но их степень не следует учитывать при определении размера компенсации, однако подобный вывод вряд ли следует считать соответствующим действительным намерениям законодателя. Под степенью страданий следует понимать **глубину** страданий («глубина страданий» — возможно, не очень хорошее сочетание, но именно в таком смысле мы говорим, испытывая, например, боль, — «слабая боль», «терпимая боль», «сильная боль», «нестерпимая боль», что определяет, насколько глубоко мы при этом страдаем). При этом глубина страданий человека зависит в основном от вида того неимущественного блага, которому причиняется вред, и степени его умаления, а индивидуальные особенности потерпевшего могут повышать или понижать эту глубину (степень). Поэтому во внимание должны приниматься как «средняя» глубина страданий (презюмируемый моральный вред, как мы назовем ее ниже), так и обусловленное индивидуальными особенностями потерпевшего отклонение от нее, что даст возможность суду учесть действительный моральный вред и определить соответствующий ему размер компенсации. Таким образом, индивидуальные особенности потерпевшего в смысле ст. 151, 1101 ГК РФ — это подлежащее доказыванию обстоятельство, которое суд должен устанавливать предусмотренными процессуальным законодательством способами и принимать во внимание для оценки действительной глубины (степени) физических или нравственных страданий и определения соответствующего размера компенсации. Итак, упоминание законодателем степени страданий, связанной с индивидуальными особенностями потерпевшего, предполагает наличие некоей средней глубины страданий, но об ее учете законодатель не делает специального указания, поскольку наличие страданий, т. е. морального вреда — это необходимое условие возникновения права на компенсацию морального вреда вообще, и законодатель делает акцент на те критерии, которые позволяют определить размер компенсации применительно к конкретному делу.

Таким образом, необходимым критерием размера компенсации во всех случаях будет средняя глубина страданий, или **презюмируемый моральный** вред для определенного вида правонарушения.

Презюмируемый моральный вред — это страдания, которые, по общему представлению, **должен** испытывать (т. е. не может не испытывать)

«средний», «нормально» реагирующий на совершение в отношении него противоправного деяния человек. По существу, презюмируемый моральный вред отражает в себе общественную оценку противоправного деяния. Так, например, если по телевидению сообщается информация о совершенном преступлении против личности или ином правонарушении, умаляющем принадлежащие человеку личные неимущественные блага, то у каждого человека, составляющего неопределенно большую телевизионную аудиторию, сложится представление о глубине страданий (моральном вреде), перенесенных потерпевшим. Поскольку в данном случае для подавляющего большинства аудитории потерпевший представляет собой абстрактную личность, в основе выносимого каждым составляющим аудиторию лицом суждения будут лежать его предположения о той глубине страданий, которую само это лицо перенесло бы в случае совершения в отношении него соответствующего противоправного деяния. Разумеется, оценки отдельно взятых лиц несколько различались бы, однако усредненная оценка имела бы наиболее объективный характер. Оценка глубины страданий такой аудиторией выражалась бы в качественных критериях (сильные, не очень сильные, незначительные и т. п. страдания), но если бы каждому при этом был задан вопрос: «Какая сумма денежных средств должна быть выплачена потерпевшему для полного сглаживания перенесенных страданий?», то среднее значение названных в ответах сумм следовало бы считать наиболее справедливой количественной оценкой **размера компенсации презюмируемого морального вреда.** Он мог бы явиться основой для определения размера компенсации **действительного** морального вреда путем учета всех особенностей конкретного случая. Однако проведение массовых опросов в целях выявления размера компенсации презюмируемого морального вреда вряд ли возможно и целесообразно, поэтому в настоящей работе предлагается иной метод оценки размера компенсации, на чем более подробно мы остановимся ниже.

Перейдем к анализу критерия «характер физических и нравственных страданий». Вряд ли под характером страданий может пониматься что-либо иное, чем их вид. Для целей компенсации морального вреда законодатель подразделил страдания как общее понятие на нравственные и физические страдания. Исходя из требования оценивать при определении размера компенсации характер **физических и нравственных** страданий, можно предположить, что законодатель намерен поставить размер компенсации в зависимость от видов как физических, так и нравственных страданий. Под **видами физических страданий** можно понимать боль, удушье, тошноту, головокружение, зуд и другие **болезненные симптомы (ощущения),** под **видами нравственных страданий** — страх, горе, стыд, беспокойство, унижение и другие **негативные эмоции.** Характер физических и нравственных страданий в таком понимании можно было бы учитывать и оценивать, если бы законодатель оказался в состоянии установить некую количественную соотносительность между их вышеперечисленными разновидностями. Однако не представляется возможным и целесообразным ни теоретически, ни практически ввести какое-либо объективное соотноше

ние между тошнотой и удушьем, зудом и головокружением, страхом и горем, стыдом и унижением. По нашему мнению, «учитывать» характер физических страданий можно лишь принятием во внимание тех нравственных страданий, которые могут оказаться с ним сопряжены (например, ощущение удушья может сопровождаться негативной эмоцией в виде страха за свою жизнь). Поэтому, на наш взгляд, для определения размера компенсации следует учитывать не вид (характер) нравственных или физических страданий, а характер и значимость тех нематериальных благ, которым причинен вред, поскольку именно их характер и значимость для человека и определяют величину причиненного морального вреда. Метод и принципы такого учета будут рассмотрены ниже.

Упоминание в ст. 1101 ГК РФ об оценке характера физических и нравственных страданий с учетом **фактических обстоятельств,** при которых был причинен моральный вред, не привносит чего-либо существенно нового по сравнению со ст. 151 ГК РФ, поскольку фактически дублирует установленное в ней требование учета всех заслуживающих внимания обстоятельств, связанных с причинением морального вреда. Сравнительный анализ этих норм показывает, что учитывать в целях определения размера компенсации следует не все фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, а только заслуживающие внимания для определения размера компенсации. Их перечень дифференцируется в зависимости от вида неимущественных благ, затронутых правонарушением.

Далее рассмотрим указанные в ст. 1101 ГК РФ совершенно новые (по сравнению с ранее действовавшим законодательством) критерии — требования **разумности и справедливости.** На первый взгляд это кажется несколько необычным и даже странным, будучи применено к отдельному институту гражданского права — компенсации морального вреда, так как трудно предположить, что законодатель не предъявляет подобного требования к судебному решению по любому делу. Анализ ст. 1101 ГК РФ в части требований разумности и справедливости целесообразно проводить с учетом п. 2 ст. 6 ГК РФ, устанавливающего правила применения аналогии права. Согласно этой норме, при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, **разумности и справедливости.** В принципе, эти понятия, «каучуковые», как они метко названы в юридической литературе[1], представляют собой своего рода «опору», которой суд мог воспользоваться в случае пробела в законе, а также для того, чтобы дать больший простор судейскому усмотрению при решении конкретного дела. Не случайно, компенсация морального вреда оказалась единственным граждан-ско-правовым институтом (понятие разумности содержится также в ст. 10 ГК РФ, но имеет там иное содержание), где законодатель специально

[1] **Брагинский М.И.** Осуществление и защита гражданских прав. Представительство. Доверенность//Вестник Верховного суда РФ, 1995. № 7. С. 11.

предписал учитывать требования разумности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда. Какой же смысл вкладывает законодатель в эти понятия в данном случае? Очевидно, прежде всего принималось во внимание, что нет инструментов для точного измерения абсолютной глубины страданий человека, а также оснований для выражения их глубины в деньгах. Лишь компенсация за перенесенные страдания может быть выражена в деньгах, т. е. своеобразный штраф, взыскиваемый с причинителя вреда в пользу потерпевшего и предназначенный для сглаживания негативного воздействия на психику потерпевшего перенесенных в связи с правонарушением страданий. Поскольку глубина страданий не поддается точному измерению, а в деньгах неизмерима в принципе, то невозможно говорить о какой-либо эквивалентности глубины страданий размеру компенсации. Однако разумно и справедливо предположить, что большей глубине страданий должен соответствовать больший размер компенсации, и наоборот, т. е. ее размер должен быть адекватен перенесенным страданиям.

Неразумно и несправедливо было бы присудить при прочих равных обстоятельствах (равной степени вины причинителя вреда, отсутствии существенных индивидуальных особенностей потерпевшего и других заслуживающих внимания обстоятельств) компенсацию лицу, перенесшему страдания в связи с нарушением его личного неимущественного права на неприкосновенность произведения, в размере равном или большем, чем размер компенсации, присужденной лицу, перенесшему страдания в связи с нарушением его личного неимущественного права на здоровье, выразившемся в утрате зрения или слуха (обобщение судебной практики позволяет сделать вывод о том, что подобные случаи нередки), причем такая ситуация будет одинаково неразумной и несправедливой независимо от того, одним и тем же или разными судебными составами вынесены такие решения. Поэтому требование о соблюдении разумных и справедливых соотношений присуждаемых по разным делам размеров компенсации морального вреда следует рассматривать как обращенное к суду. Если бы на территории РФ действовал один судебный состав, рассматривающий все иски, связанные с компенсацией морального вреда, требование разумности и справедливости могло бы быть достаточно легко выполнимо. Вынося свое первое решение о компенсации морального вреда, судебный состав тем самым установил бы для себя определенный неписаный базисный уровень размера компенсации, опираясь на него, выполнял бы требования разумности и справедливости при вынесении всех последующих решений. Однако, как известно, такая гипотетическая ситуация в действительности недостижима, так как в России действует большое количество судов и еще большее — судебных составов. Следовательно, требование разумности и справедливости применительно к определению размера компенсации морального вреда следует считать обращенным не только к конкретному судебному составу, но и к судебной системе в целом. Поэтому должны существовать **писаные,** единые для всех судов базисный уровень размера компенсации и методика определения ее окончательного размера; придерживаясь их, конкретный судебный состав сможет определять

размер компенсации так, как предписывает закон, т. е. с учетом требований разумности и справедливости. Поскольку законодатель отказался от нормативного установления базисного уровня и методики определения размера компенсации (ибо обозначенные законодателем критерии, в силу их «каучу-ковости», совершенно не помогают суду обосновать хотя бы для самого себя указываемый в решении размер компенсации) и, таким образом, предоставил этот вопрос усмотрению суда, то этим судом следует считать Верховный Суд РФ, который должен, в порядке обеспечения единообразного применения законов при осуществлении правосудия, предложить судам общий подход к определению размера компенсации морального вреда, оставляя при этом достаточный простор усмотрению суда при решении конкретных дел.

Вероятно, могут быть предложены различные базисные уровни размера компенсации морального вреда и методы определения ее размера. Предлагаемый автором метод основывается на том, что, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, права и свободы человека являются высшей ценностью, и государство, выполняя свою обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека, устанавливает способы их охраны и защиты в различных отраслях права. Наиболее жесткой мерой ответственности, применяемой государством за совершение правонарушения, является уголовное наказание, поэтому можно предположить, что соотношения максимальных санкций норм уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за преступные посягательства на права человека, наиболее объективно отражают соотносительную значимость охраняемых этими нормами благ. Поэтому представляется целесообразным использовать эти соотношения для определения соразмерности компенсаций презюмируемого морального вреда при нарушениях соответствующих прав. Можно заранее согласиться с тем, что они будут иметь достаточно условный характер, но вряд ли в большей степени, чем размеры санкций за различные преступления и соотношения между ними. Выплата имущественной компенсации за неимущественный вред всегда будет нести в себе элемент условности ввиду отсутствия общих «единиц измерения» материальной и нематериальной субстанций. Представляется, такой подход позволяет оптимально учесть требования **справедливости** в смысле ст. 1101 ГК РФ, ибо ничто не бывает велико или мало само по себе, но лишь одно в сравнении с другим. Установленное в ст. 1101 ГК РФ требование **разумности** имеет отношение скорее к базисному уровню размера компенсации морального вреда, который позволил бы разработать соотносительную шкалу размеров компенсаций презюмируемого морального вреда для различных видов правонарушений. Предлагаемый автором базисный уровень размера компенсации определяется применительно к страданиям, испытываемым потерпевшим при причинении тяжкого вреда здоровью, и составляет 720 минимальных размеров заработной платы (далее — МЗП), исходя из МЗП, установленного законодательством по состоянию на момент вынесения судом решения по делу. 720 МЗП — это заработок физического лица за 10 лет при размере месячного заработка 6 МЗП. Анализ налогового законодательства

показывает, что установление именно такого среднемесячного заработка физического лица в настоящее время в наибольшей степени стимулируется налоговым законодательством. Применение этого базисного уровня и упомянутых выше соотношении максимальных санкций норм уголовного кодекса позволяет разработать таблицу размеров компенсации презюмируемого морального вреда применительно к различным видам нарушений прав личности. Базисный размер компенсации и таблица будут подвергаться корректировке при соответствующих изменениях законодательства, если они дадут основания полагать, что иной размер компенсации будет более разумным.

В приводимой ниже таблице показаны определенные на основе предлагаемого метода размеры компенсации презюмируемого морального вреда **для** различных видов правонарушений. Поскольку не все виды правонарушений влекут уголовную ответственность, то размер компенсации презюмируемого морального вреда для не являющихся преступлениями правонарушений принимался равным размеру компенсации того же вреда для видов преступлений, влекущих, по нашему мнению, сходную глубину страданий. Так, моральный вред при нарушении имущественных прав потребителей, а также причинении морального вреда незаконными действиями и решениями органов власти и управления принимался соответствующим моральному вреду при уголовно наказуемом обмане потребителей. Разумеется, моральный вред, причиненный незаконными действиями органов власти и управления, будет значительно различаться в зависимости от их характера и сопутствующих конкретному правонарушению обстоятельств, при рассмотрении конкретного дела это может быть учтено путем применения повышающих или понижающих коэффициентов, которые будут приведены ниже. Таблица рассчитана применительно к УК РФ от 13 июня 1996 г.

Таблица 1 Размеры компенсации презюмируемого морального вреда

Вид правонарушения	Размер компенсации презюмируемого морального	
	От ед	МЗ
1	2	3
Причинение тяжкого вреда здоровью	0,8	57
То же, совершенное с особой жестокостью, издевательствами или мучениями	1,0	72
Причинение средней тяжести вреда здоровью	0,3	21
То же, совершенное с особой жестокостью, издевательствами или мучениями	0,5	36
Причинение легкого вреда здоровью	0,0	24
Нанесение побоев	0,0 25	18

1	2	3
Истязание	0,3	216
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	0,2	144
Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации	0,4	288
То же, совершенное в отношении зависимого или беспомощного лица	0,5	360
Заражение венерической болезнью	0,0	36
Заражение ВИЧ-инфекцией	0,5	360
Неоказание помощи больному, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью больного	0,0	24
То же, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью больного	0,3	216
Похищение человека	0,8	576
То же, с причинением физических страданий	1,0	720
То же, повлекшее тяжкий или средней тяжести вред здоровью	1,5	108
Незаконное лишение свободы (за один день)	0.3	216
То же, с причинением физических страданий	0,5	360
То же, повлекшее тяжкий или средней тяжести вред здоровью	0,8	576
Незаконное помещение в психиатрический стационар (за один день)	0,3	216
То же, причинившее тяжкий или средней тяжести вред здоровью	0,7	504
Распространение ложных порочащих сведений	0,0	24
То же, в средстве массовой информации	0,0	36
То же,соединенное с обвинением в совершении тяжкого преступления	0,3	216
Оскорбление	0,0	12
То же, в средстве массовой информации	0,0	24
Половое сношение или иные насильственные действия сексуального характера с применением насилия, угроз или использованием беспомощного состояния потерпевшего	0,6	432
То же, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	1,0	720
То же, повлекшее тяжкий вред здоровью или заражение ВИЧ-инфекцией	1,5	108
Понуждение к действиям сексуального характера путем шантажа или угроз	0,1	72
Дискриминация гражданина	0,2	144
Нарушение неприкосновенности частной жизни	3 0,0	24

1	2	3
Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых или иных сообщений	0,	24
Нарушение неприкосновенности жилища	0,	18
То же, с применением насилия или угроз	0,	14
Неправомерный отказ в предоставлении информации	0,	18
Воспрепятствование осуществлению избирательных прав	0,	24
Незаконный отказ в приеме на работу	0,	24
Незаконное увольнение	0,	72
Иное нарушение трудовых прав	0,	36
Нарушение неимущественных прав авторов и изобретателей	0,	14
Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий	0,	18
Разглашение тайны усыновления и искусственного оплодотворения	0,	14
Подмена ребенка	0,	36
Нарушение имущественных прав потребителей	0,	36
То же, причинившее значительный ущерб	0.	14
Причинение смерти близкому родственнику	0.	21
То же, совершенное с особой жестокостью	0,	57
Надругательство над телом или местом захоронения близкого родственника	0,	18
Привлечение невиновного к уголовной ответственности	0,	36
То же,соединенное с обвинением в совершении тяжкого преступления	1,	72
Осуждение невиновного	0,	28
То же, повлекшее тяжкие последствия	1,	72
Незаконное задержание	0,	14
Незаконное заключение под стражу или содержание под стражей (за один день)	0,	28
Иное незаконное ограничение свободы (за один день)	0,	7,
Принуждение к даче показаний	0,	21
То же,соединенное с применением насилия, издевательств или пытки	0,	57
Иное ущемление прав и свобод гражданина неправомерными действиями и решениями органов власти и управления	0,	36
То же, повлекшее существенный вред	0,	14
	20	4

Примечание: незаконное содержание под стражей или иное ограничение свободы в состав тяжких последствий незаконного осуждения не входит и влечет самостоятельную ответственность за причинение морального вреда.

При рассмотрении конкретного дела в результате учета вышеуказанных критериев (за исключением требований разумности и справедливости, которые оказываются заранее учтенными при применении этого метода) итоговый размер компенсации может как уменьшиться, так и увеличиться по сравнению с размером компенсации презюмируемого морального вреда, образуя, таким образом, **размер компенсации действительного морального вреда.** При этом, по нашему мнению, размер компенсации действительного морального вреда не должен превышать размер компенсации презюмируемого морального вреда более чем в четыре раза, что позволяет зафиксировать применительно к отдельным видам правонарушений максимальный уровень размера компенсации. В сторону уменьшения размер компенсации действительного морального вреда может отклоняться от размера компенсации презюмируемого морального вреда неограниченно, вплоть до полного отказа в компенсации морального вреда. Такой подход представляется оправданным, так как он, с одной стороны, устанавливает определенные ориентиры и пределы для правоприменителя, оставляя вместе с тем достаточную свободу для судебного усмотрения и учета особенностей конкретного дела в установленных пределах, и, с другой стороны, учитывает, что человеческая психика имеет определенный «пороговый» уровень реагирования страданиями на негативные внешние воздействия, по превышении которого дальнейшего увеличения степени страданий не происходит.

Необходимо упомянуть еще два критерия оценки размера компенсации морального вреда — **степень вины потерпевшего и имущественное положение гражданина — причинителя вреда.** Использование этих критериев основано на ст. 1083 ГК РФ, применяемой к возмещению любых видов вреда, и не имеет каких-либо особенностей применительно к компенсации морального вреда. Степень вины потерпевшего при наличии в его действиях грубой неосторожности, содействовавшей возникновению или увеличению вреда, является обязательным критерием оценки судом размера компенсации морального вреда, в то время как имущественное положение гражданина — причинителя вреда — это факультативный критерий, его применение является не обязанностью суда, а его правом проявить снисхождение к причинителю вреда, приняв во внимание его имущественное положение при определении окончательного размера подлежащей выплате компенсации.

Для облегчения учета критериев компенсации морального вреда можно рекомендавать применение формулы, объединяющей их, для целей определения размера компенсации действительного морального вреда:

D=dxf,xixcx(l— O

В этой формуле приняты следующие обозначения:

D — размер компенсации действительного морального вреда;

d — размер компенсации презюмируемого морального вреда;

1,, — степень вины причинителя вреда, при этом 0 $ f, < 1;

i — коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего, при этом 0 < i < 2;

c — коэффициент учета заслуживающих внимания фактических обстоятельств, при этом 0 $ c $ 2;

f, — степень вины потерпевшего, при этом 0 $ f,< 1.

Примечание: автор предпочитает, в соответствии с общепринятой практикой, использовать в формуле буквы латинского алфавита и поэтому при выборе символов исходит из англоязычного варианта применяемых терминов:

D, d — damage (ущерб);

f— fault (вина);

v — violator (нарушитель, причинитель вреда);

s — survivor (потерпевший);

i — individual (индивидуальный);

c — circumstances (обстоятельства).

Как видно из приведенной формулы, максимальный размер компенсации действительного морального вреда равен четырехкратному размеру компенсации презюмируемого морального вреда.

При использовании формулы можно сделать следующие допущения относительно степени вины причинителя вреда:

f„ = 0,25 при наличии простой неосторожности;

fy= 0,5 при наличии грубой неосторожности;

f„ = 0,75 при наличии косвенного умысла;

f„ = 0,5 при наличии прямого умысла.

Поскольку вина потерпевшего fs учитывается в целях снижения размера компенсации только при наличии в его действиях грубой неосторожности, ее значение можно принимать равным 0,5 (f; = 0,5). Эти допущения могут быть использованы, если суд не найдет оснований для применения иных значений этих критериев в установленных пределах. Степень вины потерпевшего f, при наличии любого вида умысла потерпевшего должна приниматься равной 1, что тождественно отказу в компенсации морального вреда (п. 1 ст. 1083 ГК РФ).

Как видим, в эту формулу не включены какие-либо критерии, отражающие учет требований разумности и справедливости, так как при применении предлагаемого метода требования разумности и справедливости оказываются учтенными заранее в величине размера компенсации презюмируемого морального вреда. Нецелесообразно было бы связывать с применением формулы имущественное положение причинителя вреда, так как это обстоятельство никак не связано ни с самим правонарушением, ни с перенесенными потерпевшим страданиями. При этом следует иметь в виду, что учет имущественного положения причинителя вреда может повлечь лишь снижение размера компенсации, но не отказ в ее взыскании. В случае причинения вреда умышленными действиями учет имущественного положения причинителя вреда не допускается, но в то же время возможность введения этого коэффициента нельзя полностью исключить. Он мог бы учитываться при определении размера компенсации в последнюю очередь, после учета всех вышеназванных критериев. Тогда формула приобретала бы следующий вид:

D=dxf,xixcx (l-ö x p

Здесь символом p (property — имущество) обозначен коэффициент учета имущественного положения причинителя вреда, который, по нашему мнению, должен быть помещен в пределы от 0,5 до 1 (0,5 < p < l).

Что касается критериев учета индивидуальных особенностей потерпевшего и заслуживающих внимания обстоятельств причинения морального вреда, то они проявляют наиболее сильную зависимость от вида правонарушения. Хотя некоторые из этих особенностей и обстоятельств являются общими для всех видов правонарушений (так, добровольная компенсация правонарушителем причиненного морального вреда или совершение им иных действий, направленных на сглаживание причиненных страданий, всегда должно влечь существенное снижение коэффициента учета фактических обстоятельств «с» и, соответственно, размера компенсации действительного морального вреда), но, как правило, каждому виду правонарушений свойственны характерные именно для этого вида особенности и обстоятельства.

Например, при причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни потерпевшего, одним из заслуживающих внимания обстоятельств является характер телесного повреждения, поскольку в некоторых случаях физические и нравственные страдания потерпевшего могут быть незначительны (так, повреждение крупного кровеносного сосуда при своевременно оказанной медицинской помощи может не повлечь существенных болевых ощущений, а нравственные страдания могут выразиться в кратковременных переживаниях в виде страха за свою жизнь, испытанного до устранения непосредственной угрозы жизни). Эти обстоятельства должны быть учтены судом путем установления коэффициента «с» существенно меньшим единицы. В иных (достаточно редких) случаях может быть установлено, что у потерпевшего более низкий или высокий по сравнению с нормальным уровень болевых реакций, что явится для суда основанием для соответствующей корректировки размера компенсации действительного морального вреда путем установления коэффициента учета индивидуальных особенностей «i» соответственно меньшим или большим единицы.

При определении размера компенсации морального вреда, причиненного правонарушениями, умаляющими честь и достоинство личности, обстоятельствами, влияющими на величину коэффициента «с», являются характер распространенных сведений, определяющий ту степень, в какой они могут признаваться позорящими; последствия, которые наступили для потерпевшего в результате распространения таких сведений (увольнение с работы, неизбрание на выборную должность, распад семьи и т. п.). Применение коэффициента индивидуальных особенностей *«i»* для этого вида правонарушений может быть основано на том, что субъективное восприятие одних и тех же сведений в качестве позорящих может зависеть от особенностей нравственных установок и склада характера потерпевшего.

В случае нарушения психической неприкосновенности личности в результате принуждения следователем или лицом, производящим дознание, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, дяя целей определения размера компенсации следует принимать во внимание характер угроз, возможную опасность для потерпевшего в случае их реализации, продолжительность и интенсивность применения угроз.

Таким образом, как видно из этих примеров, применительно к каждому виду правонарушений может быть определен свойственный этому виду круг индивидуальных особенностей потерпевшего и заслуживающих внимания обстоятельств, влияющих на оценку размера компенсации морального вреда.

Глава 2 Особенности компенсации морального вреда при нарушениях отдельных видов прав

§ 1. Нарушение права на жизнь и здоровье

В соответствии со ст. 20 Конституции РФ право каждого человека на жизнь является главенствующим среди основных прав и свобод человека и гражданина, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. Это не означает, что право на жизнь является более значимым в ряду других основных прав и свобод, а скорее подчеркивает неразрывный характер понятий «рождение» и «жизнь».

Хотя понятия рождения и жизни присутствуют в российском законодательстве, их законодательное определение до настоящего времени отсутствует. Такая ситуация характерна не только для российского, но и для зарубежного законодательства, что предопределяет наличие разнообразных концепций по этому вопросу. Практическую ценность представляет собой определение момента начала жизни человека и момента ее прекращения, так как именно они определяют начало и прекращение действия соответствующих правовых норм применительно к конкретному человеку. Преобладающим в российской правовой доктрине является подход, согласно которому под моментом рождения человека понимается физическое отделение плода от организма матери и переход его к автономному физиологическому функционированию, которое начинается с момента первого вздоха ребенка, обуславливающего возможность самостоятельного кислородного обмена в его организме. Определение момента смерти упоминается в ст. 46 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан[1], она имеет отсылочный характер; а также в ст. 9 Закона РФ «О транс-

[1] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.

плантации органов и (или) тканей человека»[1], из ее содержания следует, что состояние смерти человека возникает с момента необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), это устанавливается в соответствии с процедурой, утверждаемой Министерством здравоохранения РФ.

Другие взгляды на этот вопрос заключаются в понимании момента начала жизни как момента зарождения эмбриона, при этом содержание понятия «рождение» понимается, как правило, в вышеуказанном смысле, что приводит к выводу о возможности возникновения права на жизнь и ряда других субъективных прав до момента рождения. Несомненно, дальнейшее развитие науки и техники, в особенности достижения в области медицины, поставят перед правоведами новые проблемы в этой области.

Российское законодательство, в соответствии с преобладающей доктриной, связывает возникновение и прекращение гражданской правоспособности, т. е. способности гражданина иметь гражданские права и нести обязанности, с моментами, соответственно, его рождения и смерти (ст. 17 ГК РФ). Нормами в российском гражданском законодательстве, направленными на охрану прав неродившегося ребенка, являются ст. 530 ГК РСФСР 1964 г., указывающая в круге наследников по закону ребенка наследодателя, зачатого при его жизни и родившегося после его смерти, а в круге наследников по завещанию — любое лицо, зачатое при жизни на-следодателя и родившееся после его смерти, и ст. 1088 ГК РФ, указывающая в круге имеющих право на возмещение в случае потери кормильца вреда его ребенка, родившегося после его смерти. Однако эти нормы предполагают возникновение соответствующих субъективных прав только у родившихся живыми детей.

Хотя в нормах Конституции РФ прямо не упоминается право человека на здоровье, это право по своему содержанию также несомненно является одним из неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения прав. Такая позиция подтверждается как ст. 41 Конституции РФ, устанавливающей право каждого на охрану здоровья и гарантирующей, таким образом, право каждого на здоровье, так и п. 1 ст. 150 ГК РФ, где жизнь и здоровье входят в перечень принадлежащих гражданину от рождения нематериальных благ. Право человека на охрану здоровья является по своему содержанию самостоятельным личным неимущественным правом, тесно связанным с правом на здоровье. Реализация права на здоровье обеспечивается различными отраслями права.

В российском законодательстве до настоящего времени отсутствует определение жизни и здоровья, доктринальные воззрения по этому вопросу достаточно противоречивы и неопределенны. Всемирная организация здравоохранения, например, определяет здоровье как «состояние полного социального, психического и физического благополучия». Ст. 1 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан определяет охрану

[1] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст.62.

здоровья граждан как совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитар-но-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья. Из этого определения вытекает следующее определение понятия здоровья человека применительно к российскому законодательству: «здоровье человека — это состояние его полного физического и психического благополучия». Соответственно, повреждением здоровья должно признаваться действие или бездействие, влекущее утрату человеком полного физического или психического благополучия. Право человека на здоровье конструируется как его личное неимущественное право находиться в состоянии полного физического и психического благополучия. Оно имеет абсолютный характер, так как ему соответствует обязанность всех остальных членов общества воздерживаться от действий, нарушающих это право.

Среди нарушений права лица на здоровье причинение тяжкого вреда здоровью является одним из наиболее опасных, в связи с чем презюми-руемый моральный вред при причинении тяжкого вреда здоровью, совершенного с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего, принимается за относительную единицу.

Согласно ст. 111 УК РФ, под тяжким вредом здоровью понимается вред здоровью, опасный для жизни человека или повлекший за собой потерю зрения, речи, слуха или какого-либо органа либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть или повлекшее прерывание беременности либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица. Степень тяжести вреда здоровью определяется в ходе судебно-медицинской экспертизы согласно Правилам судебно-ме-дицинского определения степени тяжести телесных повреждений[1]. Для целей компенсации морального вреда совершенно необязательно, чтобы причинение тяжких телесных повреждений было преступным, достаточно, чтобы оно было противоправным и виновным (кроме случаев, когда вина не входит в состав оснований ответственности за причинение морального вреда).

Как видно из перечня видов тяжкого вреда здоровью, они достаточно разнородны и могут сопровождаться разными обстоятельствами. Например, в некоторых, достаточно редких случаях может быть установлено, что у человека более низкий или более высокий по сравнению с нормальным уровень болевых реакций, это явится для суда основанием для корректировки размера возмещения морального вреда путем установления коэффициента индивидуальных особенностей «i» соответственно меньшим или большим единицы.

Бюллетень Министерства юстиции РСФСР, 1979, № 1—2.

В случае прерывания беременности подлежит учету способность к последующему деторождению. Если эта способность сохраняется, то коэффициент учета конкретных обстоятельств может быть принят равным единице, если эта способность нарушена и может быть восстановлена лишь путем соответствующего лечения, он может быть принят равным 1,5; а если способность утрачена, то коэффициент «с» должен быть принят равным 2 при отсутствии других детей. В случае прерывания беременности сильное влияние на размер возмещения морального вреда может оказать коэффициент учета индивидуальных особенностей. В ходе судебного разбирательства по делу должно быть установлено, имели ли место предшествующие беременности. Если они заканчивались искусственными прерываниями по желанию женщины, то коэффициент «i» может быть принят равным 0,5; а если будут представлены доказательства намерения женщины искусственно прервать последнюю беременность, то суд может признать, что нравственные страдания в связи с самим фактом прерывания беременности не могли иметь места, и резко снизить коэффициент *«i»,* тем самым признавая моральный вред заключающимся в претерпевании только физических страданий в связи с прерыванием беременности.

Если причинение тяжкого вреда здоровью совершено с особой жестокостью, мучениями или истязаниями, то коэффициент учета фактических обстоятельств должен быть принят близким к 2.

Аналогичный подход может быть применен при причинении других, более легких видов телесных повреждений.

В случае смерти потерпевшего у третьих лиц может возникнуть право на возмещение морального вреда, причиненного смертью потерпевшего. Очевидно, что круг лиц, имеющих право на возмещение такого вреда, не может быть необоснованно широким. Он должен быть ограничен родственниками первой и второй степени и членами семьи потерпевшего. Необходимо отметить, что в данном случае не имеет место какое-либо правопреемство в отношении права на возмещение морального вреда. В соответствии со ст. 151 ГК РФ, моральный вред, причиненный гражданину, компенсируется, если он причинен действиями, нарушающими его (гражданина) неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему (гражданину) другие нематериальные блага. Поэтому необходимо определить, какие права родственников и членов семьи нарушаются при смерти потерпевшего. Поскольку здоровье понимается нами как состояние полного социального, психического и физического благополучия, то несомненно, что по крайней мере психическое благополучие родственника или члена семьи нарушается, а также его право на здоровье, неимущественное право на обладание родственными и семейными связями. Нарушение этих видов прав и порождает право на компенсацию морального вреда. Под членом семьи понимается лицо, которое совместно проживало и вело общее хозяйство с потерпевшим.

Полагаем, что презюмируемый моральный вред в этом случае равен презюмируемому моральному вреду при причинении менее тяжких телес-

ных повреждений. На коэффициент индивидуальных особенностей может оказать влияние специфика отношений конкретного родственника или члена семьи к потерпевшему. Коэффицент учета фактических обстоятельств должен принять максимальное значение, если смерть произошла в присутствии вышеуказанных лиц. На этот же коэффициент влияют такие обстоятельства, как степень родства, длительность совместного проживания— для членов семьи, способность к созданию в последующем аналогичных родственных или семейных связей. Важно подчеркнуть, что каждый из указанных лиц будет иметь самостоятельное право на компенсацию морального вреда.

§ 2. Нарушения права на честь, достоинство и деловую репутацию

Право на честь и достоинство является одним из основных естественных прав личности. Пункт 1 ст. 152 ГК РФ устанавливает, что «Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Пункт 5 той же статьи устанавливает, что гражданин вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением. Сравнительный анализ ст. 151 и 152 в части компенсации морального вреда проводился выше, поэтому здесь отметим, ст. 152 несколько выделяет честь, достоинство и деловую репутацию из других неимущественных прав и благ тем, что причинение морального вреда здесь носит более презумпционный характер. В настоящей работе уже показывалось, что для защиты чести, достоинства и деловой репутации путем компенсации морального вреда должны применяться правила ст. 151 ГКРФ.

Презюмируемый размер компенсации морального вреда для случаев распространения ложных и позорящих сведений указан в таблице. Для определения размера компенсации существенное значение имеет широта распространения таких сведений, что нашло свое отражение в различных в зависимости от способа распространения сведений уровнях размера компенсации презюмируемого морального вреда. Характер распространяемых сведений, т. е. та степень, в которой они являются позорящими, также является обстоятельством, подлежащим учету при определении размера компенсации за причинение морального вреда. При этом будет соответствующим образом меняться коэффициент учета обстоятельств «c», для этого вида правонарушения будет иметь место весьма существенная корреляция этого коэффициента с коэффициентом индивидуальных особенностей «i», так как восприятие одних и тех же сведений в качестве позорящих может быть неодинаковым для разных лиц. Безусловно заслуживающим внимания обстоятельством будут последствия, которые наступили для потерпевшего в связи с распространением позорящих сведений.

К числу таких последствий могут относиться увольнение с работы, неизбрание на выборную должность, распад семьи и т. п. Бремя доказывания наличия причинной связи между распространением сведений и этими последствиями ложится на истца.

В настоящее время широко распространенным явлением стали публикации в прессе, сообщения в средствах массовой информации, содержащие различного рода информацию о лидерах политических партий, работниках руководящего состава органов власти и управления, депутатах и т. д. Эти публикации и сообщения порождают предъявление исков со стороны перечисленных лиц к средствам массовой информации. При рассмотрении таких исков большое внимание должно уделяться рассмотрению вопроса о вине потерпевшего. Как правило, современные российские политики часто выступают по радио, телевидению, публикуют статьи и книги, дают интервью. В этих выступлениях указанные лица сообщают сведения, служащие основой для публикаций, по поводу которых предъявляется требование об опровержении сведений и компенсации морального вреда. В таких действиях истца должно признаваться наличие грубой неосторожности, так как он, делая заявление для публичного сведения, должен и может предвидеть связанные с такими заявлениями последствия. Грубая неосторожность истца должна быть принята судом во внимание, в связи с чем в компенсации морального вреда может быть отказано, хотя распространитель сведений и не доказал их соответствия действительности. Он будет обязан только опровергнуть эти сведения. Кроме того, иногда публикации, в основном автобиографического характера, позволяют сделать вывод о шкале нравственных ценностей личности. Если о таком лице распространены сведения о каких-либо его поступках, являющихся для «среднего» человека позорящими, с общепринятых позиций — отрицательными, а из публикаций этого лица следует, что оно эти поступки оценивает положительно и считает возможным доводить это до публичного сведения, то такие публикации могу быть приняты судом в качестве письменного доказательства факта отсутствия нравственных страданий. Применительно к предлагаемой формуле определения размера компенсации это означает, что коэффициент индивидуальных особенностей равен нулю ($i = 0$) и в возмещении морального вреда должно быть отказано.

В практике применения судами ст. 152 ГК РФ при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и организаций зачастую существенные затруднения вызывает вопрос о содержании тех сведений, распространение которых порождает право потерпевшего на защиту своих личных неимущественных прав способом, предусмотренным в этой правовой норме. Этот вопрос был частично затронут в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 августа 1992 г. в действующей редакции (далее — Постановление), где указывается, что «порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим

лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т. п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица».

Таким образом, Пленум Верховного суда РФ определил необходимое условие для признания сведений порочащими — их содержанием должно являться утверждение о нарушении лицом законодательства или моральных принципов. Правда, нельзя не обратить внимание на не вполне удачное включение в процитированном выше постановлении слова «также», так как нигде более постановление не касается вопроса о содержании порочащих сведений, а сам пассаж следует непосредственно за описанием действий, которые надлежит квалифицировать как распространение таких сведений. Вряд ли Пленум Верховного суда РФ имел в виду более широкую трактовку термина «порочащие сведения», хотя в принципе она действительно такой может быть. Например, не только нарушение моральных принципов может умалить репутацию человека в глазах его окружения. В каждом обществе существует писаный или неписаный стандарт требований к морали и нравственности. Однако никто не вправе воспрепятствовать человеку поддерживать свою репутацию в глазах окружающих на более высоком, по сравнению с существующим стандартом, уровне и защищать ее предусмотренными законом способами.

Самостоятельным действием, причиняющим ущерб чести и достоинству граждан, является оскорбление, т. е. унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Прежде всего необходимо остановиться на различиях между распространением ложных, порочащих другое лицо сведений и оскорблением. Если в первом случае умаление чести и достоинства происходит в результате того, что само содержание распространяемых сведений, их смысл носят порочащий характер, то во втором случае отрицательное воздействие на честь и достоинство лица оказывает неприличная форма, в которой дается оценка лица. Под неприличной формой выражения судебная практика понимает циничную форму отрицательной оценки личности потерпевшего, резко противоречащую принятым в обществе правилам поведения (например, использование нецензурных выражений).

Возможен случай, когда порочащие честь и достоинство ложные сведения выражены в неприличной форме. В этом случае потерпевший вправе требовать опровержения этих сведений в порядке ст. 152 ГК РФ и возмещения морального вреда, причиненного распространением таких сведений в оскорбительной форме. Оскорбительная форма может существенно повысить коэффициент заслуживающих внимания обстоятельств *«с»*. В другом случае распространенные сведения могут соответствовать действительности, что влечет невозможность требовать их опровержения в

порядке ст. 152 ГК РФ, однако оскорбительная форма преподнесения сведений порождает право требовать компенсации морального вреда в порядке ст. 151 ГК РФ. В обоих случаях в состав оснований ответственности не будет входить вина причинителя вреда, так как ч. 4 ст. 1100 ГК РФ применима к распространению сведений, порочащих честь и достоинство личности, независимо от того, содержание или оскорбительная форма их умаляет эти неимущественные блага. Безусловно, для определения размера компенсации заслуживающими внимания обстоятельствами должны являться распространение оскорбительных сведений и степень неприличия формы их выражения.

Интересен пример учета степени распространения сведений[1], когда, взыскав с ответчика в порядке возмещения морального вреда в пользу истца 100 тыс. руб. вместо указанной истцом в исковом заявлении л-мы в размере 1 млн. руб., суд в обоснование этого сослался на не соответствующие действительности сведения, порочащие истца (о причастности истца к краже имущества). Они были изложены в направленном в прокуратуру района письме и стали известны лишь ограниченному кругу лиц, поэтому, по мнению суда, его переживания в связи с публикацией не могли быть столь значительны (как показывают многочисленные примеры из практики, если бы истец потребовал 10 млн. руб., суд взыскал бы искомый миллион).

Наконец, оскорбление может быть нанесено при отсутствии распространения каких-либо сведений о потерпевшем третьим лицам, «один на один» (например, плевок, непристойный жест, оскорбительное письмо потерпевшему, содержащее нецензурные выражения). Такие действия умаляют достоинство человека, подрывая его уважение к самому себе, и порождают право на компенсацию морального вреда. В этом случае должен применяться общий состав оснований ответственности за причинение морального вреда (включая вину причинителя вреда), так как отсутствие факта распространения сведений не позволяет применять ст. 1100 ГК РФ. Размер компенсации морального вреда может быть уменьшен путем применения коэффициента индивидуальных особенностей потерпевшего, если причинителю вреда удастся доказать, что такая форма общения являлась общепринятой нормой среди знакомых потерпевшего и применялась им самим в общениии с другими лицами. Оскорбление потерпевшим других лиц дает основания предполагать их приемлемость для него самого и может также рассматриваться как грубая неосторожность с его стороны, спровоцировавшая неправомерное действие правонарушителя.

Возвращаясь к вопросу о возмещении морального вреда, причиненного опорочением чести и достоинства, остановимся на случае, затронутом в вышеприведенном примере, когда суд взыскал компенсацию

[1] **Трубников П.** Применение судами законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации//Законность, 1995, № 5. С. 11.

морального вреда за распространение сведений о причастности лица к краже, изложенных в направленном в прокуратуру письме. Интересен вопрос — является ли письмо в прокуратуру с сообщением о действиях конкретного лица, содержащих признаки состава преступления, распространением порочащих сведений согласно ст. 152 ГК РФ, порождающим право на компенсацию морального вреда. Важность его решения несомненна, так как законопослушный гражданин, добросовестно предполагая, что известное ему лицо совершило преступление, и желая сообщить об этом в правоохранительные органы, по-видимому, воздержится от такого сообщения, если не будет уверен в том, что ему не придется компенсировать этому лицу моральный вред, когда эти сведения не подтвердятся. Заведомо ложное сообщение подобных сведений образует состав заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ). Но нас интересует случай «добросовестного доноса» — воздержание от них вряд ли будет способствовать искоренению преступности в нашем обществе, поэтому именно такой случай является предметом нашего рассмотрения.

Обращение (письменное или устное) гражданина к должностному лицу, управомоченному принимать сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях и принимать по ним решения о возбуждении уголовного дела, является обращением к государственному служащему, деятельность которого регулируется Федеральным Законом «Об основах государственной службы Российской Федерации»[1]. Статья 10 этого Закона предусматривает: государственный служащий, среди прочего, обязан обеспечивать соблюдение и защиту прав и законных интересов граждан и не разглашать ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей сведения, затрагивающие частную жизнь, честь и достоинство граждан. Статья 109 УПК РФ управо-мочивает прокурора, следователя, орган дознания и судью до принятия решения по заявлению провести проверочные действия, заключающиеся в **истребовании** материалов и **получении** объяснений. Предоставлять третьим лицам (в том числе и лицу, о котором идет речь в заявлении) информацию, содержащуюся в заявлении гражданина, эти должностные лица не управомочены, поэтому, если они такое распространение совершают или допускают его совершение до подтверждения истинности содержащейся в заявлении информации, они и должны (точнее, государство в порядке ст. 1070 ГК РФ) нести соответствующую ответственность, в том числе компенсировать причиненный потерпевшему моральный вред. Является ли сообщение сведений самому должностному лицу распространением информации? Поскольку в данном случае в компетенцию должностного лица входит проверка соответствия действительности сообщенных сведений, а презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ) обязывает не доверять сообщаемой информа-

Собрание законодательства РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

ции до тех пор, пока она не будет подкреплена соответствующими доказательствами, умаления чести гражданина в глазах должностного лица изначально произойти не может, а если сведения не подтвердятся, это не произойдет и впоследствии. Следовательно, у лица, о котором сообщается в заявлении, не может возникнуть право требовать от его подателя компенсации морального вреда.

В последнее время все большую актуальность приобретает вопрос:

подпадают ли под действие ст. 152 ГК РФ сведения, содержащие выражение мнения какого-либо лица о событиях и явлениях окружающей действительности. Этот вопрос безусловно заслуживает внимания, так как он тесно связан с такими конституционными правами и свободами человека и гражданина, как свобода иметь и распространять собственные убеждения и действовать в соответствии с ними, свобода мысли и слова, свободная передача и распространение информации любым законным способом, а также со свободой массовой информации (ст. 28, 29 Конституции РФ); и от его решения зависят пределы осуществления гражданами этих прав и свобод. Как мы помним, Постановление, определяя содержание порочащих сведений, упоминает лишь утверждения о фактах ненадлежащего поведения лица.

Приведем определения некоторых терминов, используя Словарь русского языка С. И. Ожегова:

сведения — известия, сообщения;

факт — действительное, вполне реальное событие, явление;

мнение — суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь, взгляд на что-нибудь;

порочить — навлекать позор на кого- или что-нибудь, бесчестить;

честь — 1) достойные уважения и гордости моральные качества человека; 2) хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя; 3) целомудрие, непорочность; 4) почет, уважение;

достоинство — совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе.

Взаимосвязь чести и достоинства так же неразрывна, как взаимосвязь личности и общества, в конечном счете самооценка личности основывается на ее общественной оценке. Поэтому опорочение чести, т. е. умаление положительных качеств человека в глазах окружающих может отрицательно сказаться на его чувстве уважения к себе. Пункт 1 ст. 152 ГК РФ устанавливает способ защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина в случае, если вред этим неимущественным благам причинен путем распространения не соответствующих действительности порочащих сведений. Анализ этой нормы показывает, что она может быть применена лишь для случая, когда содержанием сведений являются сообщения о фактах, но не мнение, выражающее их оценку. Только сообщение о факте может соответствовать либо полностью или частично не соответствовать действительности: факт, о котором сделано сообщение, либо наступил в том виде, в каком он указан в сообщении, или не вполне со-

ответствует сообщению о нем, либо такой факт не наступал вообще. Иначе обстоит дело с выражением мнения — результата психической деятельности субъекта. Если исходить из предположения о применимости п. 1 ст. 152 ГК РФ в отношении мнения, то под несоответствием действительности в этом случае следовало бы понимать несовпадение выраженного мнения с действительным мнением, т. е. с мыслями субъекта по определенному вопросу — так же, как могут не совпадать действительная воля и волеизъявление субъекта при совершении сделки. Но если несовпадение воли и волеизъявления может повлечь недействительность сделки, поскольку их совпадение является в силу закона необходимым условием ее действительности, то в отношении выражения мнения по какому бы то ни было вопросу имеет место иная ситуация: нормы гражданского права не связывают с подобным несовпадением наступление каких-либо правовых последствий. Более того, в силу п. 3 ст. 29 Конституции РФ никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, в том числе и путем опровержения.

Представляется, что в большинстве случаев «спокойное», выраженное в цивилизованной форме мнение (например, об ошибочной позиции или взглядах лица) не может умалить честь и достоинство гражданина в глазах здравомыслящих членов общества. Humanum errare est — человеку свойственно ошибаться, говорили древние римляне. Тем не менее выраженное мнение может в ряде случаев нанести вред чести, достоинству или деловой репутации лица или затронуть иные охраняемые законом его права и интересы. Это прежде всего может иметь место в случаях, когда выраженное мнение содержит в себе утверждение о порочащих фактах или позволяет сделать прямой вывод о наличии таких фактов. Возможны и иные ситуации. Поясним сказанное на примерах гипотетического распространения в средствах массовой информации нескольких однотипных сообщений.

Сообщение 1. Гражданин А систематически уклоняется от уплаты налогов.

Здесь имеет место утверждение об объективно существующем факте (систематическом уклонении гражданина А. от уплаты налогов). Порочащий характер этих сведений несомненен, поскольку каждый обязан уплачивать законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ). Гражданин А. вправе требовать опровержения этих сведений, возмещения убытков и компенсации морального вреда (п. п. 2, 5 ст. 152 ГК РФ). Возможно также возбуждение уголовного дела по признакам клеветы, содержащейся в средстве массовой информации (ч. 2 ст. 129 У К РФ).

Сообщение 2. Гражданина А. оштрафовала налоговая инспекция за несвоевременное представление налоговой декларации, что вряд ли свидетельствует о его горячем желании поскорее объявить о своих доходах.

Предположим, первая часть этого сообщения соответствует действитель

ности. Вторая часть является умозаключением, содержащим в себе мнение (язвительное) о возможной причине несвоевременного представления декларации. Вряд ли кто-либо испытывает «горячее желание» представить налоговую декларацию. Любому здравомыслящему человеку понятно, что задержка подачи декларации может произойти вследствие ряда причин, как уважительных, так и неуважительных. Предположим, что в данном случае причина задержки была уважительной, вины гражданина А. в этом не было, а действия налоговой инспекции по наложению штрафа были незаконными либо этот гражданин просто забыл вовремя представить декларацию. В этом случае ситуация непростая — ведь содержание сообщения не исключает вывод о том, что вторая часть является завуалированным утверждением об умышленном уклонении гражданина А. декларировать свои доходы. Представляется, что в данном случае скорее имеет место оценка поведения, чем утверждение о факте, и гражданин А. не вправе требовать опровержения сведений. Однако выраженное мнение для него небезразлично, поскольку может способствовать формированию у людей (чьим отношением он дорожит) отрицательного мнения о его уважении к закону и моральных качествах, т. е. создается угроза умаления его чести и достоинства. Он вправе требовать опубликования в том же средстве массовой информации своего ответа с разъяснением действительных причин задержки, а также результатах обжалования действий налоговых органов (если таковое имело место) в том же средстве массовой информации (п. 3 ст. 152 ГК РФ).

Сообщение 3. Гражданин А. уплатил всего 10 000руб. подоходного налога — при его-то доходах?! Видимо, налоговые органы, чья работа по-прежнему оставляет желать много лучшего, не вызывают особого страха у недобросовестных налогоплательщиков.

В этом сообщении в завуалированной форме (в виде выражения мнения) содержится утверждение о том, что гражданин А. — недобросовестный налогоплательщик. Если эти сведения не соответствуют действительности, то он вправе требовать их опровержения, возмещения убытков и компенсации морального вреда (п. 2, 5 ст. 152 ГК РФ).

Сообщение 4. Гражданин А., индивидуальный предприниматель, получил в этом году 100 миллионов руб. чистого дохода. При представлении декларации он не забыл включить в состав расходов почтовые марки стоимостью]00руб., подаренные гражданину А. его другом. Ну и сквалыга!

В этом сообщении действия гражданина А. по отнесению почтовых марок в состав расходов являются законными, поскольку, будучи подарены, они поступили в его собственность, и употребление их в процессе осуществления предпринимательской деятельности действительно является расходованием собственного имущества. Этот расход, при соблюдении определенных формальностей, связанных с документальным подтверждением фактов приобретения и расходования этого имущества, уменьшает размер подлежащего налогообложению дохода. В таком случае суд, не вникая в вопрос об обоснованности мнения, содержащего оценку гражданина А. на основании совершенного им дей-

ствия, откажет в удовлетворении требования об опровержении сведений, но несомненно сочтет оскорбительной форму их выражения и удовлетворит требование о компенсации морального вреда и опубликовании ответа, в котором гражданин вправе сообщить об исходе судебного разбирательства (ст. 151, п. 3, 5 ст. 152 ГК РФ). Если гражданин А. сочтет гражданско-правовые способы защиты недостаточными, он может пытаться инициировать возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 130 УК РФ — оскорбление, содержащееся в средстве массовой информации (хотя в данном случае состав преступления вряд ли будет обнаружен, поскольку уго-ловно наказуемое оскорбление предполагает **резкое** противоречие оценки личности принятому общению между людьми, а слово «сквалыга» такой степени противоречия не содержит).

Таким образом, как выражение мнения, так и утверждение о факте могут умалять честь, достоинство и деловую репутацию либо ущемлять другие права или охраняемые законом интересы граждан либо деловую репутацию юридических лиц, однако способы гражданско-правовой защиты нарушенных прав и интересов будут существенно различными в зависимости от способа нарушения. Если распространенные сведения содержат утверждения о порочащих фактах в открытом или завуалированном виде, потерпевший вправе требовать опровержения сведений, возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных их распространением. Если же права или охраняемые законом интересы гражданина ущемлены путем выражения мнения, он вправе требовать опубликования ответа в том же средстве массовой информации и показать несостоятельность выраженного мнения или иным способом защитить свои интересы и в определенных случаях (при оскорбительной форме выражения мнения) требовать компенсации морального вреда.

Понятно, что установление действительного характера распространенных сведений может быть осуществлено лишь судом в результате исследования всех обстоятельств дела. Во многих случаях отграничение выраженного субъективного мнения от утверждения о фактах может оказаться весьма затруднительным, а от решения этого вопроса зависит правильное определение предмета и пределов доказывания по делу. Поэтому нельзя поддержать мнение С. Полякова" о делах этой категории, которые в определенных случаях не должны подлежать рассмотрению в суде, — это являлось бы нарушением права граждан на судебную защиту хотя бы потому, что существенные для дела обстоятельства (имело место выражение мнения или утверждение о факте) устанавливались бы вне рамок гражданского судопроизводства.

Рассмотрим, каким ограничениям подвержена свобода распростране-

[1] **Поляков С.** Свобода мнения и защита чести. Российская юстиция, 1997 № 4. С. 48.

ния мнений и убеждений. Некоторые ограничения установлены в п. 2 ст. 29 Конституции РФ, где запрещается распространение убеждений, возбуждающих чувства социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти, вражды или превосходства. Означает ли это, что за указанными пределами свобода выражения мнений и убеждений, в том числе и в средствах массовой информации ничем не ограничены? По нашему мнению, не означает. Общий принцип ограничения в осуществлении прав и свобод установлен в п. 3 ст. 17 Конституции РФ: «...осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Поэтому абсолютны лишь установленные Конституцией РФ запреты — например, запрет на принуждение гражданина к выражению своих мнений или отказу от них, а дозволения ограничены пределами, установленными в п. 3 ст. 17, обеспечивающей необходимый баланс между интересами личности и общества. Поэтому, в частности, пределы свободы выражения мнения закрепляет п. 1 ст. 21 Конституции РФ: «...достоинство личности охраняется государством. **Ничто** (выделено мной. — *А.Э.)* не может быть основанием для его умаления».

Любое выраженное мнение имеет определенную форму и содержание. Содержанием является умозаключение лица, и его выражение не подвержено никаким ограничениям, кроме установленных в п. 2 ст. 29 Конституции РФ. Иначе обстоит дело с формой выражения мнения. Во-первых, эта **форма не должна унижать честь и достоинство личности.** Во-вторых, поскольку целью выражения мнения является восприятие его третьими лицами, **форма выражения мнения должна исключать возможность заблуждения здравомыслящих третьих лиц по поводу того, является ли сообщение выражением субъективного мнения или утверждением о факте.** Если эти требования не выполняются, выразитель мнения должен нести связанные с их невыполнением возможные отрицательные последствия. С учетом изложенного, при рассмотрении соответствующих дел суд должен определить, чем является содержание сообщения: утверждением о факте или выражением мнения. Если в сообщении это не указано явно, суд должен оценить, в каком качестве оно могло быть воспринято здравомыслящим членом общества. Признав равновероятной возможность обоих вариантов восприятия сведений, суд должен сделать вывод, что имело место сообщение о факте. Дальнейшее исследование зависит от вывода суда по этому вопросу. Если он придет к выводу, что имело место утверждение о факте, и исследует, является ли этот факт порочащим честь, достоинство или деловую репутацию истца (это обстоятельство суд определяет сам) и соответствовали ли распространенные сведения действительности (это обстоятельство должен доказать ответчик). Если же суд придет к выводу, что имело место выражение ответчиком собственного мнения, а истец предъявляет требование об опровержении сведений, суду целесообразно предложить истцу изменить предмет иска, заменив первоначальное требование требованием опубликовать ответ. В случае несогласия истца на изменение предмета иска суд отказывает в удовлетворении требования об опровержении сведений. Если истец требует опубликования ответа на выраженное

мнение, суд устанавливает, затрагивает ли содержание мнения права и охраняемые законом интересы и, в случае положительного ответа на этот вопрос, удовлетворяет иск. При предъявлении истцом в связи с распространением мнения в средстве массовой информации требования о компенсации морального вреда суд устанавливает, являлась ли унижающей честь и достоинство истца форма выражения мнения. Содержание мнения в этом случае вообще не входит в предмет судебного исследования. Следовательно, оно может быть предметом судебного рассмотрения (после того, как суд придет к выводу, что имело место именно выражение мнения) в отношении его способности затронуть права и охраняемые законом интересы истца и только при предъявлении требования об опубликовании ответа в порядке п. Зет. 152ГКРФ.

В случае признания судом утверждения о фактах, завуалированных под выражение мнения, опровержение факта может быть сделано ответчиком путем сообщения о ранее сделанном сообщении, не являющемся утверждением о соответствующем факте, а представляющем собой его собственное умозаключение по поводу тех или иных явлений или событий. Он может по своей инициативе указать, что по-прежнему убежден в правильности этого умозаключения или мнения. Если ответчик делает опровержение таким способом, это становится новым выражением мнения, и истец приобретает право на опубликование ответа в том же средстве массовой информации.

Если выражаемое негативное мнение не подкрепляется какими-либо доводами, то у здравомыслящего человека оно способно вызвать негативное впечатление скорее о его выразителе, чем об авторе публикации. Если же были приведены доводы, то наилучшее и надлежащее средство правового реагирования — опубликование ответа, в котором может быть показана несостоятельность выраженного мнения.

Умаление деловой репутации гражданина не имеет каких-либо принципиальных особенностей с точки зрения определения размера возмещения морального вреда. Можно сказать, что это умаление его чести как участника делового оборота в глазах его участников. Таким образом, это предполагает принятие в качестве заслуживающих внимания обстоятельств, связанных с участием лица в предпринимательской и иной, направленной на получение дохода деятельности (выполнение договорных обязательств, соблюдение обычаев делового оборота и т. п.).

§ 3. Нарушения права на свободу и личную неприкосновенность» неприкосновенность жилища

В соответствии со ст. 22 Конституции РФ

«I. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. 2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Статья 25 Конституции РФ устанавливает:

«Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения».

Нарушение права на свободу и личную неприкосновенность может проявляться в незаконном лишении свободы лицом, не управомоченным ни при каких условиях на ограничение свободы других лиц; а также управомоченным на это лицом при соблюдении установленных законом условий, которые оно не выполняет. Лишение свободы всегда причиняет моральный вред, если человек осознает, что он лишен свободы. Но только в случае незаконного лишения свободы причиняемый моральный вред подлежит возмещению. На пресечение незаконных действий первого и второго вида направлены соответствующие нормы УК РФ.

Размер компенсации презюмируемого морального вреда, связаного с незаконным лишением свободы, указан в таблице 1. Поскольку незаконное лишение свободы— длящееся правонарушение, указанный размер компенсации начисляется за каждый день лишения свободы, исходя из предположения, что правонарушение происходит ежедневно в течение всего срока лишения свободы. При исчислении размера компенсации за незаконное лишение свободы первого вида коэффициент индивидуальных особенностей «i» должен практически всегда приниматься равным единице. Коэффициент учета обстоятельств «c» должен варьироваться в зависимости от условий, в которых пребывает лицо, незаконно лишенное свободы. Если имеет место связывание его, запирание в тесном помещении, наличие иных дискомфортных условий, неизвещение о судьбе потерпевшего родственников и членов семьи, то коэффициент учета обстоятельств должен быть принят большим единицы.

В случае незаконного лишения свободы второго вида, то есть являющегося результатом незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, во внимание должны приниматься несколько иные обстоятельства. В первую очередь это может касаться индивидуальных особенностей потерпевшего. Если в такую ситуацию попадает лицо, до этого неоднократно отбывавшее законно назначенное наказание в виде лишения свободы, логично предположить, что нравственные страдания, связанные с обстановкой заключения (в том числе с неизбежным контактом с соответствующим контингентом), будут меньше, чем для лица, впервые подвергшегося лишению свободы. Это должно найти свое отражение в коэффициенте индивидуальных особенностей, который для первого лица может быть установлен меньшим единицы. С позиции учета фактических обстоятельств во внимание могут быть приняты особенности пребывания в заключении: несоблюдение установленной нормы площади камеры в расчете на одного заключенного; наличие издевательств со стороны других заключенных; иные нарушения порядка содержания под стражей; негативные последствия на работе, вызванные информацией о применении данной меры пресечения. Наличие та-

кого рода обстоятельств должно повышать коэффициент учета обстоятельств «с».

Покажем возможный подход к определению размера компенсации на примере упомянутой выше ситуации, касающейся неисполнения решения Конституционного суда. Каждый обвиняемый, оказавшийся в такой ситуации, на основании ст. 151, 1099, 1100 и n. 1 ст. 1070 ГК РФ приобрел право на компенсацию морального вреда (нравственных и физических страданий), причиненного незаконным содержанием под стражей в вышеуказанный период. Моральный вред причинен вследствие незаконного бездействия органов прокуратуры, выразившегося в неисполнении обязанности, возложенной на прокурора в ст. 11 УПК РСФСР — немедленно освободить всякого, незаконно содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором. Указанным бездействием нарушено конституционное право граждан на личную сво-

боду и неприкосновенность личности. Возмещению подлежит также имущественный вред в виде утраченного за этот период заработка (дохода).! Иск следует предъявлять к Российской Федерации как ответчику, указы-j вая в качестве органа, действующего от ее имени, Министерство финан-] сов РФ (ст. 16, 1071 ГК РФ). Предъявлять иск по выбору истца можно по| месту нахождения Минфина РФ или по месту содержания под стражей! как месту причинения вреда (ст. 118 ГПК РСФСР). Что касается размера;

компенсации морального вреда, то истец вправе выразить свое мнение not этому поводу в исковом заявлении. В соответствии с разработанной ав-i тором методикой размер компенсации презюмируемого (заранее предполагаемого) морального вреда за одни сутки незаконного содержания под стражей составляет 28,8 МЗП (МЗП — минимальная заработная плата), или, учитывая текущий размер МЗП, это составляет 2 404 512 руб., а за 21 сутки — 50 494 752 руб. Фактические обстоятельства дела могут увеличить этот размер (например, незаконное содержание под стражей в период новогоднего праздника).

К числу посягательств на свободу могут быть отнесены посягательства на половую свободу лица. Эти посягательства могут проявляться в форме изнасилования женщины, понуждения женщины ко вступлению в половую связь, насильственного мужеложства, лесбианства и иных действий сексуального характера. В таблице 1 приведены значения компенсаций презюмируемого морального вреда для простого и квалифицированных видов незаконных сексуальных действий. Ряд квалифицирующих обстоятельств, таких, как угроза убийством или причинение тяжких телесных повреждений в процессе изнасилования или группой лиц, изнасилование несовершеннолетней или малолетней, оказались учтены через размер компенсации за причинение презюмируемого морального вреда. При рассмотрении вопроса о размере возмещения морального вреда, причиненного изнасилованием, должны учитываться индивидуальные особенности потерпевшей, влияющие на коэффициент «i». Так, например, можно предположить, что женщина, профессионально занимающаяся проститу

цией, будет менее остро переживать случившееся, чем женщина, ведущая моногамный образ жизни. Бремя доказывания наличия такого обстоятельства лежит на причинителе вреда.

К числу заслуживающих внимания обстоятельств, подлежащих учету как повышающих размер компенсации морального вреда, относятся: причинение в процессе изнасилования телесных повреждений, не относящихся к тяжким; заражение венерической болезнью; беременность в результате изнасилования; совершение изнасилования на глазах детей, супруга или иного лица, чьим отношением женщина дорожит; наступившее ухудшение семейной обстановки или распад семьи; изнасилование в извращенной форме.

К числу обстоятельств, понижающих размер компенсации морального вреда, относятся следующие обстоятельства: неспособность женщины сознавать характер производимых с нею действий ввиду слабоумия или алкогольного или наркотического опьянения; провоцирование женщиной изнасилования, т. е. проявление ею грубой неосторожности, что может повлечь снижение размера компенсации морального вреда или отказ в таковой.

Аналогичный подход может быть применен при рассмотрении иных видов нарушения половой свободы личности с учетом их специфики.

Рассматривая вопрос о размере компенсации за нарушение неприкосновенности жилища, следует заметить, что, согласно судебному толкованию, «жилище — это предназначенное для постоянного или временного проживания людей помещение, в котором находится имеющееся у них имущество или часть его»[1]. Действиями, нарушающими неприкосновенность жилища, могут быть незаконный обыск, незаконное выселение, вторжение в жилище против воли проживающих в нем лиц, вхождение в жилое помещение в отсутствие владельца. Из приведенного перечня следует, что эти действия неравноценны с точки зрения причиняемого морального вреда. Видимо, моральный вред будет наибольшим в случае незаконного выселения из жилого помещения. В данном случае не должны подлежать учету в целях определения размера компенсации за причинение морального вреда какие-либо индивидуальные особенности выселяемого ($i=l$). В качестве заслуживающих внимания обстоятельств учету подлежат: наличие у потерпевшего иного жилья; возникновение вреда имуществу или здоровью вследствие выселения, наличие в семье несовершеннолетних детей или престарелых, которые не могут о себе заботиться, продолжительность восстановления нарушенных жилищных прав. Необходимо учитывать, что право на неприкосновенность неразрывно связано с имущественным правом на само жилище, и рассматриваемый способ нарушения неприкосновенности жилища нарушает оба права. Поэтому в случае нарушения неприкосновенности жилища указанным способом следует принимать максимальное значение коэффициента обстоятельств ($c=2$).

Бюллетень Верховного суда СССР. 1984. № 3. С. 23.

В случае вторжения в жилище следует учитывать интенсивность вторжения, наличие в момент вторжения в жилище малолетних детей, поведение вторгшихся после вторжения. При незаконном обыске в большинстве случаев реальный моральный вред следует принимать равным пре-зюмируемому моральному вреду, если в ходе судебного разбирательства не будет установлено каких-либо специфических обстоятельств, относящихся к личности потерпевшего или сопутствующих обыску. Обстоятельством, определяющим необходимость установления большего размера компенсации, могут служить имевшие место ранее незаконные действия правоохранительных органов в отношении потерпевшего, например, репрессии и иного рода незаконные преследования.

§ 4. Нарушения права на личную и семейную тайну

Согласно п. 1 ст. 23 Конституции РФ, каждый имеет право на личную и семейную тайну. Они относятся к личным неимущественным правам гражданина и охраняются различными отраслями права. Предметом личной и семейной тайны является информация о лице, определенная законом закрытой для общего сведения. В настоящее время законодательство предусматривает право лица на тайну переписки, телефонных перегово-[1] ров и телеграфных сообщений, тайну усыновления, тайну искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, адвокатскую, врачебную,;

нотариальную тайну. Так, право на адвокатскую тайну установлено ст. 16:

Положения об адвокатуре РСФСР[1], запрещающей адвокату разглашать! сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи; банки, в соответствии со ст. 25 Закона о банках и банковской деятельности, должны сохранять тайну в отношении счетов и вкладов клиентов; в соответствии со ст. 14 Закона РФ о трансплантации органов и тканей врачам и иным сотрудникам учреждения здравоохранения запрещается разглашать информацию о доноре и реципиенте[2]; согласно ст. 30, 35, 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан[3] не подлежит разглашению информация о факте обращения за медицинской помощью, о состоянии здоровья, диагнозе и иных сведениях, полученных при лечении и обследовании пациента, сведения о произведенном оплодотворении и имплантации эмбриона, а также о личности донора; ст. 16 Основ законодательства РФ о нотариате[4] обязывает нотариуса хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности.

[1] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48. С. 1596.

[2] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст.62.

[3] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.

[4] Российская газета. 1993. 13 мар.

В предмет настоящего исследования не входит подробное исследование достаточно сложных проблем, касающихся осуществления и защиты прав граждан на личную и семейную тайну. Следует отметить, что компенсация морального вреда является одним из гражданско-правовых методов защиты права на личную и семейную тайну. С позиций определения размера компенсации причиненного морального вреда необходимо обратить внимание, что уголовное законодательство предусматривает сравнительно мягкие виды наказания за такое преступление, как разглашение тайны усыновления. По нашему мнению, презюмируемый моральный вред за такое правонарушение, как и за разглашение тайны искусственного оплодотворения, должен быть принят равным моральному вреду за причинение менее тяжких телесных повреждений. Эти правонарушения создают последствия, имеющие необратимый характер и ставят семейные связи под угрозу на неопределенно долгое время.

При разглашении тайны любого рода существенным обстоятельством, подлежащим учету, является характер разглашенных сведений. Так, при разглашении банковской тайны размер компенсации морального вреда должен быть различен в зависимости от того, разглашены ли сведения о самом факте наличия вклада или также о размере вклада. В случае разглашения адвокатской тайны существенны характер дела и ставшие известными сведения. Если разглашенные сведения ухудшили позицию подзащитного по уголовному делу, коэффициент учета обстоятельств «с» должен быть принят близким или равным двум. При рассмотрении дел, связанных с нарушением врачебной тайны, большое значение приобретает характер заболевания пациента и вызванные разглашением последствия (распад семьи, увольнение с работы, необходимость перемены места жительства). Во всех случаях, связанных с нарушением права на личную и семейную тайну, существенное значение имеет широта круга лиц, ставших или могущих стать осведомленными о сведениях, составляющих личную или семейную тайну. Индивидуальные особенности лица могут учитываться в виде его склонности к добровольному разглашению соответствующих сведений, что, если будет доказано, может явиться основанием для снижения коэффициента индивидуальных особенностей *«i»*.

§ 5. Нарушение права на идентификацию национальной принадлежности

Среди гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина отдельное место занимает право на идентификацию национальной принадлежности. Это право установлено в п. 1 ст. 26 Конституции РФ и сформулировано в ней следующим образом: «...каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Как следует из конструкции этой нормы, ее первая часть адресована любому человеку и носит управомочивающий характер, наделяя

каждого правом по своему усмотрению определять и указывать свою национальную принадлежность; а вторая часть предписывает всем остальным воздерживаться от нарушений этого абсолютного личного неимущественного права, принадлежащего человеку с момента рождения, неотчуждаемому и непередаваемому иным способом.

Как и любое иное право, право на идентификацию национальной принадлежности в случае его нарушения должно обеспечиваться средствами правовой защиты со стороны государства. Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о средствах правовой защиты, остановимся на содержании права на идентификацию национальной принадлежности. Исходя из п. 1 ст. 26 Конституции РФ, оно имеет две составляющих: право определять национальную принадлежность и право указывать ее. Но раскрыть их содержание можно, определив, что означает само понятие «национальная принадлежность», какой смысл вкладывал в него законодатель. Легального определения понятий «национальная принадлежность», «национальность» не содержится ни в одном нормативном акте союзного и российского законодательства. Преобладающий доктринальный подход к этому вопросу заключался в понимании национальной принадлежности как принадлежности к определенной этнической группе, или нации. Под нацией принято понимать исторически сложившуюся общность людей, образующуюся в процессе формирования общности территории, экономики, языка, культуры и духовного склада. Хотя существуют и иные взгляды на критерии формирования нации, ее понимание как исторически сложившейся общности людей является единым. Отсюда следует, что национальная принадлежность, или национальность, есть принадлежность личности к такой общности. Необходимым признаком национальной общности является духовное единство составляющих нацию людей, проявляющееся в осознании ими как факта наличия такой общности, так и своей принадлежности к ней. В этом проявляется основное отличие нации от расы. Раса — это исторически сложившаяся часть человечества, большая группа людей, имеющих общие наследственные антропологические признаки (цвет кожи, строение черепа, разрез глаз и т. п.), т. е. общий генезис. Принадлежность человека к определенной расе возникает в силу принадлежности к этой расе его родителей. Необходимым условием принадлежности человека к определенной нации является не единство генетического происхождения, а формирование национального самосознания. Таким образом, национальная принадлежность человека определяется наличием объективных и субъективных факторов: а) наличие культурной, языковой и, как правило, территориальной общности людей (нации); б) фактическое состояние человека в такой общности; в) осознание человеком факта своего нахождения в составе этой общности (самоидентификация себя как участника общности). Объективные факторы (первые два из вышеуказанных) являются необходимыми предпосылками для возникновения национальной принадлежности. Наличие третьего — субъективного — фактора обеспечивает возникновение национальной принадлежности в полном объеме.

Вряд ли следует понимать право **определять** свою национальную принадлежность как право **осознавать** ее. Осознание своей национальной принадлежности есть результат высшей нервной деятельности человека — процесса мышления, который нельзя ограничить или запретить. Воспрепятствовать (в определенных законом пределах) можно лишь выражению своих мыслей вовне. Следовательно, осознание своей национальной принадлежности вообще не нуждается в правовом регулировании и защите.

В пункте 1 ст. 26 Конституции РФ право определять понимается как неразрывно связанное с правом указывать свою национальную принадлежность. В словаре С.И. Ожегова (с. 454) основное значение глагола «определять» — с точностью выяснять, устанавливать что-либо уже объективно существующее. Поэтому определить свою национальную принадлежность в смысле ст. 26 Конституции РФ означает точно установить ее для **цели последующего указания,** то есть сообщения информации о своей национальной принадлежности другим лицам. Отсюда следует, что право указывать национальную принадлежность следует понимать как право свободно указывать свою действительную (в вышеуказанном смысле), но не вымышленную национальную принадлежность. При нежелании указывать действительную национальную принадлежность человек может вообще не указывать ее. Вместе с тем указание вымышленной национальной принадлежности в официальных документах не может породить отношений юридической ответственности, за исключением случаев, когда такое указание производится с целью противозаконного приобретения благ или освобождения от обязанностей. Так, например. Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» предусматривает предоставление лицам, принадлежащим к этим народам, ряда компенсаций и льгот. Ложное указание своей принадлежности к одному из таких народов с целью получить незаконные имущественные блага может быть квалифицировано как мошенничество путем обмана и повлечь соответствующие последствия.

За исключением случаев, подобных установленным вышеупомянутым Законом, факт национальной принадлежности является юридически безразличным и не должен находить отражение в официальных документах, поскольку, согласно п. 2 ст. 19 Конституции РФ, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе и национальности, и запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, **национальной,** языковой или религиозной принадлежности. Как известно, хотя факт национальности и в советское время формально не мог влечь негативных юридических последствий, с конца 20-х гг. графа «национальность» являлась обязательным элементом подавляющего большинства официальных документов. Национальная принадлежность фиксировалась в паспорте человека на основании записи о национальности его родителей, указанной в его свидетельстве[1]0 рождении. В случае одинаковой национальности родителей та же национальность указывалась в выдаваемом

человеку паспорте независимо от его волеизъявления, при разных национальностях родителей человек имел право выбора одной из этих двух. По существу, таким путем могла бы быть документально зафиксирована лишь расовая, но не национальная принадлежность. Заметим, что практика указания национальной принадлежности в официальных документах не свойственна ни одному правовому государству, что вызывает иногда затруднения у впервые выехавших за границу россиян, сталкивающихся в некоторых случаях с необходимостью заполнения в документах созвучной графы «nationality» (гражданство). Поскольку соответствующие подзаконные акты (например, Положение о паспортной системе в СССР, утвержденное постановлением Совмина СССР от 28 августа 1974 г.) официально не отменены и не изменены, административные органы продолжают их незаконно применять, нарушая предписание п. 2 разд. 2 Конституции РФ, согласно которому законы и другие правовые акты, действовавшие на территории РФ до вступления в силу Конституции РФ, применяются в части, не противоречащей Конституции РФ.

Нарушение Права на идентификацию национальной принадлежности может принимать различные формы. Нарушения права гражданина на указание своей национальной принадлежности в основном имеют место при выдаче внутренних паспортов и заключаются в воспре-пятствовании гражданину указать в паспорте свою действительную национальную принадлежность, но, поскольку само наличие в паспорте заполненной помимо воли его владельца графы «национальность» противоречит закону и является одновременно скрытой формой принуждения человека к указанию своей национальной принадлежности, то в этом случае имеет место идеальная совокупность двух правонарушений. Видимо, в удостоверении личности, которое придет на смену внутреннему паспорту, уже не будет упомянутой графы, что не будет являться препятствием любому желающему реализовать свое право на указание национальной принадлежности, самостоятельно написать на отдельном листке свою национальную принадлежность и предъявлять его на обозрение как вместе с удостоверением личности, так и отдельно от него. Гораздо более распространенным нарушением является принуждение к указанию национальной принадлежности. Такое принуждение имеет, как правило, скрытую форму. Под указанием национальной принадлежности следует понимать сообщение другим лицам информации в любой форме о своей национальной принадлежности. Таким образом, любой гражданин, в паспорте моторого без его согласия указана его национальная принадлежность, оказывается вынужден при каждом предъявлении паспорта сообщать тем самым эту информацию (указывать ее) помимо своей воли. Представляется, что каждый обладатель такого паспорта вправе по этому основанию требовать его обмена на новый, с указанием иной национальной принадлежности либо вообще без указания таковой. Во многих случаях принуждение к

указанию национальной принадлежности совершается администрацией предприятия или организации в отношении нанимающегося или уже принятого на работу лица путем предложения заполнить личный листок по учету кадров действовавшего в советский период образца и содержащего графу «национальность». Такие документы продолжают находить применение на многих предприятиях и организациях. В связи с напряженной ситуацией на рынке труда работник, как правило, находится в состоянии зависимости от работодателя и зачастую не решается отказаться от дачи ответа на прямо поставленный в анкете вопрос. Возможны и другие ситуации подобного рода.

Перейдем к вопросу о защите права на идентификацию национальной принадлежности. Основным способом его защиты является обжалование неправомерных действий, нарушающих это право, в соответствии с Законом РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 марта 1993 г. Согласно этому Закону, каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы. Кроме того, в большинстве случаев нарушения права на идентификацию национальной принадлежности влекут претерпевание гражданами значительных нравственных страданий, связанных с переживаниями по поводу этих правонарушений и их последствий, поэтому не следует забывать, что эти нравственные страдания представляют собой моральный вред, причиненный нарушением личного неимущественного права гражданина. Это обстоятельство, в соответствии со ст. 151, 1101 ГК РФ, порождает право гражданина требовать компенсации причиненного морального вреда в денежной форме путем предъявления соответствующего иска к при-чинителю вреда. Размер компенсации морального вреда определяется судом, который обязан учесть: степень страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего; характер страданий; степень вины причинителя вреда, фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред; и иные заслуживающие внимания обстоятельства. При нарушении права на идентификацию национальной принадлежности в качестве заслуживающих внимания обстоятельств следует принимать во внимание: длящийся характер правонарушения (в случае неправомерного указания национальной принадлежности в паспорте или ином документе, удостоверяющем личность и предназначенном для длительного употребления путем неоднократного предъявления другим лицам); возраст, имущественное и семейное положение работника и обусловленную этим степень зависимости от работодателя (в случае принуждения работника к указанию своей национальной принадлежности); любые другие обстоятельства, способствовавшие повышению степени перенесенных потерпевшим страданий.

§ 6. Нарушение авторских прав

Личные неимущественные права авторов произведений науки, литературы и искусства являются одним из видов личных неимущественных прав, принадлежащих гражданину в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом. Вопрос об эффективной защите и охране этих прав, нарушение которых причиняет авторам значительные нравственные страдания (моральный вред), не утрачивает свою актуальность и в настоящее время.

Отношения, возникающие в связи с созданием произведений науки, литературы и искусства регулируются в настоящее время в России Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993[1]. Согласно п. 1 ст. 9, авторское право на произведение науки, литературы и искусства возникает в силу факта его создания. При этом для возникновения и осуществления авторского права не требуется регистрации произведения и какого-либо иного специального оформления произведения, или соблюдения других формальностей. Автор вправе использовать знак охраны авторского права ©, который помещается на каждом экземпляре произведения с указанием имени обладателя исключительных авторских прав и года первого опубликования произведения. Согласно п. 2 ст. 9 Закона, авторство лица указано на оригинале или экземпляре произведения — презюмируется, то есть при отсутствии доказательств иного именно это лицо считается автором произведения. В случае спора об авторстве обязанность доказывания иного и представления соответствующих доказательств возлагается на лицо, оспаривающее право авторства. Содержанием субъективного авторского права является совокупность имущественных и неимущественных прав, принадлежащих автору произведения. В целях рассмотрения проблем компенсации морального вреда правовой интерес представляют неимущественные права авторов произведений науки, литературы и искусства, так как, в соответствии со ст. 151 ГК РФ, только нарушение неимущественных прав может породить право на компенсацию причиненного этим нарушением морального вреда. Конечно, нарушение имущественных прав автора также может причинить ему нравственные страдания, однако для возможности требования имущественной компенсации за их причинение необходимо специальное указание об этом в законе. В настоящее время законодательство такой возможности не предусматривает.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Закона РФ об авторском праве и смежных правах, совокупность личных неимущественных прав автора состоит из следующих прав:

— право авторства, т. е. право признаваться автором произведения;

— право на имя, т. е. право использовать или разрешать использование произведения под подлинным именем автора, псевдонимом или без обозначения имени;

[1] Российская газета. 1993. 3 авг.

— право на обнародование, т. е. право обнародовать или разрешать обнародование произведения в любой форме, включая право на отзыв, т. е. на отказ от ранее принятого решения об обнародовании произведения при соблюдении предусмотренных законом условий;

— право на защиту репутации автора, т. е. право на защиту произведения, включая его название, от всякого искажения или иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора.

В науке гражданского права взгляды на содержание права авторства на имя и на обнародование являются достаточно устоявшимися. Однако право на защиту репутации автора является терминологически новым, поскольку, исходя из установленного законодателем его содержания, оно соответствует праву автора на неприкосновенность произведения, установленному ранее ст. 480 ГК РСФСР 1964 г. Согласно этой норме, право автора на неприкосновенность произведения заключалось в воспрещении кому бы то ни было вносить без согласия автора кадие-либо изменения как в само произведение, так и в его название и в обозначение имени автора, а также снабжать произведение при его издании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями и какими бы то ни было пояснениями. Нетрудно видеть, что право автора на неприкосновенность, как его формулирует ст. 15 Закона РФ об авторском праве, допускает два варианта подхода к его содержанию, в соответствии с которыми право на неприкосновенность можно понимать как:

1) право на защиту произведения от всякого **искажения** или **иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора,** при этом способность нанести ущеб применяется как квалифицирующий признак к искажению, так и иному посягательству;

2) право на защиту от всякого искажения или **иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора,** при этом способность нанести ущерб чести и достоинству рассматривается только применительно к иному посягательству.

Решение этого вопроса имеет важное практическое значение, поскольку первый вариант толкования приводит к резкому сужению содержания права автора на неприкосновенность произведения по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Обратим внимание, что, в соответствии с п. 6 Постановления ВС РФ «О порядке введения в действие Закона РФ об авторском праве и смежных правах» от 9 августа 1993 г., ст. 480 ГК РСФСР 1964 г. не применяется в случае противоречия ее указанному Закону, это исключает возможность рассматривать право на неприкосновенность каким-то особым, по сравнению с правом на защиту репутации, правом, так как Закон об авторском праве исчерпывающе определяет перечень неимущественных прав автора. Сведение права на защиту репутации только к запрещению таких искажений или иных действий в отношении произведения, которые наносят ущерб чести и достоинству автора, означало бы неоправданное сужение правомочий автора и усложняло бы позицию автора при защите его права на неприкосновенность произведения, поскольку в

каждом случае на автора, в соответствии со ст. 50 Гражданского процессуального кодекса РФ, возлагалось бы бремя доказывания факта нанесения искажением или иным действием ущерба чести и достоинству автора. Второй вариант толкования нормы Закона об авторском праве, устанавливающей право автора на защиту его репутации, представляется более соответствующим намерениям законодателя, поэтому в настоящей работе право на защиту репутации автора в части защиты от искажений понимается в широком смысле, т. е. как право на неприкосновенность произведения и защиту его от **любых** искажений. Нельзя полностью исключить и возможность иного подхода, согласно которому любое искажение произведения презюмируется наносящим ущерб чести и достоинству автора, но такое толкование было бы тождественно предположению об избыточности ст. 15 Закона ввиду указания в ней квалифицирующего признака, не влекущего юридических последствий, т. е. о недостаточной юридической технике законодателя, что противоречит общепринятым принципам толкования нормативных актов, в частности, презумпции правовой значимости каждого слова, использованного законодателем. Безусловно, необходимо устранение отмеченной двусмысленности путем соответствующей корректировки Закона об авторском праве.

Права автора, в том числе и личные неимущественные права, защищаются гражданским, административным и уголовным законодательством. Так, ст. 146 У К РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное использование объектов авторского права, а равно присвоение авторства, если эти деяния причинили крупный ущерб. Статья 49 Закона об авторском праве и смежных правах содержит неисчерпывающий перечень гражданско-правовых и иных мер защиты авторских прав, среди которых для защиты личных неимущественных прав применимы такие способы, как: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права; прекращение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; принятие иных предусмотренных законодательными актами мер, связанных с защитой прав авторов. Одной из таких мер является компенсация морального вреда.

При причинении морального вреда незаконными действиями, нарушающими личные неимущественные права автора, состав оснований ответственности за причинение морального вреда будет в большинстве случаев общим (наличие морального вреда, противоправное поведение причинителя вреда, наличие причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и причиненным моральным вредом, вина причителя вреда). Исключением являются такие посягательства на неприкосновенность произведения, которые одновременно представляют собой распространение сведений, умаляющих честь и достоинство автора (репутацию автора, если пользоваться терминологией Закона). Как правило, такие действия могут быть выполнены путем сопровождения произведения несанкционированными автором предисловием, послесловием, комментарием, пояснением. В этих случаях обязанность произвести компенсацию морального вреда возникает независимо от вины причинителя вреда.

Нарушения личных неимущественных прав автора могут выражаться в плагиате, т. е. выпуске под своим именем чужого произведения науки, литературы или искусства, или ином присвоении авторства на такое произведение либо в незаконном обнародовании, воспроизведении или использовании произведения, внесении искажений в произведение без согласия автора, неуказание или искажение имени автора, равно как и раскрытие издателем имени автора вопреки его волеизъявлению, и т. п. При этом под **обнародованием произведения** понимается действие, которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, передачи в эфир или иным способом. Опубликование произведения — это выпуск в обращение экземпляров произведения в количестве, достаточном для удовлетворения разумных потребностей публики исходя из характера произведения. **Передача в эфир** — это сообщение произведений для всеобщего сведения посредством их передачи по радио или телевидению. **Показ произведения** — это демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно или на экране с помощью пленки, диапозитива, телевизионного кадра или иных технических средств. Представляется, что при определении размера компенсации за причинение морального вреда нарушениями авторских прав вряд ли должны приниматься во внимание индивидуальные особенности потерпевшего, так как правонарушителю, как правило, неизвестны и не должны быть известны какие-либо индивидуальные особенности автора, а ответственность в большинстве случаев нарушений авторских прав наступает при наличии вины причинителя вреда.

В качестве заслуживающих внимания обстоятельств при определении размера компенсации причиненного автору морального вреда следует учитывать количество незаконно распространенных экземпляров произведения или, в общем случае, широту диапазона распространения произведения; характер искажения произведения и степень нарушения его смысла, степень ущерба чести и достоинству автора; восстановимость нарушенного права (например, при незаконном раскрытии издательством имени автора, пожелавшего опубликовать произведение под псевдонимом, невозможно восстановить положение, существовавшее до нарушения права).

§ 7. Нарушения прав потребителей и иных прав граждан

Любое неправомерное действие причиняет страдания лицу, в отношении которого они совершены. Однако, как указывалось выше, не любой моральный вред подлежит возмещению. Гражданский кодекс Российской Федерации существенно сузил область применения такого способа защиты гражданских прав, как компенсация морального вреда. В соответствии со ст. 151 ГК РФ, моральный вред возмещается, если он причинен действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина или посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага. При

причинении морального вреда другими действиями он подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. В настоящее время единственным законом, предусматривающим компенсацию морального вреда в случае нарушения имущественных прав гражданина, является Закон РФ «О защите прав потребителей». Он охватывает достаточно широкую область правоотношений, в которые вступает гражданин. Внедоговорное причинение имущественного ущерба не порождает право на компенсацию причиненного этим морального вреда. Такое положение вряд ли можно счесть справедливым, однако эта ситуация может быть изменена законодателем в будущем. Несмотря на то что компенсацию морального вреда ГК РФ допускает только для гражданина, сфера применения института компенсации морального вреда достаточно велика. Это такие договорные отношения с участием граждан, указал Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 29 сентября 1994 г.[1], как вытекающие из договоров бытового проката и заказа; купли-продажи; комиссии; безвозмездного пользования имуществом; хранения; имущественного найма; перевозки; страхования; из договоров на оказание финансовых и банковских услуг (прием от граждан и хранение денег и ценных бумаг, осуществление расчетов по поручениям граждан— клиентов банков, открытие и ведение счетов, услуги по купле-продаже иностранных валют и т. п.); из договора найма жилого помещения, когда наймодатель является одновременно и исполнителем услуг (по ремонту жилищного фонда, обеспечению работы инженерного оборудования, обеспечению коммунальными услугами), и т. п.

Статья 13 Закона о защите прав потребителей устанавливает, что «Моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) его прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, подлежит возмещению причи-нителем вреда при наличии его вины». Российские суды уже имеют богатую практику применения этого закона. В главе 3 был приведен ряд судебных решений, касающихся компенсации морального вреда. Рекомендации по рассмотрению дел, связанных с защитой прав потребителей, дал Пленум Верховного суда РФ в постановлении «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» от 29 сентября 1994 г., где указал, что, «поскольку моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда размер иска, удовлетворяемого судом, не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги) или суммы подлежащей взысканию неустойки, а должен основываться на характере и объеме причиненных потребителю нравственных и физических страданий в каждом конкретном случае». Как было показано, судебная практика, пассивно следуя за требованиями истцов, ставила размер возмещения морального вреда в зависимость от подлежащего возмещению имущественного вреда. Позитивная часть указа-

Российская газета. 1994. 26 нояб.

ния Пленума Верховного суда РФ выглядит менее четко, поскольку оперирует не вполне удачными понятиями «Характер и объем нравственных страданий» и «Характер и объем физических страданий», так как нравственные и физические страдания, являясь составляющими морального вреда, не предполагают возможности их дальнейшего разделения по категориям. Для определения размера компенсации за причинение морального вреда применим принцип, предлагаемый в настоящей работе и заключающийся в комплексном учете факторов, упомянутых в ст. 151 ГК РФ.

В качестве обстоятельств, подлежащих учету при определении размера компенсации морального вреда, целесообразно рассматривать: последствия причинения имущественного вреда, вызывающие нравственные и физические страдания, в том числе нарушение устоявшегося жизненного уклада; размер причиненного имущественного вреда; функциональное назначение имущества; поведение причинителя вреда при рассмотрении справедливых требований потерпевшего. Эти обстоятельства влияют на коэффициент учета обстоятельств «с». Например, в случае, если в результате неисправности телевизора в середине лета сгорает дача потерпевшего, где отдыхают его дети, то, пусть даже стоимость дачи была небольшой либо дача была застрахована, эта ситуация вызовет множество неудобств и, соответственно, нравственных страданий. На коэффициент учета индивидуальных особенностей в делах этой категории будут влиять в основном возраст и физическое состояние потерпевшего.

Размер компенсации презюмируемого морального вреда приведен в Таблице 1. Он принимался равным размеру презюмируемого морального вреда в случае причинения ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием.

Рассмотрим еще одну категорию имущественных прав, нарушение которых может порождать право потерпевшего на компенсацию морального вреда. Это такие имущественные права, которые столь тесно связаны с личными неимущественными правами, что действие, нарушающее эти имущественные права, одновременно неизбежно нарушает и личные неимущественные права гражданина. Сюда можно отнести право на обеспечение жизненного уровня, необходимого для поддержания здоровья и благосостояния гражданина и членов его семьи в случае безработицы, болезни, инвалидности, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Это право установлено в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. В Конституции РФ права гражданина, связанные с обеспечением необходимого жизненного уровня, установлены в ст. 39 Конституции РФ, гарантирующей право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца; в п. 3 ст. 37 Конституции РФ, гарантирующей право на защиту от безработицы. Понятно, что, хотя право на необходимый жизненный уровень является имущественным, оно столь тесно связано с правом на жизнь и здоровье, что нарушение первого из них неизбежно является и нарушением второго. До-

вольно метко и образно выражена эта взаимосвязь имущественных и неимущественных прав в диалоге двух персонажей романа Джека Лондона «Морской волк»: «"Горсть мусора получит тот, кто кошелек мой украдет", — процитировала она. "Но кто крадет мой кошелек, крадет мое право на жизнь, — последовал ответ.— ...Ведь он крадет мой хлеб, и мой кусок мяса, и мою постель, и тем самым ставит под угрозу и мою жизнь. Вы же знаете, что того супа и хлеба, которые бесплатно раздаются беднякам, хватает далеко не на всех голодных, и когда у человека пуст кошелек, ему ничего не остается, как умереть собачьей смертью... если он не изловчится тем или иным способом быстро свой кошелек пополнить"».

Наиболее распространенными на сегодняшний день являются правонарушения, выражающиеся в задержке выплаты пенсий и пособий по безработице. Имущественную ответственность за вред, причиненный в результате указанных правонарушений государственных органов социальной защиты населения, обязанных на основании закона обеспечивать проведение соответствующих выплат, должно нести государство, возмещая причиненный вред за счет средств государственной казны (ст. 16, 1069 ГК РФ). Поскольку пенсия в большинстве случаев является единственным источником средств к существованию для пенсионера, ее невыплата или задержка выплаты влечет неспособность пенсионера приобрести в необходимом количестве и ассортименте продукты питания, лекарства и т. п., т. е. лишает его возможности поддерживать минимальный жизненный уровень, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на здоровье человека и ставит под угрозу его жизнь, вызывает физические страдания (чувство голода, болезненные ощущения, связанные с потреблением однообразной и некачественной пищи, отсутствием необходимых лекарств) и нравственные страдания, связанные с наличием указанных ограничений. Таким образом, неправомерное бездействие органов государственного управления, выражающееся в задержке вышеуказанных социальных выплат, нарушает одновременно имущественные и личные неимущественные права гражданина и порождает его право на компенсацию морального вреда, причиненного нарушением его личных неимущественных прав, которое может быть реализовано путем предъявления соответствующего иска.

В качестве индивидуальных особенностей потерпевшего при определении размера компенсации морального вреда должны учитываться его возраст, наличие заболеваний, повышающих степень перенесенных страданий. Иными заслуживающими внимания обстоятельствами применительно к данной категории дел следует считать ухудшение здоровья, наступившее вследствие задержки выплат, продолжительность задержки, имущественное положение потерпевшего, его семейное положение, конкретные условия жизнеобеспечения, имевшие место в период правонарушения.

В связи с широким распространением в гражданском обороте одного из видов ценных бумаг — акций — повышается актуальность проблемы

обеспечения надлежащей защиты прав собственников — акционеров — от нарушений со стороны акционерных обществ — эмитентов акций. Приобретение права собственности на акцию влечет возникновение между акционером и акционерным обществом (далее — обществом) отношений, регулируемых Федеральным законом РФ «Об акционерных обществах» от 24 ноября 1995 г. (далее — Закон)[1].

В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона акция удостоверяет обязательственные права акционера по отношению к обществу. Состав обязательственных прав владельцев обыкновенных и привилегированных акций определен в ст. 31, 32 Закона. В соответствии с этими нормами акционер — владелец обыкновенных акций общества — имеет следующие права:

1) право участия в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции;

2) право на получение дивидендов;

3) право на получение части имущества общества в случае его ликвидации.

Состав обязательственных прав владельцев привилегированных акций несколько уже — они имеют право голоса на общем собрании только в случаях, предусмотренных Законом и уставом общества. Кроме того, в соответствии со ст. 67 ГК РФ владельцы как обыкновенных, так и привилегированных акций имеют право получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его документацией в установленном учредительными документами порядке. Закон предусматривает еще ряд прав акционеров по участию в управлении обществом (участвовать в общем собрании акционеров, быть избранным в члены совета директоров и ревизионной комиссии, требовать созыва внеочередного общего собрания).

Таким образом, акционер обладает совокупностью имущественных и неимущественных прав. К числу первых относятся право на получение дивидендов и право на получение части имущества в случае ликвидации общества; к числу вторых — право участия в общем собрании акционеров, ознакомления с документацией общества и т. д. Вторую группу прав обычно называют личными неимущественными правами акционеров, хотя под ними применительно к гражданину доктрина и гражданское законодательство понимают не имеющие имущественного содержания неотчуждаемые абсолютные права, неразрывно связанные с личностью гражданина. Неимущественные права акционеров являются относительными (праву акционера соответствует обязанность определенного лица — самого общества) и отчуждаемыми (с переходом права собственности на акцию к другому лицу происходит переход всех удостоверяемых акцией прав).

Нарушения неимущественных прав акционеров в большинстве случаев связаны с проведением общих собраний акционеров или неправомерными действиями исполнительного органа общества (неизвещение о собрании, недопуск к участию в собрании, неучет голоса акционера при го-

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

лосовании, невключение в число кандидатур для избрания в совет директоров или ревизионную комиссию, отказ в предоставлении документации общества для ознакомления и т. п.).

Один из способов защиты личных неимущественных прав акционеров установлен в п. 8 ст. 49 Закона, где акционеру предоставлено право обжаловать в суд решение, принятое общим собранием акционеров. Акционер — физическое или юридическое лицо — может реализовать это право путем предъявления иска соответственно в общий или арбитражный суд о признании решения общего собрания недействительным, что является одним из иных, предусмотренных законом, способов защиты гражданских прав в смысле ст. 12 ГК РФ. Удовлетворение иска возможно при одновременном наличии следующих условий:

а) решение нарушает требования Закона, иных правовых актов РФ или устава общества;

б) акционер не принимал участия в голосовании или голосовал против такого решения;

в) решением нарушены права и (или) законные интересы акционера. Наличие этого юридического состава лишь предоставляет суду право признать обжалуемое решение недействительным, но не обязывает его к этому. Для возникновения у суда обязанности удовлетворить иск необходимо наличие дополнительно к вышеуказанным одного из следующих условий:

г) голосование акционера могло повлиять на результаты голосования;

д) допущенные нарушения являются существенными;

е) решение повлекло причинение убытков данному акционеру. Закон не определяет, какие нарушения требований Закона, иных правовых актов или устава следует считать существенными. Представляется, что под ними следует понимать нарушения, которые вследствие стеснения законных прав акционера повлияли или могли повлиять на содержание принятого собранием решения. Для защиты неимущественных прав акционера применимы такие предусмотренные ст. 12 ГК РФ способы защиты гражданских прав, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, и исполнение обязанности в натуре. Эти способы применимы в случае создания должностными лицами общества препятствий акционеру в ознакомлении с документацией общества или несовершения ими положительных действий, заключающихся в предоставлении акционеру истребуемой документации.

Особо следует остановиться на возможности применения для защиты неимущественных прав акционера еще одного способа защиты гражданских прав — **компенсации морального** вреда. Прежде всего отметим, что, в соответствии со ст. 151 ГК РФ под моральным вредом понимаются нравственные и физические страдания, причиненные гражданину, поэтому о применении указанного способа речь может идти только в отношении акционера физического лица. Юридическое лицо не способно испытывать страдания или осуществлять какую-либо иную психическую деятель

ность. Рассмотрим, позволяет ли действующее законодательство использовать компенсацию морального вреда для защиты неимущественных прав акционера.

Статья 151 ГК РФ допускает компенсацию морального вреда, причиненного гражданину неправомерными действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага. Нематериальные блага, подлежащие защите таким способом, неисчерпывающе перечислены в ст. 150 ГК РФ:

жизнь и здоровье; достоинство; личная неприкосновенность; честь и доброе имя; деловая репутация; неприкосновенность частной жизни; личная и семейная тайна; право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства; право на имя; право авторства; иные личные.неиму-щественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом. Эти права и блага характеризуются следующими общими признаками: они имеют абсолютный характер, возникают независимо от волеизъявления их обладателя в результате самого факта рождения человека (например, жизнь, честь, достоинство) или в силу закона (например, право авторства), неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Статья 151 ГК РФ, несколько выходя за пределы защиты этих личных неимущественных прав, указывает, что в других случаях (т. е. при причинении морального вреда действиями, нарушающими иные права гражданина) возможность компенсации морального вреда должна быть специально предусмотрена законом. Неимущественные права акционера принципиально отличны от личных неимущественных прав согласно ст. 150 ГК РФ. Они (права акционера) относительны, приобретаются в результате сделки, отчуждаются вместе с удостоверяющей их ценной бумагой (акцией). Поскольку Закон об акционерных обществах не предусматривает возможность компенсации морального вреда, причиненного акционеру, из смысла ст. 151 ГК в период до введения в действие второй части ГК однозначно следовал вывод о недопустимости компенсации морального вреда, причиненного гражданину нарушением его личных неимущественных прав акционера. Однако с введением в действие ч. II ГК РФ (ст. 1099—1101) ситуация, к сожалению, перестает быть столь однозначной.

Статьи 1099—1101 расположены в § 4 «Компенсация морального вреда» гл. 59 ГК РФ, регулирующей отношения, возникающие с связи с причинением вреда, и являются, таким образом, специальными нормами применительно к компенсации морального вреда. Пункт 1 ст. 1099 ГК РФ устанавливает, что основания и размер компенсации морального вреда определяются правилами ст. 1099—1101 и ст. 151 ГК РФ. При этом п. 2 ст. 1099 устанавливает, что «моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом». Анализ этой нормы, казалось бы, позволяет сделать вывод, что моральный вред, причиненный действиями, нарушающими неимущественные права гражда-

нина (любые), подлежит компенсации без специального упоминания об этом в законе, и, таким образом, п. 2 ст. 1099 ГК РФ несколько расширяет сферу генерального применения компенсации морального вреда. Если такое последствие действительно входило в намерения законодателя, то, с точки зрения юридической техники, подобная юридическая конструкция не должна вызывать возражений. Примерно такая же ситуация имеет место при сопоставлении критериев оценки размера компенсации морального вреда в ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ: они не вполне совпадают, кроме того, в ст. 1101 установлены принципиально новые критерии — требования разумности и справедливости, которые никак нельзя отнести к категории «обстоятельства». Далее, следует учесть несколько необычный способ принятия ГК РФ (по частям), что, в случае противоречия между нормами ч. I и ч. II, позволяет применить принцип преимущества более позднего нормативного акта. Наконец, зачем было вводить п. 2 ст. 1099, если он полностью дублировал в соответствующей части ст. 151 ГК РФ?

И тем не менее предположение о допустимости защиты неимущественных прав акционеров путем компенсации морального вреда противоречило бы нормам действующего ГК. Законодатель устанавливает в п. 1 ст. 1099 ГК РФ принцип совместного применения гл. 59 и ст. 151 ГК РФ. Статья 151 расположена в гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», из чего следует, что компенсация морального вреда является способом защиты тех неимущественных прав, которые предусмотрены ст. 150-ГК РФ. Зарубежное законодательство и судебная практика также не считает возможным применение компенсации морального вреда для защиты прав собственников акций. Вряд ли такими были намерения и российского законодателя. Представляется, допущена неточность и, если это так, она может быть устранена исключением п. 2 из ст. 1099 ГК РФ.

§ 8. Компенсация морального вреда при нарушении трудовых прав

Реалии сегодняшнего дня не позволяют считать проблему защиты трудовых прав граждан утратившей свою актуальность. Скорее наоборот. Вхождение экономики в новые условия и появление большого количества субъектов хозяйственной деятельности различных организационно-правовых форм усилило напряженность на рынке труда, и, хотя количество нарушений трудовых прав работников в результате незаконных действий работодателей многократно возросло, они далеко не всегда прибегают к судебной защите своих нарушенных прав. Такая ситуация обусловлена рядом причин, среди которых следует назвать нежелание вступать в конфликт с работодателем по поводу отдельных нарушений трудового договора из-за боязни потерять рабочее место, неуверенность работника в реальной исполнимости судебного решения, а зачастую — неосведомленность работника о своих правах и способах их защиты. Между тем нормы трудового законодательства обязательны для предприятий и органи

заций любых форм собственности; суды, как правило, стараются не допускать волокиты при рассмотрении трудовых споров; гражданское законодательство с 3 августа 1992 года предусматривает возможность компенсации в денежной форме морального вреда (физических и нравственных страданий), причиненного правонарушением. Этот способ гражданско-пра-вовой защиты применим и в случаях нарушения трудовых прав граждан.

Вопрос о применимости института компенсации морального вреда к случаям нарушения трудовых прав граждан долгое время не находил достаточно определенного решения в судебной практике. В период действия Основ гражданского законодательства (далее — Основ) суды нередко отказывали в компенсации морального вреда работникам, чьи трудовые права были нарушены работодателем (в основном в связи с незаконным увольнением), основываясь при этом на мнении о допустимости компенсации морального вреда только в случаях, предусмотренных законом, и отсутствии соответствующих новелл в КЗОТ РФ. Такая позиция не нашла поддержки в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г., где указывалось, что «отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда. Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Основ к трудовым отношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., может быть применена статья 131 названных Основ, регулирующая ответственность за нанесение морального вреда по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, поскольку отношения, связанные с компенсацией морального вреда, не урегулированы трудовым законодательством». Попутно Пленум Верховного суда РФ отметил, что это «положение применимо и к трудовым отношениям, возникшим после 1 января 1995 г., так как названными выше незаконными действиями работодателя нарушаются личные неимущественные права работника и другие нематериальные блага (ст. 151 первой части ГК РФ)».

Безусловно, Постановление способствовало установлению единообразия в правоприменительной практике в отношении решения вопроса о компенсации морального вреда при рассмотрении судами споров, вытекающих из трудовых отношений, но следует отметить разную степень обоснованности применения такого подхода относительно Основ и ГК. Согласно п. 3 ст. 1 Основ «К... трудовым отношениям... отвечающим признакам, указанным в пункте 1 настоящей статьи, гражданское законодательство применяется в случаях, когда эти отношения не регулируются... трудовым законодательством». Отсюда следовало, что для применения к трудовым отношениям норм Основ гражданского законодательства требовалось одновременное наличие двух условий:

1. Эти трудовые отношения должны отвечать признакам, указанным в п. 1 ст. 1 Основ, т. е. являться основанными на равенстве участников иму-

щественными отношениями либо связанными с имущественными личными неимущественными отношениями.

2. Эти трудовые отношения не регулируются трудовым законодательством.

Что касается второго условия, то, безусловно, в КЗОТ РФ до недавнего времени не содержалось норм, регулирующих отношения имущественной ответственности работодателя за моральный вред, причиненный им работнику неправомерными действиями в процессе взаимного осуществления прав и исполнения обязанностей, вытекающих из трудового договора. Здесь же следует отметить, что отношения имущественной ответственности работодателя за ущерб, причиненный работнику повреждением его здоровья, КЗОТ РФ также не регулировал, поскольку ст. 159 КЗОТ РФ является отсылочной нормой, и если бы она отсутствовала, это нисколько не препятствовало бы применению соответствующих норм Основ, ГК РФ или Правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей.

Однако первое условие явно не выполнялось, поскольку трудовые отношения не основаны на равенстве и имущественной самостоятельности и обособленности их участников, что делает не совсем убедительной ссылку Пленума Верховного суда РФ на п. 3 ст. 1 Основ. Отношения, возникающие в связи с причинением вреда (хотя бы и при наличии трудовых отношений между причинителем и потерпевшим) являются граждан-ско-правовыми, что следует, в частности, из ст. 3 Основ, где причинение вреда указано в качестве одного из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Поэтому возмещение морального вреда по правилам ст. 131 Основ в связи, например, с незаконным увольнением вовсе не являлось применением гражданского законодательства к трудовым отношениям. Это был акт применения гражданского закона к гражданским правоотношениям, основанием возникновения которых являлось причинение морального вреда. Действительным препятствием для применения ст. 131 Основ могло быть наличие Между работником и работодателем трудового договора, так как размещение этой статьи в гл. 19 Основ «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения» традиционно предполагала неприменимость ее при возмещении вреда, причиненного в связи с нарушением договора одной из его сторон.

В связи с прекращением действия Основ вопрос их применения, возможно, и не заслуживал бы серьезного анализа, если бы не являлся отражением в правосознании правоприменителя порочной практики прошлого, когда суды целенаправленно отказывали в гражданско-правовой защите личных неимущественных прав работников под предлогом о неприменимости норм гражданского права к трудовым отношениям (хотя на деле о таком применении речь не шла). С момента принятия в 1993 г. Консти

туции РФ возможность компенсации морального вреда стала следовать из собственно трудового законодательства, поскольку ст. 2, 159 КЗОТ РФ среди прав работника называет право на возмещение ущерба, причиненного повреждением здоровья в связи с работой, а применять эту норму и, в частности, употребляемый в ней термин «здоровье» следует с учетом п. 4 ст. 15 Конституции РФ, объявляющей общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью ее правовой системы, и п. 1 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. (РФ как правопреемник СССР является участником этого пакта), где под здоровьем понимается «физическое и психическое здоровье человека». Очевидно, что претерпевание нравственных страданий нарушает психическое здоровье человека.

Отмеченные неточности в мотивировочной части Постановления не снижают значимость того положительного влияния, которое оказало Постановление Верховного суда РФ на последующую судебную практику по рассматриваемой категории дел. Суды уже без колебаний применяли нормы о компенсации морального вреда к случаям нарушений трудовых прав граждан, и остается только сожалеть о том, что это Постановление не появилось значительно раньше.

Однако Основы гражданского законодательства утратили силу, и вместе с ними уходят в прошлое проблемы, связанные с их применением, поэтому обратимся к компенсации морального вреда, причиненного нарушениями трудовых прав граждан, с позиций Гражданского кодекса РФ. Возможность применения норм о компенсации морального вреда при нарушении трудовьк прав работников со всей определенностью следует из ГК РФ. Расположение ст. 151 Основ в разд. I «Общие положения» разрешает сомнения в применимости норм о компенсации морального вреда при наличии договорных отношений между причинителем вреда и потерпевшим в пользу возможности его применения, основное внимание сосредоточив на виде прав и благ, нарушением которых причинены нравственные или физические страдания. При нарушении личных неимущественных прав и других нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона, п. 2 ст. 2 ГК РФ устанавливает принцип их практически неограниченной защиты гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ, и, в частности, путем компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ). В случае умаления других благ и прав (следуя применяемой в науке гражданского права классификации — имущественных прав и благ) применение института компенсации морального вреда возможно лишь в случаях, предусмотренных законом.

Применительно к нарушениям трудовых прав граждан это означает, что компенсация физических и нравственных страданий, причиненных нарушениями этих прав, возможна в том случае, когда нарушенное субъективное трудовое право не имеет имущественного содержания и носит личный характер. Примерный перечень таких правонарушений приводит-

ся в Постановлении Верховного суда РФ: незаконное увольнение, незаконный перевод на другую работу, незаконное применение дисциплинарного взыскания, незаконный отказ в переводе на другую работу в соответствии с медицинскими рекомендациями и т. п. Этот перечень не является исчерпывающим и может быть расширен.

20 марта 1997 г. был опубликован и вступил в силу Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в ст. 213 Кодекса Законов о труде Российской Федерации», дополнивший ст. 213 частью пятой следующего содержания: «В случаях увольнения без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения либо незаконного перевода на другую работу суд вправе по требованию работника вынести решение о возмещении работнику денежной компенсации морального вреда, причиненного ему указанными действиями. Размер этой компенсации определяется судом». Собственно говоря, такое нововведение в КЗОТ РФ можно было бы только приветствовать, хотя оно не привносит чего-либо существенно нового в правовом регулировании компенсации морального вреда, причиненного нарушениями личных неимущественных прав работников. Вместе с тем нельзя исключить попыток некоторых правоприменителей истолковать новую редакцию ст. 213 в ограничительном смысле следующим образом: если законодатель указал на право суда взыскать компенсацию морального вреда в связи с незаконным увольнением или незаконным переводом на другую работу, это означает, что при других нарушениях трудовых прав моральный вред не подлежит компенсации. Такое толкование полностью противоречило бы требованиям закона, потому что только в отношении споров об увольнении и переводе на другую работу КЗОТ РФ в ст. 213 устанавливает регламентацию вынесения судебного решения (в КЗОТ отсутствует статья с подобным названием применительно к трудовым спорам с другим предметом иска) и потому, что ст. 151 ГК РФ не предусматривает каких-либо ограничений в применении компенсации морального вреда, причиненного нарушением личных неимущественных прав, в зависимости от характера правоотношений между причинителем вреда и потерпевшим. Личные неимущественные права имеют абсолютный характер, и любое лицо обязано воздерживаться от их противоправного нарушения, независимо от существующих между причинителем вреда и потерпевшим правоотношений; причинение морального вреда, при наличии предусмотренных законом условий, порождает гражданско-правовое обязательство по его компенсации.

Перейдем к анализу отдельных видов нарушений трудовых прав. В ст. 2 КЗОТ в качестве основных трудовых прав работников указаны:

— право на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены;

— право на возмещение ущерба, причиненного повреждением здоровья в связи с работой;

— право на равное вознаграждение за равный труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного законом минимального размера;

— право на отдых, обеспечиваемое установлением предельной продолжительности рабочего времени, сокращенным рабочим днем для ряда профессий и работ, предоставлением еженедельных выходных дней, праздничных дней, а также оплачиваемых ежегодных отпусков;

— право на объединение в профессиональные союзы;

— право на социальное обеспечение по возрасту, при утрате трудоспособности и в иных установленных законом случаях.

К обязанностям работника относится добросовестное выполнение трудовых обязанностей, соблюдение трудовой дисциплины, бережное отношение к имуществу работодателя, выполнение установленных норм труда.

Из содержания трудового договора, как он определен в ст. 15 КЗОТ РФ, следует, что трудовые права работника, корреспондирующие соответствующим обязанностям организации, заключаются в праве на получение заработной платы и праве на условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон.

Перечисленные права, названные как основные права работника, позволяют выделить из них те, нарушение которых может порождать право на компенсацию морального вреда:

— право на надлежащие условия труда;

— право на недопущение дискриминации;

— право на отдых.

Перечисленными правами личные неимущественные права работника не офаничиваются. Следует назвать также **право на труд и право на хорошую трудовую репутацию.** Какие действия или бездействие администрации следует признавать нарушающими указанные права?

Право на надлежащие условия труда нарушается необеспечением администрацией здоровых и безопасных условий труда, что может выражаться в нарушении санитарно-гигиенических и иных норм (ненадлежащая температура или освещенность на рабочем месте; невыдача мыла и обезвреживающих средств на работах, связанных с загрязнением; необеспечение лечебно-профилактическим питанием на работах с особо вредными условиями труда; необеспечение надлежащей защиты от вредных воздействий, например, ионизирующего излучения; необеспечение работников горячих цехов газированной соленой водой; и т. п.). В результате такого бездействия администрации работник может претерпевать физические страдания, выражающиеся в ощущении холода, жары, боли, недомогания, иного физического дискомфорта или связанные с профессиональным заболеванием; нравственные страдания, выражающиеся в опасениях по поводу возможного ухудшения своего здоровья и наступления заболевания, чувстве беспомощности и незащищенности. Право на надлежащие условия труда нарушается также в случае незаконного отказа работ-

нику в переводе на более легкую работу в соответствии с медицинским заключением, что также может повлечь физические и нравственные страдания работника.

Право на недопущение дискриминации может выражаться в нарушении права на получение равного вознаграждения за равный труд в связи с какой бы то ни было дискриминацией (по признаку пола, расовой, национальной или религиозной принадлежности и т. п.). Это право, хотя и связано с размером вознаграждения, является неимущественным, так как содержанием его является не право на какой-либо определенный размер вознаграждения, а право на недопущение несправедливого соотношения между вознаграждением данного работника с вознаграждениями других работников как проявления дискриминации. Нарушение этого права может причинить работнику нравственные страдания, выражающиеся в чувстве своей ущербности, неполноценности, обделенности.

Право на отдых может нарушаться путем незаконного отказа работнику в предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска, непредоставлении перерыва для отдыха и питания, незаконном превышении установленной продолжительности рабочего времени или незаконного понуждения к работе в выходные дни. Результатом таких правонарушений могут являться нравственные и физические страдания в связи с переутомлением, разладом в семье, нарушением планов проведения досуга.

Нарушения **права на труд** могут выражаться в незаконном отказе в заключении трудового договора (работнику, приглашенному на работу в порядке перевода из другой организации по согласованию между руководителями организаций; отказ в приеме на работу женщине по мотивам беременности или наличия детей); незаконном увольнении; незаконном отстранении от работы; невыдаче при увольнении трудовой книжки (что может воспрепятствовать работнику в поступлении на другое место работы); незаконном переводе на другое место работы. Связанным с нарушением права на труд следует считать незаконный отказ в предоставлении учебных отпусков лицам, совмещающим работу с обучением, поскольку такой отказ ставит под угрозу дальнейшее обучение и связанную с ним трудовую карьеру работника, что может причинить ему значительные нравственные страдания.

Право на **хорошую трудовую репутацию** может быть нарушено в результате незаконного применения к работнику дисциплинарного взыскания любого вида. Применение дисциплинарного взыскания умаляет трудовую репутацию работника, что может повлечь за собой нравственные страдания и переживания.

В сегодняшних условиях общераспространенным явлением стали многомесячные задержки выплат заработной платы работникам, в связи с чем необходимо остановиться на способах правового реагирования работников на эти правонарушения. Понятно, что непосредственное восстановление нарушенного права может и должно быть осуществлено путем предъявления соответствующего иска о взыскании недополу

ченной заработной платы с соответствующей индексацией. Рассмотрим другие аспекты этой проблемы. Итак, выплата заработной платы существенно задерживается. Обязан ли работник выходить на работу? Как представляется, обязан только в том случае, если организация предоставляет ему необходимые для проезда к месту работы денежные средства или организует доставку работника к месту работы своим транспортом, обеспечив его необходимым для поддержания организма в работоспособном состоянии питанием. Постоянное состояние голода и сопряженные с ним отрицательные физиологические явления (например, головокружение), являющиеся неизбежным последствием отсутствия средств к существованию, следует признать болезненным состоянием работника. Принуждение к работе в подобном состоянии являлось бы нарушением правил техники безопасности и права работника на здоровые и безопасные условия труда (неимущественное право работника). Поэтому невыход на работу в таком состоянии следует признавать простоем не по вине работника. Конечно, работник в любое время вправе расторгнуть трудовой договор, встать на учет в службе занятости, получать пособие по безработице и подыскивать другую работу. Однако такое увольнение, если действительной причиной его являются неправомерные действия работодателя, является вынужденным увольнением, нарушающим право работника на труд. Поэтому при определенных условиях продолжительная невыплата заработной платы может нарушить, наряду с имущественными, и неимущественные права работника и, при наличии вины организации, повлечь возникновение у работника права на компенсацию морального вреда.

При определении размера компенсации должны учитываться критерии, установленные в ст. 151, 1101 ГК РФ: индивидуальные особенности потерпевшего и связанная с ними степень^ перенесенных страданий, характер страданий, степень вины потерпевшего и причинителя вреда, фактические обстоятельства, связанные с причинением морального вреда, и иные, заслуживающие внимания обстоятельства. В качестве индивидуальных особенностей потерпевшего целесообразно учитывать возраст работника, состояние его здоровья (в частности, для женщины состояние беременности). В качестве заслуживающих внимания обстоятельств должны учитываться последствия нарушения прав работника (заболевание, прекращение учебы и т. п.), тяжесть дисциплинарного взыскания, наличие предшествующих взысканий, стаж работы и сложившаяся трудовая репутация работника в организации.

Глава 3 Компенсация морального вреда и исковая давность

Как показывает анализ законодательства и судебной практики Англии, США и Германии, к требованиям о компенсации морального вреда без каких-либо изъятий применяется институт исковой давности. Иначе обстоит дело в российской правоприменительной практике. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 10 от 20 декабря 1994 г. (далее — Постановление) отметил, что «на требования о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется, поскольку они вытекают из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ», основываясь на положениях п. 2 ст. 43 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (далее — Основ) по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., и п. 1 ст. 208 ГК РФ по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г. Верховный суд РФ почти дословно воспроизвел формулировку п. 2 ст. 43 Основ о нераспространении исковой давности «на требования, вытекающие из нарушения личных неимущественных прав...». Ст. 208 ГК РФ в соответствующей части сформулирована несколько по-иному. В ней устанавливается, что исковая давность не распространяется «на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ...». Рассмотрим отдельно для Основ и ГК РФ, позволяют ли упомянутые нормы этих актов прийти к иным выводам относительно применения исковой давности к требованиям о возмещении (Основы) и компенсации (ГК РФ) морального вреда.

Исходя из перечисленных в ст. 6 Основ способов защиты гражданских прав из нарушения личных неимущественных прав могут вытекать следующие требования: о признании права (например, права авторства); о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права (специальный случай — восстановление чести, достоинства и деловой репутации путем опровержения порочащих сведений в соответствии со ст. 7 Основ), и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания недействительным несоответствующего законодательству ненормативного акта органа государственного управления, нарушающего личные неимущественные права; возмещение морального вреда и вреда, причиненного жизни и здоровью — эти способы прямо не предусмотрены в ст. 6 Основ, но по смыслу этой нормы их следует считать одними из иных способов, предусмотренных законодательными актами.

Итак, возмещение вреда — это одно из требований, которые могут вытекать из нарушения личных неимущественных прав. Моральный вред и вред, причиненный жизни и здоровью, являются разновидностями неимущественного вреда. Вернемся к п. 2 ст. 43 Основ. Среди требований, на которые не распространяется исковая давность, в этой норме указаны и требования о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью граж

данина. Но ведь это требование вытекает из нарушения личных неимущественных прав, а законодатель во втором абзаце п. 2 ст. 43 Основ уже предусмотрел неприменимость исковой давности к таким требованиям. Почему же он повторяет это еще раз?

Один из возможных ответов на этот вопрос — потому что в отношении требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, законодатель предусматривает специальные правила о неприменении исковой давности. Он вводит здесь ограниченное неприменение исковой давности: требования, предъявленные по истечении трех лет с момента возникновения права на возмещение такого вреда, удовлетворяются за прошлое время не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска. По существу, это означает, что исковая давность применяется к этим требованиям в той их части, которая находится за пределами общего давностного срока. Законодатель учитывает здесь перманентно проявляющийся результат неправомерного действия и предоставляет потерпевшему возможность в любой момент устранить в ограниченных тремя годами пределах негативные последствия нарушения его неимущественных прав. Но этой цели законодатель мог бы достигнуть, например, следующим изложением первого и второго абзацев п. 2 ст. 43 Основ: «Исковая давность не распространяется на: требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом. Однако требования о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, предъявленные по истечении срока давности, удовлетворяются не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска...» Однако законодатель выделяет требования о возмещении причиненного жизни и здоровью вреда в самостоятельный абзац. Более того, этот абзац не следует непосредственно за абзацем о требованиях, вытекающих из нарушения личных неимущественных прав. Напротив, эти абзацы разделены абзацем о требованиях вкладчиков к банку о выдаче вкладов, т. е. требованиях, вытекающих из нарушений сугубо имущественных прав.

В свете изложенного более обоснованным представляется другой ответ: во втором абзаце п. 2 ст. 43 Основ законодатель не включает требования о возмещении неимущественного вреда в состав тех требований, вытекающих из нарушения личных неимущественных прав, на которые не распространяется исковая давность. В упомянутом абзаце имеются в виду лишь те требования, которые направлены на восстановление личных неимущественных прав. Отсюда следует, что на требования о возмещении морального вреда исковая давность должна распространяться. На особенностях применения исковой давности к требованиям о компенсации морального вреда мы остановимся ниже.

Завершая рассмотрение вопроса о применимости исковой давности к требованиям о возмещении морального вреда в аспекте п. 2 ст. 43 Основ, обратим внимание, что Постановление принималось 20.12.94, т. е. в период окончания действия Основ ГЗ, и Пленум Верховного суда РФ, фор-

мулируя Постановление, ориентировался уже только на новый ГК РФ. Так, указывая на неприменимость исковой давности к требованиям о компенсации морального вреда (кстати, Пленум упоминает лишь компенсацию, но не возмещение морального вреда), Пленум обосновывает это неприменимостью исковой давности к требованиям, вытекающим из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ. Но это могло обосновывать лишь неприменение исковой давности к требованиям о компенсации морального вреда, причиненного нарушением именно неимущественных прав и других нематериальных благ (хотя проведенный выше анализ показывает, что обратный вывод в большей степени соответствует намерениям законодателя), в то время как в Постановлении указывается на неприменимость исковой давности к требованиям о компенсации морального вреда вообще, без дифференциации оснований возникновения таких требований.

Но ведь ст. 131 Основ позволяла применять принцип генерального деликта в отношении возмещения морального вреда, и лишь ст. 151 ГК РФ сузила деликтную область до действий, противоправно умаляющих личные неимущественные права и иные нематериальные блага, неисчерпывающий перечень которых приведен в ст. 150 ГК РФ. За пределами упомянутой области ст. 151 и 1099 ГК РФ устанавливают принцип сингулярного деликта, т. е. компенсация морального вреда при нарушении иных прав возможна лишь в случаях, специально предусмотренных законом (например. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г., Федеральный закон РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г.). Под иными (т. е. отличными от упомянутых в ст. 150 ГК РФ) правами следует понимать, во-первых, имущественные права и, во-вторых, неимущественные права, не имеющие признаков, свойственных личным неимущественным правам, упомянутым в ст. 150 ГК РФ (например, неимущественные права акционеров, установленные Федеральным Законом РФ «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г.). Таким образом, в период действия Основ компенсация морального вреда была возможна при внедоговорном нарушении как неимущественных, так и имущественных прав, и в последнем случае исковая давность к требованиям о компенсации морального вреда применима со всей очевидностью, поскольку такие требования явно не охватываются п. 2 ст. 43 Основ. Такая же ситуация имеет место и с требованиями о компенсации морального вреда, причиненного нарушением имущественных прав потребителей — ст. 208 ГК РФ не дает никаких оснований для неприменения исковой давности к таким требованиям. Перейдем к анализу ст. 208 ГК РФ.

Эта норма во многом сходна с п. 2 ст. 43 Основ, и основная часть проведенного выше в отношении п. 2 ст. 43 Основ анализа применима также к ст. 208 ГК РФ. Пожалуй, основное различие в аспекте рассматриваемого вопроса состоит в тексте вторых абзацев этих норм: ст. 43 Основ говорит о требованиях, вытекающих из нарушения личных неимуще

ственных прав, а ст. 208 ГК РФ — о требованиях о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ. Но это различие представляется несущественным. Более значимым, на наш взгляд, могло бы оказаться то, что с принятием нового Гражданского кодекса такой способ защиты гражданских прав, как возмещение морального вреда, прекратил свое существование, и ему на смену пришел новый способ — компенсация морального вреда (ст. 12, 151 ГК РФ). Возмещение морального вреда в ГК РФ не упоминается. Исходя из общих принципов толкования нормативных актов, следует применять принцип презумпции значимости тех изменений в устоявшейся терминологии, которые законодатель считает необходимым ввести. Напомним, что институт возмещения морального вреда просуществовал в законодательстве, сначала в союзном, а затем в российском около 5 лет, появившись впервые в Законе СССР *«О* печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. и прекратив свое существование с 1 января 1995 г. — даты введения в действие первой части ГК РФ.

Презумпция о наличии существенных различий между понятиями «возмещение» и «компенсация» применительно к моральному вреду опровергается, если проанализировать, какие изменения появились в институте ответственности за причинение морального вреда в российском законодательстве в связи с принятием ГК РФ. Содержание самого понятия «моральный вред» не подверглось изменению — под моральным вредом, так же как и в ст. 131 Основ, законодатель понимает в ст. 151 ГК РФ физические и нравственные страдания человека. Изменению подвергся перечень неправомерных действий, совершение которых порождает право гражданина на денежную компенсацию причиненных этими действиями страданий, а также форма, в которой возмещается (компенсируется) моральный вред — любая материальная форма возмещения (ст. 131 Основ) превращается в исключительно денежную форму компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ).Отметим также, что термин «возмещение» в Основах относился к любому вреду: имущественному вреду; вреду, причиненному жизни и здоровью; моральному вреду. В Гражданском кодексе РФ законодатель использует термин «компенсация» лишь применительно к моральному вреду; во всех остальных случаях причинения вреда он использует термин «возмещение». Наконец, в ст. 12 ГК РФ законодатель выделяет компенсацию морального вреда в качестве специального способа защиты гражданских прав. Возмещение вреда в качестве способа защиты гражданских прав в ст. 12 ГК РФ прямо не упоминается. Однако с введением в действие ч. II ГК РФ, где параграф «Компенсация морального вреда» помещен в главу «Обязательства вследствие причинения морального вреда» наряду с нормами о возмещении других видов вреда неопределенность устраняется. Существенных различий между возмещением и компенсацией морального вреда нет. Очевидно, законодатель хотел изменением терминологии подчеркнуть лишь особый характер этого вида вреда. Итак, по аналогии с проведенным выше в отношении ст. 43 Основ ана-

лизом можно сделать вывод о том, что и с позиций ГК на требования о компенсации морального вреда распространяется исковая давность, применение которой должно осуществляться по общим правилам.

Такой вывод соответствует и основным началам и смыслу гражданского законодательства. Требование о компенсации морального вреда — это требование имущественного характера, возникающее в связи с умалением личных неимущественных прав и других нематериальных благ, принадлежащих гражданину. Компенсация морального вреда представляет собой один из видов имущественной ответственности. Предположение о неприменении к имущественной ответственности срока исковой давности в данном случае противоречило бы, на наш взгляд, основным началам и смыслу гражданского законодательства, регулятивная функция которого направлена на придание устойчивости отношениям, возникающим в гражданском обороте.

Изъятие, которое законодатель делает в отношении применения срока исковой давности для требований, вытекающих из причинения вреда жизни и здоровью, оправдано тем, что в большинстве случаев причини-тель вреда знает или должен знать о самом факте причинения вреда и может предполагать возможный размер ответственности. В случае причинения морального вреда возникает иная ситуация. Страдания, физические и нравственные, представляют собой результат психической деятельности человека. Эти страдания имеют наибольшую интенсивность либо в момент умаления принадлежащих лицу нематериальных благ, либо в момент осознания лицом факта такого умаления. Часто эти моменты совпадают — например, умаление чести лица наступает в момент распространения о нем порочащих сведений, но нравственные страдания это лицо претерпит только тогда, когда оно узнает о факте распространения, что может произойти через определенный, иногда весьма значительный, промежуток времени; в тот же момент наступит и умаление достоинства лица, т. е. собственной оценки лицом своих положительных качеств.

Разумеется, причинитель вреда может предполагать наличие у потерпевшего определенной психической реакции на факт совершения неправомерного действия, но уровень этой реакции ему может быть известен лишь весьма приблизительно. Что касается размера компенсации, то о нем причинитель вреда не может иметь вообще никакого представления, если потерпевший не заявил соответствующего требования; действительный же размер компенсации может быть определен только судом (ст. 151, 1101 ГК РФ). Вряд ли справедливо было бы поставить причинителя вреда в такое положение, когда без ограничения срока он мог бы подвергнуться наступлению ответственности, размер которой он изначально не мог и не должен был предвидеть. Наконец, если исковая давность действительно была бы неприменимой к требованиям о компенсации морального вреда в случае нарушения неимущественных прав и благ (как мы отметили выше, в случае нарушения иных прав и благ исковая давность применима безусловно), неоправданное промедление с предъявлением соответствующего

иска, несомненно, входит в круг иных заслуживающих внимания обстоятельств, в смысле ст. 151, 1101 ГК РФ, которые следует учитывать при определении размера компенсации. Общий срок исковой давности составляет три года — если в течение этого срока с момента совершения неправомерного действия иск не был предъявлен, разумно и справедливо считать, что страдания отсутствовали, и во взыскании компенсации морального вреда должно быть отказано.

По общим правилам срок исковой давности начинает течь с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (ст. 200 ГК РФ). Применительно к компенсации морального вреда это означает, что течение срока исковой давности должно начинаться в момент начала претерпевания страданий, но не ранее момента осознания потерпевшим причинной связи между претерпеваемыми страданиями и нарушением его прав. Последнее условие в особенности существенно при нарушении личных неимущественных прав детей, а также при причинении вреда здоровью, поскольку вышеуказанные моменты могут не совпадать.

Претерпевание страданий лишает человека психического благополучия (полностью или частично). По нашему мнению, психическое благополучие — это одно из нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения, и одновременно одно из составляющих другого нематериального блага — здоровья в широком смысле. Нарушение психического благополучия как результат неправомерных действий (бездействия) со стороны правонарушителя никогда не наступает само по себе, но лишь в соединении с нарушением какого-либо иного вида принадлежащих гражданину прав или умалением иных благ. Поэтому при совершении правонарушения для возникновения права потерпевшего требовать компенсации морального вреда и корреспондирующей этому праву обязанности правонарушителя выплатить такую компенсацию необходимо наличие причинной связи между триадой юридических фактов: неправомерное действие (бездействие) — нарушение неимущественного права или умаление иного нематериального блага — нарушение психического благополучия (возникновение страданий). Между наступлением этих фактов возможно истечение некоторого промежутка времени (например, между моментом распространения порочащих сведений и моментом умаления достоинства гражданина либо моментом умаления его чести и началом претерпевания страдания по этому поводу). Это обстоятельство следует учитывать при применении правила о моменте начала течения срока исковой давности к требованиям о компенсации морального вреда. Особое внимание должно уделяться способности потерпевшего осознавать характер совершенного в отношении него неправомерного действия и его последствий, а также взаимную связь между ними, которая далеко не всегда бывает очевидной для потерпевшего.

Поясним изложенное на примерах. Предположим, в результате незаконного принуждения ребенка к труду, вовлечения в бродяжничество, попрошайничество и т. п. лицом, от которого ребенок находится в состо-

янии личной зависимости, ребенок не посещает учебное заведение, т. е. нарушается его личное неимущественное право на обязательное образование и всестороннее развитие личности. Вполне вероятно, что на протяжении значительного времени ребенок не будет претерпевать страданий в связи с нарушением своего неимущественного права, не осознавая ни самого факта правонарушения, ни его последствий. Однако по мере взросления и приближения к совершеннолетию ребенок может начать испытывать нравственные страдания в связи чувством неполноценности, ущербности, сложностями с трудоустройством и т. п. С момента осознания ребенком факта правонарушения и его причинной связи с претерпеваемыми страданиями начнет течь срок исковой давности.

Другой пример. Предположим, пациенту лечебного учреждения произведена инъекция, однако вследствие небрежности медицинского работника для инъекции был использован препарат с истекшим сроком годности, что может по прошествии некоторого промежутка времени отрицательно сказаться на здоровье пациента. Допустимого пациент узнает об ошибке медицинского работника и ее возможных последствиях непосредственно после инъекции. Очевидно, что естественным последствием окажется возникновение у пациента нравственных страданий в виде страха перед возможными неблагоприятными последствиями, беспокойством ввиду неопределенности исхода этой ситуации. Если неблагоприятный прогноз подтвердится и непригодное лекарство по прошествии определенного промежутка времени действительно окажет отрицательное воздействие на организм пациента, то к нравственным страданиям присоединятся физические. Течение срока исковой давности в данном случае начнется в разные моменты для разных видов страданий: с момента инъекции — для нравственных страданий и с момента проявления отрицательных физиологических последствий — для физических страданий. Если пациент узнает о медицинской ошибке непосредственно после наступления отрицательных последствий, то течение исковой давности начнется одновременно для обоих видов страданий независимо от того промежутка времени, который пройдет с момента произведения инъекции до момента наступления вызванных ею последствий.

Заключение

Проведенный в предыдущих главах анализ позволяет сформулировать некоторые предложения по совершенствованию норм ГК РФ, регулирующих отношения, возникающие в связи с причинением морального вреда. Прежде всего это касается ст. 151 ГК, ее нахождение в гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» представляется по меньшей мере избыточным при наличии в ч. II ГК РФ ст. 1099—1101, учитывая, что моральный вред является одним из видов вреда, который может быть причинен личности, и норма, регулирующая отношения ответственности в связи с его причинением, находится вне гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда»; кроме того, имеются некоторые противоречия между ст. 151 и ст. 1099 и 1101 ГК РФ, на которые обращалось внимание в предыдущих главах (несовпадение самого объекта правовой защиты — личных неимущественных прав в ст. 151 ГК РФ и любых неимущественных прав в ст. 1099 ГК РФ, несовпадение критериев оценки размера компенсации морального вреда в ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ). При разработке предложений учитывались и некоторые неточности, порождающие неосновательные предположения (например, о допустимости компенсации морального вреда, причиненного юридическому лицу или, скорее, о самой возможности причинения юридическому лицу такого вреда), и другие результаты исследований. Термин «моральный вред» подлежит замене термином «психический вред» по всему тексту ГК РФ.

1. В статье 12 ГК РФ «Способы защиты гражданских прав» слова «компенсации морального вреда» следует заменить словами «компенсации физических и нравственных страданий гражданина (морального вреда)»;

2. Статью 151 ГК РФ — исключить.

3. В статье 152 ГК РФ после слов «возмещения убытков и» ввести слово «компенсации».

4. Пункт 7 ст. 152 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина применяются, за исключением компенсации морального вреда, и к защите деловой репутации юридического лица».

5. Статью 1099 ГК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 1099. Основания компенсации морального вреда 1, Моральный вред подлежит компенсации, если он причинен непра-

вомерными действиями (бездействием), нарушающими личные неимущественные права гражданина или посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага (ст. 150), а также в иных случаях, предусмотренных законом.

2. Моральный вред подлежит компенсации при наличии вины причи-нителя вреда.

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного заключения под стражу и содержания под стражей, незаконного применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде исправительных работ;

вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина;

в иных случаях, предусмотренных законом.

3. Компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению иного вреда».

6. Статью 1).00 ГК РФ — исключить.

7. Статью 1101 ГК **РФ** считать ст. 1100, изложив ее в следующей редакции:

«Ст. 1100. Способ и размер компенсации морального вреда

1. Компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме.

2. Размер компенсации морального вреда определяется судом с учетом требований разумности и справедливости и должен быть адекватен глубине причиненных потерпевшему страданий. При определении размера компенсации суд принимает во внимание степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием компенсации морального вреда, характер нематериальных благ, которым причинен вред, индивидуальные особенности потерпевшего, обстоятельства причинения вреда и иные заслуживающие внимания обстоятельства».

Приложение 1

Образцы исковых заявлений о компенсации морального вреда

ОБРАЗЕЦ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ о компенсации морального вреда (стандартный вариант)

В______________ суд

Истец: ______________

Адрес: ______________

Ответчик: ___________

Адрес: ______________

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

«__»______199 г. ответчик совершил в отношении меня неправомерное действие (проявил неправомерное бездействие), заключающееся в том, что

Указанным действием (бездействием) было нарушено принадлежащее мне неимущественное право __________________________________ (был причинен ущерб принадлежащему мне нематериальному благу — моему (моей) __________________), что причинило мне физические страдания, заключающиеся в претерпевании мною *(боли. головокружения. тошноты и т.п.)* и нравственные страдания, заключающиеся в претерпевании мною *(страха, обиды, разочарования, горя. чувства утраты).*

Следующие фактические обстоятельства, при которых мне был причинен моральный вред, повысили степень моих страданий: *(указать)*________________.

Я обладаю следующими индивидуальными особенностями, которые повысили степень перенесенных мною страданий: *(указать)*_____. Наличие этих особенностей подтверждается следующими доказательствами____.

Претерпевание мною указанных страданий дополнительно подтверждается следующими доказательствами:__________________.

По моему мнению, причиненный мне ответчиком моральный вред будет компенсирован в случае выплаты мне ответчиком денежной компенсации в размере____________________руб.

В соответствии со ст. 151, 1099-1101 ГК РФ ПРОШУ:

Взыскать с ответчика денежную компенсацию причиненного мне морального вреда.

Приложение:

1. Упоминаемые по тексту искового заявления письменные доказательства.
2. Доказательство уплаты госпошлины (марки, квитанции) в случае, если законом не предусмотрено освобождение от уплаты госпошлины.
3. Копия искового заявления для ответчика. Подпись

Дата

Примечание:

1. Предлагаемая форма искового заявления может быть применена во всех случаях компенсации причиненного морального вреда, кроме компенсации в порядке ст. 15 2 ГК (защита чести и достоинства).
2. Абзац о дополнительных доказательствах включается в текст искового заявления только при наличии таких доказательств.

ОБРАЗЕЦ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ о защите чести и достоинства и компенсации морального вреда

В______________ суд
____
Истец: _____________
Адрес: _____________
____
Ответчик: ___________
____
Адрес: _____________

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

«__»______199 г. ответчик распространил в отношении меня порочащие и не соответствующие действительности сведения, заключающиеся в том, что___________________________.

____

Указанные сведения были распространены _____________ (указать способ распространения).

Этими действиями был причинен ущерб принадлежащему мне нематериальному благу, моей чести и достоинству (деловой репутации), что причинило мне физические страдания, заключающиеся в претерпевании мною

____

и нравственные страдания, заключающиеся в претерпевании мною *(разочарования, горя. чувства утраты и т. п.)*__________________.

Следующие фактические обстоятельства, при которых мне был причинен моральный вред, повысили степень моих страданий: *(указать}*__________________.

Я обладаю следующими индивидуальными особенностями, которые повысили степень перенесенных мною страданий: *(указать)*____. Наличие этих особенностей подтверждается следующими доказательствами________________________________.

Претерпевание мною указанных страданий дополнительно подтверждается следующими доказательствами: _____________,

____

По моему мнению, причиненный мне ответчиком моральный вред будет компенсирован в случае выплаты мне ответчиком денежной компенсации в размере____________________руб.

В соответствии с п.1, 5 ст. 152 ГК РФ ПРОШУ:

1. Обязать ответчика опровергнуть распространенные сведения (указать желаемый способ опровержения;
2. Взыскать с ответчика денежную компенсацию причиненного мне морального вреда.

Приложение:

\ ^поминаемые п0 тексту искового заявления письменные доказательства

-"^""^•SoS^S1SS- """• -" »-3. Копия искового заявления для ответчика.

Подпись

Дата

Примечание:

лен^л^^и^иТи^^^^^^^^^^

ОБРАЗЕЦ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ

о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями и решениями органов управления и должностных лиц

В______________ суд

Истец: ______________

Адрес: ______________

Ответчик: ___________

Адрес: ______________

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

«__»______199 г. ответчик (орган управления, должностное лицо) совершил в отношении меня неправомерное действие (проявил неправомерное бездействие, принял неправомерное решение), заключающееся в том, что_______*(указать)*__________________.

Указанное действие (бездействие, решение) незаконно по следующим основаниям:_____*(пояснить)*____________________.

Указанным действием (бездействием) было нарушено принадлежащее мне неимущественное право____*(какое именно)*_______(был причинен ущерб принадлежащему мне нематериальному благу — моей свободе ___*(какой именно)*______ *),* что причинило мне физические страдания, заключающиеся в претерпевании мною _________*(указать)*__________________________и нравственные страдания, заключающиеся в претерпевании мною ______*(указать)*______________________.

Следующие фактические обстоятельства, при которых мне был причинен моральный вред, повысили степень моих страданий: *(указать)*___________________________.

Я обладаю следующими индивидуальными особенностями, которые повысили степень перенесенных мною страданий: *(указать)*________.

Наличие этих особенностей подтверждается следующими доказательствами ________________*(указать)*___________________.

Претерпевание мною указанных страданий дополнительно подтверждается следующими доказательствами: ____*(указать)*________ .

По моему мнению, причиненный мне ответчиком моральный вред будет компенсирован в случае выплаты мне ответчиком денежной компенсации в размере____________________руб.

В соответствии со ст. 7 Закона РФ об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан, ст. 151, 1069, 1099—1101 ГК РФ, ПРОШУ:

1. Признать обжалуемое действие (бездействие, решение) незаконным.
2. Взыскать с ответчика денежную компенсацию причиненного мне морального вреда.

Приложение:

1. Упоминаемые по тексту искового заявления письменные доказательства
2. Доказательство уплаты госпошлины (марки, квитанции) J. Копия искового заявления для ответчика.

Подпись Дата

Примечание:

лев^пТ0^"0тм1"^11"1" ^"з-^ьствах включается в текст искового заявления только при наличии таких доказательств.

Приложение 2

СОГЛАШЕНИЕ о добровольной компенсации морального вреда (образец)

г.Москва __________19 г.

__________________, именуемый далее Причинитель

вреда, с одной стороны, и ___________________, именуемый

далее Потерпевший, с другой стороны, имея целью во внесудебном порядке прекратить существующее обязательство Причинителя вреда перед Потерпевшим по компенсации морального вреда, заключили настоящее Соглашение о нижеследующем:

1. Стороны констатируют, что Причинителем вреда в отношении Потерпевшего было совершено неправомерное действие, заключающееся в ___*дописать неправомерное действие)*_______________, чем

а)нарушено личное неимущественное право (причинен ущерб личному неимущественному благу) Потерпевшего _____*^указать. какое именно)*_______, и (или)

б) нарушено право потребителя *(указать, какое именно)*_____.

2. Причинитель вреда признает, что указанным в п. 1 настоящего Соглашения правонарушением Потерпевшему причинены нравственные (указать, какие именно) и (или) физические (указать, какие именно) страдания, то есть причинен подлежащий компенсации моральный вред.

3. Потерпевший, всесторонне оценив характер и степень страданий, которые перенесены им к моменту подписания настоящего Соглашения и могут быть перенесены в будущем в связи с указанным в п. 1 настоящего Соглашения правонарушением, считает, что указанные страдания будут полностью компенсированы в случае выплаты ему Причинителем вреда денежной суммы в размере_________________руб. в срок до ________г. следующим способом (вручение наличными, перечисление на банковский счет или др.).

4. Причинитель вреда, принимая во внимание п. 5 настоящего Соглашения, соглашается с произведенной Потерпевшим оценкой размера компенсации морального вреда и обязуется выплатить Потерпевшему сумму компенсации в указанном в п. 3 настоящего Соглашения размере в указанный там же срок указанным там же способом.

5. Потерпевший сознает, что в случае предъявления им иска к Причи-нителю вреда суд может определить иной, как более низкий, так и более высокий по сравнению с указанным в п. 3 настоящего Соглашения, размер компенсации морального вреда.

В случае определения судом более высокого размера компенсации Потерпевший, учитывая добровольное удовлетворение Причинителем вреда своего требования о компенсации морального вреда, освобождает Причинителя вреда от выплаты какой бы то ни было дополнительной по отношению к выплаченной в соответствии с п. 3 настоящего Соглашения суммы компенсации, то есть прощает долг в порядке ст. 415 ГК РФ.

6. Настоящее Соглашение вступает в силу с ____ 19 г.

7. В остальном стороны руководствуются действующим законодательством.

8. Адреса и иные реквизиты сторон.

Причинитель вреда______________________________

Потерпевший_________________________________

Причинитель вреда Потерпевший подпись подпись

Приложение 3

Нормативные акты и судебная практика

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Извлечение

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Статья 2

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Статья 6

1. Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.
2. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.
3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Статья 15

1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.
2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.
3. Законы подлежат официальному опубликованию.

Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее

правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

ГЛАВА 2 ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Статья 17

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.
2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.
3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Статья 19

1. Все равны перед законом и судом.
2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

3. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Статья 20

1. Каждый имеет право на жизнь.
2. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Статья 21

1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.
2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Статья 22

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.
2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Статья 23

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.
2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Статья 24

1. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.
2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Статья 25

Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Статья 26

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.
2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Статья 27

1. Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.
2. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Статья 28

Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую ре-

лигию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Статья 29

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.
2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.
3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.
4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Статья 30

1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.
2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем.

Статья 31

Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Статья 32

1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.
2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме.
3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.
4. Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе.
5. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия.

Статья 37

1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

2. Принудительный труд запрещен.

3. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

4. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку.

5. Каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск.

Статья 41

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпи-демиологическому благополучию.

3. Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Статья 42

Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Статья 43

w

1. Каждый имеет право на образование.

2. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования.

Статья 44

1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом.
2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.
3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

Статья 52

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Статья 53

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

30 ноября 1994 года. № 51-ФЗ

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Извлечение

Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года Одобрен Советом Федерации

Статья 12. Способы защиты гражданских прав

Защита гражданских прав осуществляется путем: признания права; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения;

неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иными способами, предусмотренными законом.

Глава 8. НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА И ИХ ЗАЩИТА

Статья 150. Нематериальные блага

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражкда-нину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя.

2. Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Статья 151. Компенсация морального вреда

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные

права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации

1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Если указанные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.

Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом.

3. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации.

4. Если решение суда не выполнено, суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в размере и в порядке, предусмотренных процессуальным законодательством, в доход Российской Федерации. Уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить предусмотренное решением суда действие.

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

6. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

7. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

26 января 1996 года № 14-ФЗ

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Извлечение

Принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года

ЧАСТЬ ВТОРАЯ § 4. Компенсация морального вреда

Статья 1099. Общие положения

1. Основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными настоящей главой и статьей 151 настоящего Кодекса.
2. Моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом.
3. Компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Статья 1100. Основания компенсации морального вреда

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины при-чинителя вреда в случаях, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; в иных случаях, предусмотренных законом.

Статья 1101. Способ и размер компенсации морального вреда

1. Компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме.
2. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

19 декабря 1991 года № 2060-1

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЗАКОН

ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Извлечение

(в ред. Законов РФ от 21.02.92 № 2397-1, от 02.06.93 № 5076-1)

Статья 89. Возмещение вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей природной среды

1. Вред, причиненный здоровью граждан в результате неблагоприятного воздействия окружающей природной среды, вызванного деятельностью предприятий, учреждений, организаций или отдельных граждан, подлежит возмещению в полном объеме.

2. При определении величины вреда здоровью граждан учитываются: степень утраты трудоспособности потерпевшего, необходимые затраты на лечение и восстановление здоровья, затраты на уход за больным, иные расходы, в том числе упущенные профессиональные возможности, затраты, связанные с необходимостью изменения места жительства и образа жизни, профессии, а также потери, связанные с моральными травмами, невозможностью иметь детей или риском рождения детей с врожденной патологией.

3. Возмещение вреда здоровью граждан производится на основании решения суда по иску потерпевшего, членов его семьи, прокурора, уполномоченного на то органа государственного управления, общественной организации (объединения) в интересах потерпевшего.

4. Сумма денежных средств за причиненный вред здоровью граждан взыскивается с причинителя вреда, а при невозможности его установления — за счет средств соответствующих государственных экологических фондов.

27 декабря 1991 года № 2124-1

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЗАКОН О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ Извлечение

(в ред. Федеральных законов от 13.01.95 № 6-ФЗ, от 06.06.95 № 87-ФЗ, от 19.07.95 № 114-ФЗ, от 27.12.95 № 21БФЗ)

Статья 62. Возмещение морального вреда

Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный вред, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами в размере, определяемом судом.

7 февраля 1992 года № 2300-1

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЗАКОН О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ Извлечение

(в ред. Федерального закона от 09.01.96 № 2-ФЗ) **Статья 15.**

Компенсация морального вреда

Моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) или организацией, выполняющей функции изготовителя (продавца) на основании договора с ним, прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом.

Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков.

29 декабря 1995 года № 223-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Извлечение

Статья 30. Последствия признания брака недействительным

1. Брак, признанный судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, предусмотренных настоящим Кодексом, за исключением случаев, установленных пунктами 4 и 5 настоящей статьи.

2. К имуществу, приобретенному совместно лицами, брак которых признан недействительным, применяются положения Гражданского, кодекса Российской Федерации о долевой собственности. Брачный договор, заключенный супругами (статьи 40 — 42 настоящего Кодекса), признается недействительным.

3. Признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке или в течение трехсот дней со дня признания брака недействительным (пункт 2 статьи 48 настоящего Кодекса).

4. При вынесении решения о признании брака недействительным суд вправе признать за супругом, права которого нарушены заключением такого брака (добросовестным супругом), право на получение от другого супруга содержания в соответствии со статьями 90 и 91 настоящего Кодекса, а в отношении раздела имущества, приобретенного совместно до момента признания брака недействительным, вправе применить положения, установленные статьями 34, 38 и 39 настоящего Кодекса, а также признать действительным брачный договор полностью или частично.

Добросовестный супруг вправе требовать возмещения причиненного ему материального и морального вреда по правилам, предусмотренным гражданским законодательством.

5. Добросовестный супруг вправе при признании брака недействительным сохранить фамилию, избранную им при государственной регистрации заключения брака.

24 ноября 1996 года № 132-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОБ ОСНОВАХ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Извлечение

Принят Государственной Думой 4 октября 1996 года Одобрен Советом Федерации 14 ноября 1996 года

Статья 6. Права туриста

При подготовке к путешествию, во время его совершения, включая транзит, турист имеет право на: необходимую и достоверную информацию о правилах въезда в страну (место) временного пребывания и пребывания там, об обычаях местного населения, о религиозных обрядах, святынях, памятниках природы, истории, культуры и других объектах туристского показа, находящихся под особой охраной, состоянии окружающей природной среды; свободу передвижения, свободный доступ к туристским ресурсам с учетом принятых в стране (месте) временного пребывания ограничительных мер; обеспечение личной безопасности, своих потребительских прав и сохранности своего имущества, беспрепятственное получение неотложной медицинской помощи; возмещение убытков и компенсацию морального вреда в случае невыполнения условий договора розничной купли — продажи туристского продукта (далее — договор) туроператором или турагентом в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; содействие органов власти (органов местного самоуправления) страны (места) временного пребывания в получении правовой и иных видов неотложной помощи; беспрепятственный доступ к средствам связи.

9 декабря 1971 года

КОДЕКС ЗАКОНОВ О ТРУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Извлечение

(в ред. Указов Президиума ВС РФ от 20.09.73, от 30.12.76, от 12.08.80, от 19.11.82, от 20.12.83, от 18.01.85, от 28.05.86, от 29.09.87, от 05.02.88, от 31.03.88, Законов РФ от 12.03.92 № 2502-1, от 25.09.92 № 3543-1, от 22.12.92 № 4176-1, Федеральных законов от 27.01.95 № 10-ФЗ, от 15.02.95 № 14-ФЗ,

от 18.07.95 № 109-ФЗ, от 24.08.95 № 152-ФЗ, от 24.11.95 № 182-ФЗ, от 24.11.96 № 131-ФЗ, от 17.03.97 № 59-ФЗ) Преамбула исключена. — Закон РФ от 25.09.92 № 3543-1.

Статья 213. Вынесение решений по спорам об увольнении и переводе на другую работу

В случае увольнения без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения либо незаконного перевода на другую работу работник должен быть восстановлен на прежней работе органом, рассматривающим трудовой спор.

При вынесении решения о восстановлении на работе орган, рассматривающий трудовой спор, одновременно принимает решение о выплате работнику среднего заработка за все время вынужденного прогула или разницы в заработке за все время выполнения нижеоплачиваемой работы.

(в ред. Федерального закона от 17.03.97 № 59-ФЗ) (см. текст в предыдущей редакции) По просьбе работника орган, рассматривающий трудовой спор, может ограничиться вынесением решения о взыскании в его пользу указанных выше компенсаций и об изменении формулировки основания увольнения на увольнение по собственному желанию.

В случае признания формулировки причины увольнения неправильной или не соответствующей действующему законодательству орган, рассматривающий трудовой спор, обязан изменить ее и указать в решении причину увольнения в точном соответствии с формулировкой действующего законодательства и со ссылкой на соответствующую статью (пункт) закона. Если неправильная или не соответствующая действующему законодательству формулировка причины увольнения в трудовой книжке препятствовала поступлению работника на новую работу, орган, рассматривающий трудовой спор, одновременно принимает решение о выплате ему среднего заработка за все время вынужденного прогула.

(в ред. Федерального закона от 17.03.97 № 59-ФЗ) (см. текст в предыдущей редакции) В случаях увольнения без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения либо незаконного перевода на другую работу суд вправе по требованию работника вынести решение о возмещении работнику денежной компенсации морального вреда, причиненного ему указанными действиями. Размер этой компенсации определяется судом.

(часть пятая введена Федеральным законом от 17.03.97 № 59-ФЗ)

7 декабря 1991 года № 1998-1

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЗАКОН О ПОДОХОДНОМ НАЛОГЕ С ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

(в ред. Законов РФ от 16.07.92 № 3317-1, от 22.12 92 № 4178-1, от 06 03 93 № 4618-1; Федеральных законов от 27.10.94 № 29-ФЗ, от 11 11 94 No 37-ФЗ, от 23.12.94 № 74-ФЗ, от 27.01.95 № 10-ФЗ, от 26 06 95 No 95-ФЗ, от 04.08.95 № 125-ФЗ, от 27.12.95 № 211-ФЗ, от 05.03.96 № 22-ФЗ, от 21.06.96 № 83-ФЗ, от 10.01.97 № 11-ФЗ)
(в ред. Федерального закона от 28.06.97 № 94-ФЗ)

Статья 3. Доходы, не подлежащие налогообложению

д) все виды установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации и решениями органов местного самоуправления компенсационных выплат физическим лицам в пределах норм, утвержденных законодательством, связанных с:

выполнением ими трудовых обязанностей;

переездом на работу в другую местность;

возмещением командировочных расходов;

возмещением вреда, причиненного повреждением здоровья;

бесплатным предоставлением жилых помещений и коммунальных услуг;

оплатой стоимости полагающегося натурального довольствия и сумм взамен этого довольствия;

увольнением работников;

гибелью военнослужащих;

возмещением иных расходов.

Зарегистрировано в Минюсте РФ 21 июля 1995 г. № 911

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНСТРУКЦИЯ от 29 июня 1995 г. № 35 Извлечение

ПО ПРИМЕНЕНИЮ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПОДОХОДНОМ НАЛОГЕ С ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ»

(в ред. Изменении и дополнений Госналогслужбы РФ № 1 от 01.09.95, № 2 от 02.04.96, № 3 от 11.07.96, № 4 от 27.03.97)

8. В совокупный годовой доход не включаются:

д) все виды установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации и решениями органов местного самоуправления компенсационных выплат физическим лицам в пределах норм, утвержденных законодательством, связанных с:

выполнением ими трудовых обязанностей;

переездом на работу в другую местность;

возмещением командировочных расходов;

возмещением вреда, причиненного повреждением здоровья;

бесплатным предоставлением жилых помещений и коммунальных услуг;

оплатой стоимости полагающегося натурального довольствия и сумм взамен этого довольствия;

увольнением работников;

гибелью военнослужащих;

возмещением иных расходов.

Суммы указанных выплат, превышающие установленные нормы, включаются в облагаемый доход.

27 мая 1996 года № 57-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ Извлечение

Принят Государственной Думой 24 апреля 19% года Одобрен Советом Федерации 15 мая 1996 года (в ред. Федерального закона от 18.07.97 № 101-ФЗ)

Статья 23. Обжалование неправомерных действий сотрудников федеральных органов государственной охраны

Граждане и должностные лица вправе обжаловать действия сотрудников федеральных органов государственной охраны должностным лицам этих органов, прокурору или в суд, если считают, что эти действия повлекли ущемление их прав, или нанесли им моральный вред, или причинили им убытки.

Статья 24. Условия применения физической силы, специальных средств и оружия

1. Сотрудники федеральных органов государственной охраны имеют право применять физическую силу, специальные средства и оружие в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом.

2. При применении физической силы, специальных средств или оружия сотрудники федеральных органов государственной охраны обязаны предупредить о намерении их использовать, предоставив при этом достаточно времени для выполнения законных требований сотрудников, за исключением случаев, если:

1) промедление в применении физической силы, специальных средств или оружия создает непосредственную опасность для жизни или здоровья объектов государственной охраны, сотрудников федеральных органов государственной охраны и государственных органов обеспечения безопасности, привлеченных для участия в проведении охранных мероприятий, а также иных граждан либо реальную угрозу безопасности охраняемых объектов и транспортных средств;

2) такое предупреждение является неуместным или невозможным. 3. Сотрудники федеральных органов государственной охраны не несут ответственность за моральный вред, убытки и вред охраняемым уголовным законом интересам, причиненные ими в связи с применением в предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях физической силы, специальных средств или оружия, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны либо крайней необходимости, или превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, или совершение умышленного преступления во исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения, а также в условиях обоснованного риска. В иных случаях ответственность наступает в порядке, установленном федеральным законодательством.

(п. 3 в ред. Федерального закона от 18.07.97 № 101-ФЗ)

22 января 1993 года № 4338-1

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЗАКОН О СТАТУСЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
Извлечение

(в ред. Федерального закона от 24.11.95 № 178-ФЗ)

Статья 18. Страховые гарантии военнослужащим. Право на возмещение ущерба

5. Государство гарантирует военнослужащим возмещение морального и материального ущерба, причиненного противоправными действиями должностных лиц органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления, органов военного управления, предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, а также других лиц в результате:

незаконного привлечения к уголовной или иной ответственности; незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу; незаконного осуждения; незаконного снижения в должности или воинском звании; несоблюдения условий контракта; незаконного лишения прав и льгот.

По решению органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления, командиров (начальников) в пределах их компетенции или суда восстанавливаются права военнослужащих и возмещается ущерб за счет виновных или республиканского бюджета Российской Федерации.

6. Компенсация ущерба и гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих, пострадавших в результате испытаний, аварий и эксплуатации ядерных установок военного или гражданского назначения, а также порядок прохождения военной службы на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, определяются законодательством Российской Федерации.

27 апреля 1993 года № 4866-1

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ЗАКОН ОБ ОБЖАЛОВАНИИ В СУД ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ, НАРУШАЮЩИХ ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН Извлечение

(в ред. Федерального закона от 14.12.95 № 197-ФЗ) **Статья 7.**

Решение суда по жалобе

По результатам рассмотрения жалобы суд выносит решение.

Установив обоснованность жалобы, суд признает обжалуемое действие (решение) незаконным, обязывает удовлетворить требование гражданина, отменяет примененные к нему меры ответственности либо иным путем восстанавливает его нарушенные права и свободы.

Обжалуемое действие (решение) признается незаконным, если оно приводит к указанным в статье 2 настоящего Закона последствиям.

Установив обоснованность жалобы, суд определяет ответственность государственного органа, органа местного самоуправления, учреждения, предприятия или объединения, общественного объединения или должностного лица, государственного служащего за действия (решения), приведшие к нарушению прав и свобод гражданина.

В отношении государственных служащих, совершивших действия (принявших решения), признанные незаконными, суд определяет меру предусмотренной Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации», другими федеральными законами ответственности государственного служащего, вплоть до представления об увольнении. Ответственность может быть возложена как на тех, чьи действия (решения) признаны незаконными, так и на тех, кем представлена информация, ставшая основанием для незаконных действий (решений), указанных в статье 2 настоящего Закона.

Убытки, моральный вред, нанесенные гражданину признанными незаконными действиями (решениями), а также представлением искаженной информации, возмещаются в установленном Гражданским кодексом Российской Федерации порядке.

(части 3—6 введены Федеральным законом от 14.12.95 № 197-ФЗ) Если обжалуемое действие (решение) суд признает законным, не нарушающим прав и свобод гражданина, он отказывает в удовлетворении жалобы.

ПРАВИЛА ВОЗМЕЩЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЯМИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО РАБОТНИКАМ УВЕЧЬЕМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ ЛИБО ИНЫМ ПОВРЕЖДЕНИЕМ ЗДОРОВЬЯ, СВЯЗАННЫМИ С ИСПОЛНЕНИЕМ ИМИ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ Извлечение

(в ред. Федерального закона от 24.11.95 № 180-ФЗ)

Статья 3. Основания ответственности работодателя за вред, причиненный здоровью работника трудовым увечьем

Работодатель обязан возместить в полном объеме вред, причиненный здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей источником повышенной опасности (статья 454 Гражданского кодекса Российской Федерации), если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы либо умысла потерпевшего. Если вред причинен здоровью работника не источником повышенной опасности, то работодатель освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине. (в ред. Федерального закона от 24.11.95 № 180-ФЗ)

Статья 4. Виня работодателя

Трудовое увечье считается наступившим по вине работодателя (часть вторая статьи 3 Правил), если оно произошло вследствие необеспечения им здоровых и безопасных условий труда (несоблюдение правил охраны труда, техники безопасности, промышленной санитарии и т. п.).

Статья 25. Обязанность работодателя возместить потерпевшему моральный вред

Работодатель обязан возместить потерпевшему, получившему трудовое увечье, моральный вред (физические и нравственные страдания). Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Статья 30. Обязанность работодателя возместить семье, потерявшей кормильца, моральный вред

Работодатель обязан возместить семье, потерявшей кормильца вследствие трудового увечья, моральный вред. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 18 августа 1992 г. № 11

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ВОЗНИКШИХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И^ОСТОИНСТВА ГРАЖДАН, А ТАКЖЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

(в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.93 № 11, от 25.04.95 № 6)

Обсудив материалы проведенного совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации изучения судебной практики по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего данные правоотношения, постановляет дать судам следующие разъяснения:

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

1. Обратить внимание судов на то, что право граждан на защиту чести, достоинства, деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности. Это обязывает суды при рассмотрении споров о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц глубоко анализировать все обстоятельства каждого дела данной категории, (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

2. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, о котором указывается в статье 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т. п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица. (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

3. В порядке, определенном ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, не могут рассматриваться требования об опровержении све-

дений, содержащихся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других официальных документах, для обжалования которых предусмотрен иной установленный законами порядок, (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

4. Искипо делам данной категории вправе предъявить юридические лица и граждане, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

При распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных иски о защите их чести и достоинства в соответствии со ст. 48 ГПК РСФСР могут предъявить законные представители. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти (ч. 2 п. 1 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

5. Пунктами 1 и 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а юридическое лицо — сведений, порочащих его деловую репутацию. При этом законом не предусмотрено обязательного предварительного обращения с таким требованием к ответчику, в том числе и в случае, когда иск предъявлен к средству массовой информации, распространившему указанные выше сведения.

Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, а также юридическое лицо, если опубликованные сведения порочат его деловую репутацию, имеют право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации (п. п. 3, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

(п. 5 в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

6. Ответчиками по искам об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство или деловую репутацию, являются лица, распространившие эти сведения.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

Если иск содержит требование об опровержении сведений, распространенных в средствах массовой информации, в качестве ответчиков привлекаются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. При опубликовании или ином распространении таких сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации. В случае, если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика должен быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

По искам об опровержении порочащих сведений, изложенных в служебных характеристиках, ответчиками являются лица, их подписавшие, и предприятие, учреждение, организация, от имени которых выдана характеристика.

7. В силу ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике независимо от того, предъявлен ли иск о защите чести, достоинства, деловой репутации либо о возложении на средство массовой информации обязанности опубликовать ответ истца на публикацию.

Истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск.

(п. 7 в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

8. В случае, когда действия лица, распространившего порочащие другое лицо сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130 или ст. 131 У К РСФСР, потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

Отказ в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 130 и ст. 131 У К РСФСР, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства либо деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

9. Наличие обстоятельств, которые в силу ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» могут служить основанием для освобождения от ответственности редакции, главного редактора, журналиста за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан, а также деловую репутацию граждан и юридических лиц, не исключает возможности рассмотрения судом иска юридического лица или гражданина об опровержении таких сведений.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6) При этом к участию в деле должны быть привлечены граждане и организации, от которых поступили такие сведения и которые должны доказать, что они соответствуют действительности. На редакцию средства массовой информации в случае удовлетворения иска может быть возложена обязанность сообщить о решении суда и в случае, если имеются основания, исключающие ее ответственность.

10. На требование о защите чести, достоинства, деловой репутации, заявленное в порядке п. п. 1 — 3, 5 — 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, исковая давность в силу ст. 208 первой части этого же Кодекса не распространяется.

(п. 10 в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6) 11. В силу п. п. 5, 7 ст. Г52 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, а также юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением. Компенсация морального вреда виновным должностным лицом или гражданином либо средством массовой информации определяется судом при вынесении решения в денежном выражении.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6) При определении размера такой компенсации суд принимает во внимание обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6) Если не соответствующие действительности порочащие сведения были

распространены в средствах массовой информации, суд, определяя размер компенсации морального вреда, вправе также учесть характер и содержание публикации, степень распространения недостоверных сведений и другие заслуживающие внимания обстоятельства. .

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6) При этом следует иметь в виду, что моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной сумме, признается законом вредом неимущественным и, следовательно, государственная пошлина должна взиматься на основании подп. «д» п. 1 ст. 3 Закона Российской Федерации «О государственной пошлине», а не в процентном отношении к сумме, определенной судом в качестве возмещения понесенного истцом морального вреда.

Требование о возмещении морального вреда может быть заявлено самостоятельно, если, например, редакция средства массовой информации добровольно опубликовала опровержение, удовлетворяющее истца.

12. В случае, когда вместе с просьбой о защите чести, достоинства гражданина либо деловой репутации гражданина или юридического лица заявлено требование о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений, суд разрешает это требование в соответствии с п. п. 5, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

(п. 12 в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

13. При удовлетворении иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения порочащих сведений, признанных не соответствующими действительности, и при необходимости изложить текст такого опровержения, где должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены, а также определить срок (применительно к установленному ст. 44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»), в течение которого оно должно последовать.

14. При неисполнении решения по делу о защите чести и достоинства, а также деловой репутации в установленный судом срок он в соответствии со ст. 406 ГПК РСФСР вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в доход государства. При повторном и последующих нарушениях сроков, устанавливаемых судом для исполнения решения, штраф может быть применен неоднократно, причем уплата штрафа не освобождает должника от обязанности выполнить решение суда об опровержении порочащих истца сведений.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

15. В связи с принятием данного Постановления Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 года «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» с последующими изменениями и дополнениями на территории Российской Федерации не действует.

Председатель Верховного Суда - Российской Федерации В.М.ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума, член Верховного Суда Российской Федерации В.В.ДЕМИДОВ

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 29 сентября 1994 г. № 7

О ПРАКТИКЕ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ Извлечение

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.95 № 6)

1. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», принятый Верховным Советом Российской Федерации 7 февраля 1992 г. и вступивший в силу 7 апреля 1992 г., регулирует отношения между потребителем — гражданином, приобретающим и использующим товары, заказывающим либо имеющим намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для личных бытовых нужд, с одной стороны, и предприятием, учреждением, организацией либо гражданином — предпринимателем, осуществляющим изготовление и продажу товаров, выполнение работ и оказание услуг — с другой стороны.

Действие этого Закона не распространяется на отношения между гражданами, вступающими в договорные отношения между собой с целью удовлетворения личных бытовых нужд, а также на случаи приобретения товаров, использования услуг гражданином — предпринимателем не для личных бытовых нужд, а для осуществления предпринимательской деятельности и на случаи, когда приобретаемые товары, заказываемые работы и оказываемые услуги предназначены для удовлетворения потребностей предприятий, учреждений, организаций.

2. К отношениям, регулируемым названным Законом Российской Федерации, в частности, относятся отношения, вытекающие из договоров купли — продажи; имущественного найма, в том числе бытового проката, безвозмездного пользования имуществом; найма (аренды) жилого помещения (отношения между нанимателем (арендатором) и наймодателем (арендодателем), являющимся одновременно исполнителем услуг: по ремонту жилищного фонда, обеспечению работы инженерного оборудования, по обеспечению коммунальными услугами, которые он обязан предоставить, поскольку это является одним из условий договора жилищного найма (аренды)); подряда, в том числе бытового заказа и абонементного обслуживания; перевозки граждан, их багажа и грузов; комиссии; хранения; из договоров на оказание финансовых услуг, направленных на удовлетворение личных бытовых нужд потребителя — гражданина, в том числе предоставление кредитов для личных бытовых нужд граждан, открытие и ведение счетов клиентов — граждан, осуществление расчетов по их поручению, услуги по приему от граждан и хранению ценных бумаг и других ценностей, оказание им консультационных услуг; и других договоров.

25. В силу ст. 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) его прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, возмещается причинителем вреда только при наличии вины.

Поскольку моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда, размер иска, удовлетворяемого судом, не может быть поставлен в зависимость от стоимости товара (работы, услуги) или суммы подлежащей взысканию неустойки, а должен основываться на характере и объеме причиненных потребителю нравственных и физических страданий в каждом конкретном случае.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 20 декабря 1994 г. № 10

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10)

Обсудив материалы проведенного изучения судебной практики по делам о компенсации за нанесенный моральный вред. Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что многообразие законодательных актов, регулирующих отношения, связанные с причинением морального вреда, различные сроки введения их в действие, а также принятие первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая вводится в действие с 1 января 1995 г., порождают вопросы, требующие разрешения.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда, наиболее полной и быстрой защиты интересов потерпевших при рассмотрении судами дел этой категории Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

1. Учитывая, что вопросы компенсации морального вреда в сфере гражданских правоотношений регулируются рядом законодательных актов, введенных в действие в разные сроки, суду в целях обеспечения правильного и своевременного разрешения возникшего спора необходимо по каждому делу выяснять характер взаимоотношений сторон и какими правовыми нормами они регулируются, допускает ли законодательство возможность компенсации морального вреда по данному виду правоотношений и, если такая ответственность установлена, когда вступил в силу законодательный акт, предусматривающий условия и порядок компенсации вреда в этих случаях, а также когда были совершены действия, повлекшие причинение морального вреда.

Суду необходимо также выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены

потерпевшим, в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

2. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

При этом следует учитывать, что статьей 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик установлена ответственность за моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, и в том случае, когда в законе отсутствует специальное указание о возможности его компенсации.

Статьей 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая введена в действие с 1 января 1995 г., указанное положение сохранено лишь для случаев причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место при наличии указания об этом в законе.

3. В соответствии с действующим законодательством одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом.

Например, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 1100 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 1996 г.).

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10) (см. текст в предыдущей редакции)

4. Рассматривая требования потерпевшего о компенсации перенесенных им нравственных или физических страданий, следует иметь в виду, что вопросы возмещения морального вреда, в частности, регулируются: частью 7 статьи 7 Гражданского кодекса РСФСР (в редакции Закона от 21 марта

1991 г.); статьей 62 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», введенного в действие с 8 февраля 1992 г. (с 1 августа 1990 г. действовала статья 39 Закона СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации»); статьей 89 Закона Российской Федерации от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды», введенного в действие с 3 марта 1992 г.; статьей 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей», введенного в действие с 7 апреля 1992 г. (ст. 15 того же Закона, действующей с 16 января 1996 г.); статьями 7, 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых 31 мая 1991 г., действие которых распространено на территории Российской Федерации с 3 августа 1992 г.; статьями 25, 30 «Правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей», принятых 24 декабря 1992 г. и введенных в действие с 1 декабря 1992 г.; частью 5 статьи 18 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих», введенного в действие с 1 января 1993 г.; статьями 12, 150 — 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенными в действие с 1 января 1995 г.; статьями 1099 — 1101 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 1996 г.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10) (см. текст в предыдущей редакции)

Однако отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда.

Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик к трудовым отношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., может быть применена статья 131 названных Основ, регулирующая ответственность за нанесение морального вреда по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, поскольку отношения, связанные с компенсацией морального вреда, не урегулированы трудовым законодательством. В частности, суд вправе обязать работодателя компенсировать причиненные работнику нравственные, физические страдания в связи с незаконными увольнением, переводом на другую работу, необоснованным применением дисциплинарного взыскания, отказом в переводе на другую работу в соответствии с медицинскими рекомендациями и т. п.

Указанное положение применимо и к трудовым отношениям, возникшим после 1 января 1995 г., так как названными выше незаконными действиями работодателя нарушаются личные неимущественные права работника и другие нематериальные блага (статья 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

5. Правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица (пункт 6 статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., пункт 7 статьи 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г.).

6. Если моральный вред причинен до введения в действие законодательного акта, предусматривающего право потерпевшего на его компенсацию, требования истца не подлежат удовлетворению, в том числе и в случае, когда истец после вступления этого акта в законную силу испытывает нравственные или физические страдания, поскольку на время причинения вреда такой вид ответственности не был установлен и по общему правилу действия закона во времени закон, усиливающий ответственность по сравнению с действовавшим на время совершения противоправных действий, не может иметь обратной силы (пункт 1 статьи 54 Конституции Российской Федерации).

Однако, если противоправные действия (бездействие) ответчика, причиняющие истцу нравственные или физические страдания, начались до вступления в силу закона, устанавливающего ответственность за причинение морального вреда, и продолжаются после введения этого закона в действие, то моральный вред в указанном случае подлежит компенсации.

7. На требования о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется, поскольку они вытекают из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ (пункт 2 статьи 43 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., пункт 1 статьи 208 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г.).

8. При рассмотрении требований о компенсации причиненного гражданину морального вреда необходимо учитывать, что по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., компенсация определяется судом в денежной или иной материальной форме, а по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г., — только в денежной форме, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. Исходя из этого, размер компенсации зависит от характера и объема причиненных истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств, и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального вреда, убытков и других материальных требований. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.96 № 10) (см. текст в предыдущей редакции)

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

9. Суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный вред не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

Применительно к статье 29 УПК РСФСР потерпевший, то есть лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (статья 53 УПК РСФСР), вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда при производстве по уголовному делу.

10. При рассмотрении дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме. Учитывая это, государственная пошлина по таким делам должна взиматься на основании подпункта «д» пункта 1 статьи 3 Закона РСФСР «О государственной пошлине», предусматривающего оплату исковых заявлений неимущественного характера.

При этом следует также иметь в виду, что в предусмотренных законом случаях истцы освобождаются от уплаты государственной пошлины (например, пункты 4, 8 статьи 80 ГПК РСФСР, часть 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»).

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М.ЛЕБЕДЕВ Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации В.В.ДЕМИДОВ

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 29 апреля 1996 г. № 1

О СУДЕБНОМ ПРИГОВОРЕ

18. В резолютивной части оправдательного приговора следует указать, по какому из предусмотренных законом оснований подсудимый оправдан по каждой статье (пункту, части статьи) уголовного закона.

При постановлении оправдательного приговора в отношении лица, обвинявшегося в совершении нескольких преступлений, квалифицированных одной статьей (пунктом, частью статьи) у[1]1[1]оловного[1]закона (например, несколько краж или эпизодов продолжаемого преступления), когда основания оправдания по ним различны, в резолютивной части приговора следует точно указать, по какому из предусмотренных законом оснований и в совершении каких преступлений подсудимый оправдан.

В резолютивной части оправдательного приговора должны содержаться также указания об отмене меры пресечения, мер обеспечения конфискации имущества и другие решения суда, которые в соответствии с законом подлежат отражению в этой части приговора.

В соответствии с положениями ст. ст. 1070, 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации оправданному следует разъяснить его право на возмещение вреда и компенсацию морального вреда, причиненного ему в резуль

тате незаконного привлечения к уголовной ответственности, о чем должна быть сделана отметка в протоколе судебного заседания.

21. Судам надлежит иметь в виду, что лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая в соответствии с законом осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При разрешении подобного рода исков следует руководствоваться положениями ст. ст. 151, 1099, 1100, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования справедливости и соразмерности.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 25 апреля 1997 г. № 490

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПРАВИЛ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 1997 г. № 490

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Извлечение

24. Исполнитель в соответствии с законодательством Российской Федерации несет ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие недостатков при оказании услуг, а также компенсирует моральный вред, причиненный потребителю нарушением прав потребителя.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 19 октября 1996 г. № 1254

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПРАВИЛ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННЫХ И ВЫДЕЛЕННЫХ СЕТЕЙ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ К СЕТИ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Во исполнение Федерального закона «О связи» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 8, ст. 600) и в целях обеспечения возможности физическим и юридическим лицам, имеющим лицензии на право предоставления услуг связи, доступа к сети электросвязи общего пользования на справедливой и недискриминационной основе Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить и ввести в действие с 1 ноября 1996 г. прилагаемые Правила присоединения ведомственных и выделенных сетей электросвязи к сети электросвязи общего пользования.

2. Федеральной службе России по регулированию естественных монополий в области связи по согласованию с Министерством связи Российской Федерации определить в первом полугодии 1997 г. порядок взаиморасчетов между операторами сетей электросвязи, образующих сеть электросвязи общего пользования, за предоставляемые друг другу сетевые ресурсы и услуги по передаче нагрузки этих сетей, а также разработать механизм регулирования цен (тарифов) за взаимопредоставляемые операторами услуги и сетевые ресурсы.

Председатель Правительства Российской Федерации В.ЧЕРНОМЫРДИН

Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 октября 1996 г. № 1254

ПРАВИЛА ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННЫХ И ВЫДЕЛЕННЫХ СЕТЕЙ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ К СЕТИ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

2. В настоящих Правилах применяются следующие термины: присоединение одной сети электросвязи к другой (выход одной сети электросвязи на другую) — организация взаимодействия между двумя сетями электросвязи, при котором становится возможным установление соединения и передача информации между абонентами (пользователями) этих сетей электросвязи;

IV. Порядок взаимодействия операторов сетей электросвязи в процессе предоставления услуг электросвязи

30. Между взаимодействующими операторами сетей электросвязи, участвующими в едином технологическом процессе предоставления услуг электросвязи пользователям, должен быть заключен договор, в котором, в том числе, предусмотрены:

порядок пропуска графика взаимодействующих сетей электросвязи;

порядок взаиморасчетов за предоставляемые операторами сетей электросвязи друг другу сетевые ресурсы и иные услуги;

взаимная ответственность взаимодействующих операторов сетей электросвязи за качество предоставляемых услуг электросвязи;

порядок возмещения материального и морального ущерба пользователям услуг электросвязи и операторам сетей электросвязи в случае, если отказ в предоставлении услуг электросвязи или ухудшение качества услуг электросвязи вызваны невыполнением или расторжением договора между двумя взаимодействующими операторами сетей электросвязи; порядок взаимодействия операторов сетей электросвязи при расчетах с пользователями за услуги электросвязи;

порядок проведения работы по рассмотрению претензий пользователей;

вопросы взаимодействия систем оперативно-технического управления сетями (электросвязи центров технической эксплуатации).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 23 июня 1997 г. № 1607-11 ГД

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Приложение

Утверждено Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 июня 1997 г. № 1607-11 ГД

ПОЛОЖЕНИЕ
О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 30. Гарантии неприкосновенности прокуроров и следователей за выраженное мнение или принятое решение

Прокурор или следователь не может быть привлечен к материальной ответственности, а также на него не может быть возложена обязанность возмещения морального ущерба за выраженное им при осуществлении своих функций мнение или принятое решение, если вступившим в силу приговором суда не будет установлена его виновность в злоупотреблении служебным положением.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТАМОЖЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПИСЬМО от 10 октября 1996 г. № 06-10/18105

О НАПРАВЛЕНИИ МАТЕРИАЛОВ

Направляю для использования при защите государственных интересов таможенными органами в судах по вопросу конфискации денежных средств по квитанции ТС-22:

— постановление президиума Пермского областного суда по жалобе гр. Азимова М.А. на действия должностных лиц Пермской таможни;

— протест заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации Сергеевой Н.Ю. на решение судов г. Пермь;

— определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по делу о жалобе гр. Азимова М.А.

Начальник Правового управления ГТК РФ В.А.ГАЛДИН

Приложение

ПРЕЗИДИУМ ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 12 мая 1996 г. № 44-Г-415

Президиум Пермского областного суда в составе:

председательствующего Былева И.Н., членов президиума Головина М.Д., Григоренко А.П., Самкова В.И., Куницына А.В., с участием прокурора области Семенова В.С., по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ Сергеевой Н.0. рассмотрел дело по жалобе Азимова Махира Азим-Оглы на действия работников Пермской таможни. Установил:

Решением Свердловского районного суда г. Перми от 27.03.95 удовлетворена жалоба Азимова Махира Азим-Оглы на действия работников Пермской таможни. С Пермской таможни в пользу Азимова М.А. взыскано 19 580 726 руб. и 1 000 000 руб. в возмещение морального вреда, а также госпошлина в доход государства 2 937 100 руб. Определением судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 06.06.95 решение оставлено без изменения.

В протесте заместителя Председателя Верховного Суда РФ ставится вопрос об отмене состоявшихся судебных постановлений.

Заслушав доклад судьи областного суда Иванова С.П., заключение прокурора области Семенова В.С. полагавшего протест удовлетворить, президиум не находит оснований к отмене состоявшихся судебных постановлений по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Азимов М.А. 31.08.94 авиарейсом из Баку прибыл в г. Пермь. На Пермской таможне задекларировал в таможенной декларации наличие 11 860 000 руб., которые у него были изъяты.

Сумма 2 050 000 руб. возвращена. Оставшаяся сумма 9 859 950 руб. была конфискована по досмотровой расписке № 89658 форма ТС-14.

Разрешая жалобу Азимова М.А., суд указал, что никакого правонарушения

он не совершал, поскольку всю сумму наличных денег указал в таможенной декларации. При этом суд исходил из положений ст. 35 Конституции РФ о защите права частной собственности, ст. 243 ГК РФ (1994 г.), предусматривающей конфискацию только в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения.

Как следует из ответа заместителя начальника Пермской таможни, какого-либо административного правонарушения в действиях Азимова при ввозе валюты не имеется.

Азимовым нарушен порядок ввоза валюты на территорию Российской Федерации, установленный Положением о порядке вывоза и пересылки из Российской Федерации и ввоза и пересылки в Российскую Федерацию валюты Российской Федерации, принятого Центральным банком РФ, Министерством финансов РФ и Государственным таможенным комитетом РФ.

Указанное Положение, а также разъяснение о конфискации денежных средств по квитанциям ТС-22, данные первым заместителем председателя Государственного таможенного комитета РФ противоречат закону, чему дана оценка судом первой и второй инстанций.

Возможность конфискации в судебном порядке не использована, оснований для конфискации в административном порядке не имеется.

Доводы протеста о том, что Азимов не доказал право собственности на вывозимую сверх нормы валюту, несостоятельны, поскольку таможня не оспаривала факт принадлежности Азимову ввозимой валюты.

Установив факт незаконной конфискации валюты, суд обоснованной соответствии со ст. 151 ГК РФ возложил на таможню обязанность по возмещению морального вреда, его размер мотивирован.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст. 329 ГПК РСФСР, президиум постановил: Решение Свердловского районного суда г. Перми от 27.03.95 и определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 06.06.95 оставить без изменения, протест заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — без удовлетворения.

Председатель Пермского областного суда
И.Н.БЫЛЕВ

В судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации ПРОТЕСТ от _ июля 1996 г. № 44-896-2

31.08.94 Азимов Махир Азим-Оглы рейсом из Баку прибыл в г. Пермь.

На Пермской таможне задекларировал в таможенной декларации наличие 11 860 000 руб., которые у него были изъяты, впоследствии 2 050 000 руб. возвращены, оставшаяся сумма 9 859 950 руб. была конфискована по досмотровой расписке № 89658 форма ТС-14.

Азимов обратился в суд с жалобой на действия работников Пермской таможни.

Решением Свердловского районного суда г. Перми от 27.03.95, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 06.06.95, жалоба удовлетворена, взысканы с пермской

таможни в пользу Азимова 19 580 726 руб. и 1 000 000 руб. морального вреда, а также в доход государства госпошлина в сумме 2 937 100 руб.

Президиум Пермского областного суда 12.05.96 отклонил протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ на указанные судебные Постановления.

Все состоявшиеся судебные постановления подлежат отмене по следующим основаниям.

При разрешении жалобы Азимова суд исходил из того, что он никакого правонарушения не совершал, поскольку всю сумму наличных денег указал в таможенной декларации, на территорию РФ российские деньги не ввозил, а имело место перемещение по пункту таможенного контроля.

По мнению суда, в результате конфискации денежной массы Азимов был лишен принадлежащих ему на праве собственности денежных средств, охрана которых гарантируется ст. 35 Конституции РФ.

Выводы суда противоречат нормам материального закона, регулирующего спорное правоотношение.

В соответствии со ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства.

Порядок перемещения через таможенную границу Российской Федерации валюты РФ осуществляется в соответствии с валютным законодательством (ст. 108ТКРФ).

Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 09.10.92 определил полномочия и функции органов валютного регулирования и валютного контроля, права и обязанности юридических и физических лиц в отношении владения, пользования и распоряжения валютными ценностями, ответственность за нарушение валютного законодательства.

Постановлением Верховного Совета РФ от 09.10.92 «О введении в действие Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» (п. 7) поручено Центральному банку РФ, Министерству финансов РФ и Государственному таможенному комитету в двухмесячный срок принять нормативные акты во исполнение Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», не требующие согласования с Верховным Советом РФ.

Центробанк России в соответствии с Законом РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» подписал «Положение о порядке вывоза и пересылки из России и ввоза и пересылки в Россию валюты Российской Федерации», письмом от 08.04.94 № 29-1/568 установил нормы ввоза в РФ валюты и определил перечень документов, подтверждающих право собственности на Российскую валюту при ввозе ее сверх установленной нормы.

Для граждан ближнего зарубежья, прибывающих на территорию РФ на постоянное место жительства, ввоз валюты РФ допустим в размерах, подтвержденных документами об источниках образования, заверенными консульской службой МИД России в государствах ближнего зарубежья.

Ни Свердловский райнарсуд, ни Президиум областного суда не указали на конкретные нарушения действующего валютного и таможенного законодательства, которое бы лишало таможню права произвести конфискацию ввозимой сверх установленных норм валюты РФ.

Указание Президиума на то обстоятельство, что таможня не оспаривала права собственности Азимова на ввозимую валюту, правового значения не имеет,

поскольку в силу характера своей деятельности таможня при даче разрешения на ввоз денежной наличности РФ обязана была потребовать у гражданина документы, подтверждающие его право собственности.

Не может быть лишен собственности собственник по правоустанавливаю-щему документу.

Суд, а также кассационная и надзорная инстанции не указали на доказательства, подтверждающие право собственности Азимова на валюту РФ, ввозимую сверх установленной нормы.

Между тем правильный вывод о законности или незаконности действий Пермской таможни можно сделать при условии, если Азимов предъявил таможенным органам документы об источниках возникновения собственности.

Как видно из материалов дела, Азимов не предъявил органам таможенного контроля заверенных консульской службой МИД РФ документов об источниках образования перевозимой валюты и следовательно не доказал своего права собственности на конфискованную таможней валюту.

Статья 14 п. 1 пп. «б» Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», официально опубликованного в «Российской газете» за 04.11.92, предусматривает ответственность физических лиц за нарушения ст. 2 Закона (несоблюдение установленных Центробанком РФ, Минфином РФ и Государственным таможенным комитетом РФ правил вывоза и пересылки из Российской Федерации, а также ввоза и пересылки в Российскую Федерацию валюты Российской Федерации и ценных бумаг, выраженных в валюте РФ) в виде взыскания в доход государства необоснованно приобретенного не по сделке, а в результате незаконных действий.

Порядок введения в действие Закона РФ, предоставившего таможенным органам в определенных, указанных в Законе случаях, право изымать ввозимую сверх установленных норм валюту РФ, соответствует Федеральному закону РФ от 14.06.94 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат федерального собрания», не противоречит ныне действующему Указу Президента РФ от 23.05.96 № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов органов исполнительной власти».

Принятое во исполнение Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» «Положение о порядке вывоза и пересылки из Российской Федерации и ввоза и пересылки в Российскую Федерацию валюты РФ» определяют порядок применения Закона РФ, новых норм не устанавливает, а самостоятельно не подлежит официальному опубликованию.

При таких обстоятельствах ссылка суда в решении на отсутствие официального опубликования Приказа ГТК № 437 от 27.10.93 несостоятельна.

Частичное удовлетворение требования о возмещении морального вреда суд обосновал неправомерностью действий Пермской таможни.

При новом рассмотрении суду надлежит определить обстоятельства, имеющие значение для дела, имея при этом в виду, что разрешение вопросов о том, имел ли место ввоз на территорию РФ валюты РФ, соответствовало ли ее количество нормам ввоза, выполнены ли требования правил ввоза валюты РФ заявителем, соответствуют ли закону, регулирующему спорное правоотношение, действия таможенных органов по конфискации валюты, имеет значение для дела; возложить на заявителя бремя предоставления доказательства принадлежности ему ввозимой валюты, обязать представителей Пермской таможни представить документы, подтверждающие соответствие их действий требованиям закона.

Руководствуясь ст. 324 ГПК РСФСР, прошу: решение Свердловского районного суда Пермской области от 27.03.95, определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 06.06.96 и Постановление Президиума Пермского областного суда от 12.05.96 отменить. Дело направить на новое рассмотрение.

Заместитель Председателя

Верховного Суда Российской Федерации Н.Ю.СЕРГЕЕВА

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе председательствующего П.П. Паскина, судей Т.И. Еременко и А.М. Маслова рассмотрела в судебном заседании от 19 августа 1996 г. дело по жалобе Азимова Махира Азим-Оглы на действия работников Пермской таможни по протесту заместителя председателя Верховного Суда Российской Федерации на решение Свердловского районного суда Пермской области от 27 марта 1995 г. определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 6 июня 1995 г.. Постановление президиума Пермского областного суда от 12 мая 1996 года.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации А.М. Маслова, заключение прокурора Генеральной Прокуратуры Российской Федерации Л.Л. Корягиной, полагавшей протест удовлетворить, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации установила: 31.08.94 Азимов Махир Азим-Оглы рейсом из Баку прибыл в г. Пермь.

На Пермской таможне задекларировал в таможенной декларации наличие 11 860 000 руб., которые у него были изъяты, впоследствии 2 050 000 руб. возвращены, оставшаяся сумма 9 859 950 руб. была конфискована по досмотровой расписке № 89658 форма ТС-14.

Азимов обратился в суд с жалобой на действия работников Пермской таможни.

Решением Свердловского районного суда г. Перми от 27.03.95, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 06.06.95, жалоба удовлетворена, взысканы с Пермской таможни в пользу Азимова 19 580 725 руб. и 1 000 000 руб. морального вреда, а также в доход государства госпошлина в сумме 2 937 100 руб.

Президиум Пермского областного суда 12.05.96 отклонил протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ на указанные судебные Постановления.

В протесте заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации ставится вопрос об отмене состоявшихся судебных постановлений в связи с неправильным применением норм материального права.

Проверив материалы дела, обсудив доводы протеста, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что состоявшиеся по делу судебные постановления подлежат отмене.

При разрешении жалобы Азимова суд исходил из того, что он никакого правонарушения не совершал, поскольку всю сумму наличных денег указал в таможенной декларации, на территорию РФ российские деньги не ввозил, а имело место перемещение по пункту таможенного контроля.

По мнению суда, в результате конфискации денежной массы Азимов был

лишен принадлежащих ему на праве собственности денежных средств, охрана которых гарантируется ст. 35 Конституции РФ.

Выводы суда противоречат нормам материального закона, регулирующего спорное правоотношение.

В соответствии со ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства.

Порядок перемещения через таможенную границу Российской Федерации валюты РФ осуществляется в соответствии с валютным законодательством (ст. 108 ТК РФ).

Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 09.10.92 определил полномочия и функции органов валютного регулирования и валютного контроля, права и обязанности юридических и физических лиц в отношении владения, пользования и распоряжения валютными ценностями, ответственность за нарушение валютного законодательства.

Постановлением Верховного Совета РФ от 09.10.92 «О введении в действие Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» (п. 7) поручено Центральному банку РФ, Министерству финансов РФ и Государственному таможенному комитету в двухмесячный срок принять нормативные акты во исполнение Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», не требующие согласования с Верховным Советом РФ.

Центробанк России в соответствии с Законом РФ *«О* валютном регулировании и валютном контроле» подписал «Положение о порядке вывоза и пересылки из России и ввоза и пересылки в Россию валюты Российской Федерации», письмо от 08.04.94 № 29-1/568, установил нормы ввоза в РФ наличной валюты и определил перечень документов, подтверждающих право собственности на российскую валюту при ввозе ее сверх установленной нормы.

Для граждан ближнего зарубежья, прибывающих на территорию РФ на постоянное местожительство, ввоз валюты РФ допустим в размерах, подтвержденных документами об источниках образования, заверенными консульской службой МИД России в государствах ближнего зарубежья.

Ни Свердловский райнарсуд, ни Президиум областного суда не указали на конкретные нарушения действующего валютного и таможенного законодательства, которое бы лишало таможню права произвести конфискацию ввозимой сверх установленных норм валюты РФ.

Указание Президиума на то обстоятельство, что таможня не оспаривала права собственности Азимова на ввозимую валюту, правового значения не имеет, поскольку в силу характера своей деятельности таможня при даче разрешения на ввоз денежной наличности РФ обязана была потребовать у гражданина документы, подтверждающие его право собственности.

Не может быть лишен собственности собственник по правоустанавливаю-щему документу.

Суд, а также кассационная и надзорная инстанции не указали на доказательства, подтверждающие право собственности Азимова на валюту РФ, ввозимую сверх установленной нормы.

Между тем правильный вывод о законности или незаконности действий Пермской таможни можно сделать при условии, если Азимов предъявил таможенным органам документы об источниках возникновения собственности.

Как видно из материалов дела, Азимов не предъявил органам таможенного

контроля заверенных консульской службой МИД РФ документов об источниках образования перевозимой валюты и следовательно не доказал своего права собственности на конфискованную таможней валюту.

Статья 14 п. 1 пп. «б» Закона РФ *«О* валютном регулировании и валютном контроле», официально опубликованного в «Российской газете» за 04.11.92, предусматривает ответственность физических лиц за нарушение ст. 2 Закона (несоблюдение установленных Центробанком РФ, Минфином РФ и Государственным таможенным комитетом РФ правил вывоза и пересылки из Российской Федерации, а также ввоза и пересылки в Российскую Федерацию валюты Российской Федерации и ценных бумаг, выраженных в валюте РФ) в виде взыскания в доход государства необоснованно приобретенного не по сделке, а в результате незаконных действий.

Порядок введения в действие Закона РФ, предоставившего таможенным органам в определенных, указанных в Законе, случаях право изымать ввозимую сверх установленных норм валюту РФ, соответствует Федеральному закону РФ от 14.06.94 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат федерального собрания» не противоречит ныне действующему Указу Президента РФ от 23.05.96 № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов органов исполнительной власти».

Принятое во исполнение Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» «Положение о порядке вывоза и пересылки из Российской Федерации и ввоза и пересылки В Российскую Федерацию валюты РФ» определяют порядок применения Закона РФ, новых норм не устанавливает, а самостоятельно не подлежит официальному опубликованию.

При таких обстоятельствах ссылка суда в решении на отсутствие официального опубликования Приказа ГТК № 437 от 27.10.93 несостоятельна.

Частичное удовлетворение требования о возмещении морального вреда суд обосновал неправомерностью действий Пермской таможни.

Таким образом, судебные инстанции неправильно применили материальный закон, а поэтому состоявшиеся судебные постановления подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение, в ходе которого суду надлежит определить обстоятельства, имеющие значение для дела, имея при этом в виду, что разрешение вопросов о том, имел ли место ввоз на территорию РФ валюты РФ, соответствовало ли ее количество нормам ввоза, выполнены ли требования правил ввоза валюты РФ заявителем, соответствуют ли закону, регулирующему спорное правоотношение, действия таможенных органов по конфискации валюты, имеет значение для дела; возложить на заявителя бремя предоставления доказательств принадлежности ему ввозимой валюты, обязать представителей Пермской таможни представить документы, подтверждающие соответствие их действий требованиям закона...

Руководствуясь ст. 329 п. 2 ГПК РСФСР, Судебная коллегия определила: решение Свердловского районного суда Пермской области от 27 марта 1995 года, определение судебной коллегии по гражданским делам Пермского областного суда от 6 июня 1995 года. Постановление президиума Пермского областного суда от 12 мая 1996 года отменить.

Дело направить на новое рассмотрение.

Председательствующий

П.П.ПАСКИНА

Судьи

Т.И.ЕРЕМЕНКО, А.М.МАСЛОВА